Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Толдиев Хас-Магомед Баширович

Судебная практика как фактор совершенствования российского законодательства

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Барзилова Инна Сергеевна

Москва – 2026

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Теоретические аспекты использования судебной практики в целях совершенствования отечественного и зарубежного законодательства 22

1.1. Понятие, сущность и функции судебной практики как фактора совершенствования законодательства 22

1.2. Роль судебной практики в российской правовой системе 46

1.3. Значение судебной практики в семьях общего и континентального права 71

Глава 2. Основные направления использования судебной практики в отечественной правовой системе в целях совершенствования российского законодательства 101

1.1. Судебная практика в системе факторов, направленных на совершенствование отечественного законодательства 101

1.2. Унификация и специализация российского законодательства посредством судебной практики 116

1.3. Судебная практика как фактор систематизации нормативных правовых актов в российской правовой системе 131

1.4. Направления воздействия судебной практики на процесс совершенствования российского законодательства 170

Заключение 189

Список использованных источников и литературы 191

Введение

Актуальность темы исследования предопределена повышением роли судебных органов как одних из основных правоприменителей в совершенствовании действующих в правовой системе Российской Федерации законов и подзаконных нормативных правовых актов. Судебные органы в процессе применения права на практике выявляют существующие дефекты в отечественном законодательстве, а именно коллизии, пробелы, правовые ошибки, конкуренцию юридических норм и т.д. Особую значимость это приобретает в условиях активного внедрения в правовую сферу цифровых технологий, возникновения новых правовых отношений в результате появления различного рода инноваций, развития робототехники, технологий искусственного интеллекта. Судебная практика выступает в роли своего рода «зеркала», средства определения качества действующего законодательства, выявления «слабых звеньев» в системе нормативных правовых актов. Значимость судебной практики связана и с тем, что она позволяет не только обозначать недостатки законодательства, но и предлагать практические меры, направленные на их устранение, что предопределено возможностью судов высших инстанций, а именно Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, выступать в качестве субъектов законодательной инициативы по вопросам их ведения; принимать акты официального толкования, применяемые в процессе реализации права; давать разъяснения по проблемным и спорным юридическим вопросам и т.д.

В современной правовой действительности Российской Федерации качество и эффективность нормативно-правового регулирования во многом определяются способностью законодательства адаптироваться к динамично меняющимся социально-экономическим, технологическим, политическим, культурным и другим общественным отношениям. В условиях глобализации и ускоренного развития цифровой экономики законодательный процесс

оказывается вынужденным реагировать на новые вызовы, которым традиционные механизмы подготовки нормативных актов нередко не успевают отвечать.

До настоящего времени в российской юридической науке недостаточно исследована проблема, касающаяся системного исследования судебной практики как самостоятельного фактора совершенствования законодательства. Хотя на уровне отдельных исследований анализируются некоторые аспекты влияния обобщенных позиций Верховного Суда РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а также разъяснительных актов судов высших инстанций на изменения законодательства, комплексная интеграция этих выводов в законотворческий процесс остается недостаточно разработанной. Не хватает четкого понимания того, каким образом обобщенные позиции высших судебных инстанций могут выступать не только практическим ориентиром при правоприменении, но и стратегическим механизмом и фактором выявления системных недостатков нормативной базы, требующих законодательного вмешательства.

Практическая значимость данного вопроса особенно возросла в свете последних законодательных реформ, затрагивающих гражданское, уголовное, административное и иные отрасли права, а также в связи с необходимостью повышения эффективности мер по противодействию социально-экономическим рискам. Временной промежуток между выявлением в правоприменительной практике противоречий и их устранением на законодательном уровне нередко приводит к нарастанию экономических и социальных издержек, снижению уровня юридической определенности, а в ряде случаев к ограничению прав и свобод граждан. В этой связи разработка научно обоснованного механизма использования судебной практики в качестве фактора совершенствования законодательства приобретает стратегическое значение для поддержания устойчивости правового порядка и повышения доверия общества к институтам правосудия и законотворчества.

Анализ юридической литературы, монографических исследований по теории государства и права, отраслевым юридическим наукам приводит к выводу

о незначительной разработанности проблемы влияния судебной практики на совершенствование российского законодательства именно с позиции факторного анализа. Для восполнения существующего пробела предпринимается попытка изучения судебной практики именно как фактора, способствующего оптимизации действующей системы законов и подзаконных нормативных правовых актов, определяется значимость и роль подобного фактора для развития правовой системы Российской Федерации на современном этапе, его особенность и место в системе других подобных факторов, направление его воздействия на различные элементы механизмов правотворческой и правоприменительной деятельности и т.д. Таким образом, исследование судебной практики как фактора совершенствования российского законодательства является актуальным и важным для отечественной юридической науки и практики.

Степень научной разработанности темы исследования.

Проблемы определения статуса и роли судебной практики в правотворчестве в отечественной юридической науке в дореволюционный период исследовались в работах А. А. Алексеева, П. Г. Виноградова, Н. М. Коркунова, К. И. Малышева, С. В. Пахмана, Л. И. Петражицкого, Ф. В. Тарановского, Е. Н. Трубецкого, А. Н. Филиппова, Г. Ф. Шершеневича и др.

Позднее вопросы, касающиеся степени влияния судебной практики на российское законодательство, изучались как в рамках теории государства и права, так и отраслевых юридических наук. К исследованиям в области теории государства и права можно отнести труды М. И. Абдулаева, В. К. Бабаева, М.И. Бару, А. К. Бензиной, И.Ю. Богдановской, Н. С. Бондаря, Г. А. Борисова, С. Н. Братуся, А. Л. Бредихина, А. Б. Венгерова, Т. В. Гавашели, Л. А. Голубевой, П. А. Гука, К. В. Грибковой, А. Г. Карапетова, С. В. Кодана, А. В. Корнева, В. В. Лазарева, В. И. Лафитского, В. М. Лебедева, С. В. Липеня, Р. З. Лившица, А. В. Малько, А. А. Малюшина, М. Н. Марченко, Н. И. Матузова, Л. А. Морозовой, Т. Н. Нешатаевой, В. И. Никитинского, В. С. Нерсесянца, А. Г. Нуриева, Д. А. Пашенцева, А. А. Петрова,

Е. Г. Потапенко, В. Н. Протасова, В. П. Реутова, О. Н. Садикова, И. Н. Сенякина, Л. Е. Смирнова, Б. Н. Топорнина, Т. Я. Хабриевой, Л. Ю. Фоминой, А. В. Цихоцкого, А. Н. Шадже, Л. С. Явича, М. К. Юкова и др.

На отраслевом уровне подобные проблемы исследовались в работах В.В. Витрянского, В.М. Жуйкова, Т.Ю. Коршуновой, И.И. Кучерова, А.В. Наумова, А.Ф. Нуртдиновой, Н.А. Поветкиной, А.И. Рарога, Е.А. Суханова, Т.Я. Хабриевой, Л.А. Чикановой и др.

Вместе с тем на сегодняшний день в отечественной юридической науке отсутствуют комплексные исследования, в которых последовательно и системно был бы проведен факторный анализ процессов развития российского законодательства с учетом влияния судебной практики. Не разработаны критерии и методы для количественной и качественной оценки влияния судебной практики на развитие и совершенствование отечественного законодательства. Поэтому необходимо дальнейшее рассмотрение данной проблемы на теоретическом уровне, выявление взаимосвязей между конкретными судебными решениями и изменениями в правотворческом процессе, что позволит выработать обоснованные рекомендации для законодателя по оптимизации обратной связи между практикой судов и разработкой нормативных правовых актов.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе правоприменительной деятельности судебных органов, принятия ими правоприменительных актов и актов толкования права; правотворческой деятельности, осуществляемой различными субъектами и совершенствующейся с учетом сложившейся судебной практики.

Предметом диссертационного исследования являются доктринальные и нормативные источники, материалы правоприменительной и правоинтерпретационной практики, положения отечественных и зарубежных научных исследований, касающиеся судебной практики как фактора совершенствования российского законодательства.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании положений, формулировании научно обоснованных предложений, касающихся совершенствования российского законодательства с использованием судебной практики; унификации, специализации и систематизации нормативных правовых актов с учетом сложившейся практики судебных органов.

Для достижения указанной цели определены следующие задачи исследования:

- изучить существующие в отечественной юридической науке подходы к пониманию судебной практики как фактора совершенствования законодательства;

- выявить сущность, роль и функции судебной практики в российской правовой системе;

- изучить влияние судебной практики на правотворческую деятельность в семьях общего и континентального права;

- определить роль и значение судебной практики в системе факторов, направленных на совершенствование отечественного законодательства;

- рассмотреть процесс унификации и специализации российского законодательства посредством судебной практики;

- выявить особенности судебной практики как фактора систематизации нормативных правовых актов в российской правовой системе;

- изучить механизм влияния судебной практики на правотворческую деятельность;

- выявить современные проблемы использования судебной практики в правотворческом и правоприменительном процессах;

- разработать предложения по совершенствованию правотворческой деятельности с использованием судебной практики.

Методологическая основа диссертационного исследования

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные (исторический, логический, системный, функциональный и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод прогнозирования и др.) методы познания, направленные на достижение цели и решение поставленных задач.

Философско-мировоззренческую основу исследования составляет диалектический метод, позволивший выявить закономерности возникновения и развития судебной практики и ее влияние на правотворческий процесс.

Исторический метод позволил изучить эволюцию правотворческого процесса и влияющих на него факторов, провести исследование становления судебной практики в российской правовой системе, выявить закономерности изменения значения судебной практики в различные периоды развития государства. Применение этого метода позволило выявить тенденции, определяющие постепенное укрепление роли судебных органов в процессе совершенствования законодательства.

Логический метод применялся для уяснения смысла подходов к пониманию судебной практики в отечественной юридической науке; содержания понятий «судебная практика», «фактор совершенствования законодательства», «влияние судебной практики на законодательство» и др.

Системный метод позволил определить систему участников отношений, касающихся правотворчества и правоприменения, а также структурировать механизм влияния судебной практики на российское законодательство.

Метод моделирования позволил воспроизвести процесс взаимодействия судебной практики и законодательства, сконструировать механизм влияния судебной практики на правотворчество, включающий отдельные уровни, стадии и принципы.

Метод прогнозирования позволил сформулировать предложения по совершенствованию процесса влияния судебной практики на российское законодательство с целью его оптимизации. Такой подход позволил

рассматривать судебную практику в качестве переменной величины, влияющей на устойчивость и адаптивность законодательства, а также выявить тенденции, позволяющие прогнозировать нормативные изменения в ответ на правоприменительные сигналы.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные труды по теории государства и права, философии, социологии, а также по отраслевым юридическим наукам. Основу для исследования понятия, сущности и функций судебной практики составили труды С. С. Алексеева, А. К. Бензиной, П. А. Гука, Н. М. Коркунова, В. И. Никитинского, Д. А. Пашенцева.

В описании теоретических подходов относительно определения роли судебной практики в российской правовой системе были использованы работы К. В. Грибковой, Л. А. Голубевой, С. В. Кодана, К. И. Малышева, М. Н. Марченко, А. Г. Нуриева, С. В. Пахмана, Л. И. Петражицкого, А. Л. Бредихина, Г. Ф. Шершеневича.

Ключевое значение для исследования судебной практики как фактора совершенствования системы нормативных правовых актов в отечественной юридической науке имеют работы А. Б. Венгерова, А. В. Корнева, Н. М. Коркунова, В. М. Лебедева, М. Н. Марченко, Л. И. Петражицкого, В. П. Реутова, С. Н. Братуся, Е. Н. Трубецкого, А. В. Цихоцкого.

Для определения роли и значения судебной практики в системе факторов, направленных на совершенствование отечественного законодательства, были использованы методы «факторного анализа», основанные на научных работах Н.А. Босхамджиевой, О.Е. Мешковой, П.А. Паулова и др., посвященных методологии факторного анализа и системного анализа правовых явлений.

При исследовании вопросов унификации, специализации и систематизации российского законодательства посредством судебной практики, а также при формулировании теоретических концепций и дефиниций были использованы

работы С. С. Алексеева, М. И. Бару, Л. Ю. Фоминой, А. Г. Карапетова, Л. Л. Кругликова, Н. И. Матузова, Е. Г. Потапенко, О. Н. Садикова, И. Н. Сенякина, Л. Е. Смирнова, А. Н. Шадже, М. К. Юкова.

Диссертант основывался на работах по теории государства и права таких ученых, как Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, Н.Н. Алексеев, С.И. Архипов, М.И. Байтин, И.С. Барзилова, М.С. Богданова, А.М. Васильев, Ю.А. Веденеев, А.Б. Венгеров, П.Г. Виноградов, Н.В. Витрук, Ю.И. Гревцов, Т.В. Кашанина, Д.А. Керимов, И.Ю. Козлихин, А.В. Корнев, В.Н. Кудрявцев, В.Л. Кулапов, А.В. Лавренюк, В.В. Лазарев, С.В. Липень, Д.А. Липинский, Е.А. Лукашева, Я.М. Магазинер, И.И. Мазуров, Я.Ф. Миколенко, А.В. Малько, Г.В. Мальцев, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, И.А. Минникес, Л.А. Морозова, В.С. Нерсесянц, В.Ю. Панченко, А.С. Пиголкин, Д.В. Пожарский, Е.В. Пономарева, В.Н. Протасов, Т.Н. Радько, А.Г. Репьев, О.Ю. Рыбаков, И.Н. Сенякин, В.Н. Синюков, В.В. Субочев, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров, Е.И. Фарбер, Т.Я. Хабриева, Р.О. Халфина, М.Е. Черемисина, В.А. Четвернин, И.Л. Честнов, В.Е. Чиркин, Б.С. Эбзеев, А.И. Экимов, Л.С. Явич и др.

Работа основывалась на трудах таких представителей отраслевых юридических наук, как С.Н. Братусь, Л.Ю. Василевская, А.Я. Гасанов, Е.Ю. Грачева, М.А. Драчук, О.Б. Зайцева, А.А. Карцхия, Д.А. Конев, Ю.Н. Лебедева, А.В. Минбалеев, И.А. Михайлова, П.М. Морхат, Ю.А. Новикова, Ю.В. Песковая, И.М. Рассолов, А.Н. Савенков, М.А. Сангаджиева, В.В. Скоробогатова, С.Г. Чубукова, Е.В. Чуклова и др.

Нормативную и эмпирическую основу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации, подзаконные нормативные правовые акты. Диссертантом использовались материалы судебной практики, акты судов высших инстанций, законопроекты, статистические и иные данные, касающиеся деятельности Верховного Суда РФ и Конституционного

Суда РФ, аналитические материалы, размещенные на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования определяется поставленными целями и задачами, теоретическим осмыслением вопросов, касающихся рассмотрения судебной практики как фактора совершенствования российского законодательства, комплексной оценкой состояния правового регулирования с использованием судебных актов, изучением судебной практики именно с позиции факторного анализа, полученными в ходе проведенного исследования результатами и выводами.

В диссертации проведено комплексное теоретическое исследование судебной практики как фактора совершенствования российского законодательства, в рамках которого выявлены особенности подобного фактора, степень и направления его влияния на правотворческий процесс в целом; его место и роль в общей системе факторов, способствующих совершенствованию действующей системы законов и подзаконных нормативных правовых актов; значимость подобного фактора в современных условиях, связанных с развитием цифровых технологий, искусственного интеллекта, робототехники, появлением различного рода инноваций; влияние подобного фактора на унификацию, специализацию и систематизацию российского законодательства.

На основе системного и сравнительно-правового анализа предложена концепция судебной практики как формы «обратной связи» между правоприменением и правотворчеством, обеспечивающей развитие законодательства через выявление, интерпретацию и устранение дефектов правового регулирования. В работе были рассмотрены аналитический, корректирующий, унификационный и прогностический уровни воздействия судебной практики на законодательный процесс; системообразующий потенциал судебной практики, обеспечивающий согласование законодательства с принципами правовой определенности, справедливости и соразмерности.

Научная новизна исследования выражается в определении влияния судебной практики на процессы систематизации, унификации и специализации законодательства; выявлении закономерностей и форм отражения судебных позиций в последующих изменениях законодательства, институциональных способов взаимодействия судебных органов с законодательной властью; изучении механизма включения результатов обобщения судебной практики в систему предварительного правового мониторинга как элемента аналитической подготовки законопроектов; обосновании необходимости цифровизации судебной практики, направленной на систематизацию российского законодательства, предусматривающей использование технологий искусственного интеллекта и судебной аналитики для выявления противоречий и пробелов в правовом регулировании.

Отдельное внимание в исследовании уделено проблемам совершенствования механизма влияния судебной практики на российское законодательство с использованием цифровых технологий, что позволит оптимизировать категориальный аппарат современной юридической науки, процесс правотворчества и правоприменения.

На защиту выносятся следующие основные положения, отражающие новизну диссертационного исследования:

1. Доказано, что судебная практика как фактор, направленный на совершенствование отечественного законодательства, представляет собой явление, существующее в процессе применения права как особой формы его реализации, обозначающее его дефекты и оказывающее с помощью правовых средств и механизмов влияние на правотворческий процесс с целью его совершенствования.

Судебную практику как фактор совершенствования российского законодательства можно рассматривать как совокупность правовых позиций, выраженных в решениях судов, являющихся ориентиром для законодателя, основанных на разрешении аналогичных споров, выполняющих функцию

толкования и конкретизации норм права в процессе их применения к конкретным спорам.

2. Обосновано, что среди особенностей судебной практики именно как фактора, направленного на совершенствование российского законодательства, выделяются следующие: судебная практика с позиции факторного анализа позволяет «связывать» правотворческий и правоприменительный процессы воедино, формируя таким образом «замкнутый цикл», «замкнутую систему»; в рамках данной «замкнутой системы» судебная практика как фактор совершенствования законодательства позволяет согласовывать, взаимообуславливать каждый из элементов (законы, акты реализации права, юридические факты, объем субъективных прав и юридических обязанностей участников правовых отношений и т.д.); в рамках судебной практики выявляются потребности государства и общества, отдельных социальных групп в совершенствовании действующего законодательства; в рамках судебной практики апробируются новеллы российского законодательства, определяется их «пригодность», необходимость для регулирования отношений определенного вида; судебная практика, рассматриваемая с позиции факторного анализа, позволяет определять правильность, адекватность использования правовых средств и механизмов с учетом изменений, происходящих в социально-экономической, политической сферах и т.д.

Наибольшее значение судебная практика как фактор совершенствования отечественного законодательства приобрела после принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году. Посредством выявления, конкретизации и преодоления дефектов правового регулирования судебная практика обеспечивает обратную связь между правоприменением и правотворчеством, способствуя развитию и адаптации законодательства к современным общественным отношениям. Судебная практика обладает признаками правовой традиции, включая социальную значимость, адаптивность и регулятивный характер. Вместе с тем использование судебной практики для

совершенствования законодательства не может быть признано устойчивой правовой традицией российской правовой системы ввиду сравнительно недавнего формирования данного механизма.

3. Доказано, что в механизме влияния судебной практики на правотворческий процесс можно выделить «реперные точки», а именно: в процессе законодательной инициативы; официального закрепления практики рассмотрения определенных категорий дел, касающейся правовых позиций судебных органов; при официальном толковании права; при разъяснении положений действующего законодательства в рамках судебных процессов; в процессе участия судей и представителей правотворческих органов в различного рода научных конференциях, семинарах, «круглых столах», симпозиумах; в процессе научной деятельности судей, их участия в различного рода общественных организациях и т.д.

Наряду со специально-юридическими функциями судебная практика как фактор совершенствования законодательства выполняет также общесоциальную, политико-правовую, социально-диагностическую, аксиологическую и культурно-историческую функции.

4. Установлено, что судебная практика может быть использована для унификации, специализации и систематизации российского законодательства. Среди особенностей влияния судебной практики на унификацию, специализацию и систематизацию российского законодательства можно выделить следующие: судебная практика позволяет «точечно» выявлять коллизионные, дублирующие и иные дефектные нормы; проверяет на практике оправданность правотворческих новелл, оправданность их внедрения; представляет собой одно из самых оперативных средств выявления коллизий между полномочиями государственных органов или отдельных должностных лиц; выступает в качестве препятствия для излишней дифференциации в процессе правового регулирования; позволяет согласовывать правовые позиции судебных органов с учетом процессов совершенствования действующего законодательства и т.д.

Выделены элементы унификации законодательства посредством судебной практики: толкование норм права на основе правовых позиций высших судов; устранение излишней дифференциации правового регулирования; обеспечение единообразия правоприменения и минимизация противоречивого толкования норм.

Результатом специализации законодательства должно быть формирование правоприменительных позиций, которые не только разрешают конкретные споры, но и выявляют необходимость внесения изменений в действующее законодательство. Судебные акты высших судебных инстанций, в которых специализированы конкретные нормы, должны служить ориентиром для законодателя, указывая на необходимость переработки конкретных правовых положений.

Систематизация законодательства РФ с помощью судебной практики является необходимым шагом в условиях перегруженности нормативной правовой базы, которая характеризуется большим количеством нормативных актов.

5. Обосновано выделение следующих форм влияния судебной практики на процесс совершенствования российского законодательства: официальных и неофициальных, прямых и опосредованных, институциональных и коммуникационных; формальных и неформальных и т.д.

Официальные формы влияния связаны с деятельностью судебных органов в пределах предоставленных им полномочий. К ним относятся реализация Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации права законодательной инициативы по вопросам их ведения, принятие судебных решений, обобщение судебной практики, подготовка предложений по совершенствованию законодательства. В этих случаях сведения о недостатках нормативного регулирования получают выражение в актах и материалах, исходящих от уполномоченных органов. Неофициальные формы возникают при научном и профессиональном обсуждении судебной практики.

Они выражаются, в частности, в исследованиях, экспертных публикациях и выступлениях, авторы которых анализируют правовые позиции судов и предлагают способы устранения выявленных проблем. Подобные предложения не являются позицией судебного органа, однако могут быть использованы при разработке и обсуждении законодательных изменений.

Прямое использование судебной практики для совершенствования законодательства касается права законодательной инициативы Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ по вопросам их ведения; обращения судов в Конституционный Суд РФ, обобщения судебной практики и деятельности научно-консультативных советов и т.д. Опосредованное использование связано с учетом сложившейся судебной практики при разработке проекта консолидированного или кодифицированного нормативного правового акта, экспертно-консультативным участием представителей судебной власти в законотворческой деятельности и т.д.

Прямые формы использования судебной практики для совершенствования законодательства приводят к изменению нормы права напрямую, почти сразу после соответствующего судебного акта или действия (вынесение Конституционным Судом РФ решения о неконституционности правовой нормы приводит к приостановлению ее применения и внесению последующих изменений в законодательство). При опосредованных формах воздействия судебной практики на законодательство совершенствование осуществляется планомерно, постепенно путем изменения правового сознания и правовой культуры общества, отдельных субъектов правовых отношений.

Институциональные и коммуникационные формы влияния судебной практики на российское законодательство выделяются в зависимости от способов воздействия; формальные и неформальные в зависимости от значимости последствий.

Указанные формы обеспечивают устойчивую взаимосвязь правотворчества и правоприменения, позволяя судебной практике выступать самостоятельным

механизмом выявления дефектов правового регулирования и совершенствования законодательства.

6. Обосновано, что унификация, специализация и систематизация законодательства с использованием судебной практики позволяют конкретизировать, структурировать нормы права, определять объем общих и специальных юридических норм, используемых в механизме правового регулирования и т.д.

7. Доказана необходимость внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта для анализа, упорядочения и совершенствования нормативного материала с учетом судебной практики. Цифровые технологии позволят выявлять пробелы, коллизии и дублирующие правовые нормы и т.д. Внедрение новых методов детерминированного (функционального) и стохастического (корреляционного) анализа судебной практики позволит исследовать влияние различных факторов на формирование и изменение деятельности судов как в условиях функциональной зависимости, так и в условиях статистической взаимосвязи.

8. Для совершенствования использования судебной практики в правотворческом процессе предлагается следующее: формирование механизмов оперативного ознакомления субъектов правотворчества с правовыми позициями судебных органов посредством тематической систематизации правовых позиций, выявляющих пробелы и противоречия в законодательстве, и электронного уведомления заинтересованных правотворческих органов об их опубликовании (дополнение Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» положениями о порядке такого информационного взаимодействия); более активное участие представителей судейского сообщества в процессе общественного обсуждения законопроектов путем закрепления участия в подготовке предложений по совершенствованию законодательства среди задач органов судейского сообщества, а также установления порядка приглашения их

представителей к обсуждению законопроектов по вопросам судебной системы, судопроизводства и устранения недостатков законодательства, выявленных судебной практикой (дополнение статьи 4 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» и статьи 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации); создание справочников, словарей юридических терминов, терминов, обозначающих технические средства и технологии, с учетом обобщений судебной практики, с определением порядка их подготовки, обновления и использования при разработке проектов нормативных правовых актов, прежде всего для устранения неоднозначности терминологии и расхождений в ее применении (дополнение Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009, положениями о подготовке и использовании таких справочных материалов в ведомственном правотворчестве); проведение научных семинаров с участием представителей судейского сообщества не только среди ученых-правоведов, но и среди представителей других гуманитарных, а также технических и естественных наук, чья деятельность связана с разработкой и внедрением различного рода инноваций, цифровых технологий, робототехники, технологий искусственного интеллекта, с обсуждением выявленных судебной практикой проблем их правового регулирования и подготовкой предложений по совершенствованию законодательства (закрепление порядка организации таких семинаров и направления подготовленных предложений правотворческим органам в регламентах Совета судей Российской Федерации и советов судей субъектов Российской Федерации).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования определяется актуальностью и новизной рассмотренных вопросов и состоит в разработке и теоретическом обосновании проблемы влияния судебной

практики на совершенствование российского законодательства. Выводы и разработанные положения позволят обогатить понятийный арсенал современной юридической науки, поднять на новый уровень теоретическое осмысление проблемы судебной практики как фактора совершенствования законов и подзаконных нормативных правовых актов в правовой системе Российской Федерации, дополнить научную информацию о правотворческой и правоприменительной деятельности, механизме правового регулирования. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения вопросов, касающихся судебной правоприменительной деятельности, механизма государства, совершенствования законов и подзаконных нормативных правовых актов; способов, методов, средств правового регулирования, совершенствования юридической деятельности. Содержащиеся в диссертации обобщения и выводы позволят дополнить и развить соответствующие разделы общей теории государства и права, отраслевых юридических наук.

Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе при преподавании юридических дисциплин, разработке новых специальных курсов, магистерских программ, программ в рамках дополнительного профессионального образования, повышения квалификации и т.п.

Степень достоверности и обоснованности научных выводов и результатов, содержащихся в работе, определяется использованием автором апробированных наукой и практикой методов исследования при проведении анализа проблем применения судебной практики для совершенствования российского законодательства, соответствующих предмету, целям и задачам исследования; использованием системного анализа предмета исследования, соответствующего поставленным задачам; аргументированностью выводов и их апробацией в научной и практической деятельности автора. В качестве теоретической основы исследования были использованы труды по теории государства и права, отраслевым юридическим, техническим наукам, социологии,

философии. В ходе исследования применялся нормативный и эмпирический материал, посвященный проблемам применения судебной практики для совершенствования российского законодательства.

Апробация результатов исследования. Теоретические выводы и положения были обсуждены и одобрены на кафедре теории государства и права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Основные теоретические положения, выводы и рекомендации нашли отражение в 8 опубликованных статьях, из которых 5 опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных в перечне ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертационных исследований.

Содержащиеся в диссертации основные положения, выводы и рекомендации излагались на научно-практических конференциях, посвященных проблемам теории государства и права, проводимых на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». Автор принимал участие в иных профильных региональных, всероссийских и международных научно-практических конференциях, семинарах, «круглых столах» по данной проблематике.

Основные теоретические выводы и результаты исследования были изложены и обсуждены на всероссийских и международных научно-практических конференциях, круглых столах, научных форумах, в частности: на Международном конгрессе молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» (г. Москва, 5 - 6 апреля 2024 г.); на научно-практической конференции «Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы» в рамках XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции) (г. Москва, 8 - 12 апреля 2024 г.); на научно-практической конференции «Российская правовая система: в

поисках национальной идентичности» в рамках XIV Московской юридической недели (г. Москва, 26 - 29 ноября 2024 г.).

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Теоретические аспекты использования судебной практики в целях совершенствования отечественного и зарубежного законодательства

1.1. Понятие, сущность и функции судебной практики как фактора совершенствования законодательства

Теоретические вопросы определения понятия, сущности и функций судебной практики не раз являлись объектом исследования ученых-юристов. Различные подходы и дефиниции позволяют сделать вывод о неоднозначности подходов к теоретическому определению сущности судебной практики. Однако исследованию судебной практики с точки зрения фактора совершенствования законодательства уделено недостаточно внимания. Необходимость проведения исследований в данном направлении обусловлена усилением роли судов высших инстанций в правотворческой деятельности, возникновением потребности в теоретическом описании процессов, связанных с совершенствованием законодательства посредством судебной практики.

Как указывает Д.А. Пашенцев, совершенствование моделей правотворческой и правоприменительной деятельности приобретает особую значимость в современных условиях развития государства и общества[1].

Судебная практика как фактор совершенствования законодательства имеет двойственный характер: с одной стороны, она отражает уже существующие пробелы и коллизии правовых норм, с другой - создает условия для выработки новых правовых конструкций, которые затем могут быть интегрированы в законодательство. Судебные органы в ряде аналогичных по содержанию дел приходят к единому выводу о том, что действие той или иной нормы не соответствует целям правоприменения, формируется «правоприменительная

[1] Пашенцев Д.А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации // Образование и право. 2021. N 9. С. 72 - 75.

доктрина», которая в дальнейшем используется законодателем при подготовке поправок к нормативным правовым актам.

Совершенствование законодательства является основной идеей правотворческого процесса. Как указывает А.С. Пиголкин, правотворчество - это совокупный процесс, объединяющий момент творческого замысла создания нормы с ее практической реализацией[2]. Такой творческий замысел законодателя должен быть взаимосвязан с практической потребностью и вызовами общества, которые, безусловно, отражаются в судебной практике.

В свою очередь, как отмечает А.А. Малюшин, проблема судебного правотворчества строится на необходимости восполнения судами посредством применения аналогии закона, межотраслевой аналогии, аналогии права, а также правовых положений, выработанных судебной практикой. Судебное правотворчество также связано с понятием судебного усмотрения, поскольку именно используя свое право на судебное истолкование, суд часто восполняет пробелы в законе[3].

Отдельно стоит уточнить, что в настоящем исследовании подразумевается под «законодательством».

Понятие законодательства в широком смысле отражает расширенный, комплексный подход к источникам права. Традиционно под «законодательством» нередко понимают совокупность действующих законов, то есть норм права. Однако современная юридическая наука предлагает более широкое определение: законодательство - это система всех нормативных правовых актов, действующих в государстве, а не только законов в формальном смысле[4]. Иными словами, законодательство включает в себя не только законы (конституцию, федеральные конституционные и федеральные законы, законы субъектов РФ), но также и

---

[2] Пиголкин А.С. Общая теория права М., 1996. С. 20.

[3] См. Малюшин А. А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики. - М. : юрист, 2013. - 404 с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2014. №3.

[4] См.: Лившиц Р. З. Теория права. - М.: БЕК, 1994. - С. 111.

подзаконные акты (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, приказы министерств и ведомств и др.), акты органов местного самоуправления и т.д.

Важно отметить, что в категорию законодательства в широком смысле включаются также локальные нормативные акты (например, корпоративные акты, положения и уставы организаций, если они устанавливают правила поведения общего характера)[5] и иные источники, обладающие нормативностью. Кроме того, инновационным элементом данного научного подхода является учет технико-юридических норм как части системы законодательства.

Технико-юридические нормы представляют собой технические правила, получившие юридическое закрепление. К классическим примерам относятся правила пожарной безопасности, санитарно-гигиенические нормы, строительные стандарты, правила эксплуатации транспорта, ГОСТы и т.п. - все они изначально носят технический характер, но будучи санкционированы государством, приобретают статус общеобязательных предписаний. Технико-юридические нормы сохраняют свою техническую природу (регламентируют отношения человека с техникой, природой, производством), однако обладают юридическими свойствами: формальной определенностью, обеспеченностью санкцией и обязательностью исполнения.

Важность судебной практики как фактора совершенствования законодательства определяется также ее ролью в формировании правовых стандартов и обеспечении единообразия правоприменения. Систематизированный анализ практики высших судов, особенно Верховного Суда Российской Федерации, становится ориентиром для законодателя в тех случаях, когда обнаруживаются недостатки нормативных актов. В частности, если высший судебный орган при рассмотрении большого количества дел по схожим правовым вопросам регулярно сталкивается с пробелами в законодательстве или

---

[5] См.: Козырева А.Б. Корпоративное правотворчество: теория и практика. автореф. дис. … к.ю.н. 2016.

логическими противоречиями, то вопрос о доработке соответствующих норм включается в повестку законотворческого процесса. Таким образом, судебная практика выступает не пассивным отражением смысла закона, а активным фактором корректировки нормативных актов.

С.С. Алексеев писал, что судебная практика не является инструментом внесения коррективов в закон, обосновывая, что суд может лишь восполнять пробелы, появляющиеся ввиду несовершенства нормы или неурегулированности тех или иных отношений[6]. Конечно, сама по себе судебная практика в отрыве от деятельности законодателя не может являться инструментом внесения корректировок в закон. Однако нельзя не отметить, что аналитическая деятельность законодателя, безусловно, должна опираться на выводы, содержащиеся как в руководящих актах судов высших инстанций, так и в решениях судов различных инстанций. Именно синергия результатов правоприменительной деятельности и аналитическая деятельность законодателя формирует «факторность» судебной практики в процессе совершенствования российского законодательства.

Понятие судебной практики как фактора совершенствования законодательства не получило однозначного закрепления в теории права и юридической науке. В настоящее время имеется необходимость детального исследования дефиниций с учетом имеющихся исследований в данной области.

Оговоримся, что судебную практику нельзя рассматривать вне взаимодействия двух уровней: формального и содержательного. На формальном уровне речь идет о конкретных решениях судов, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, которые содержат указание на область, требующую нормативного вмешательства. На содержательном уровне судебная практика становится правовым ориентиром для законодателя. Благодаря такому взаимодействию обеспечивается постоянное

---

[6] Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут, 2010. С. 410.

движение законодательства в соответствии с реальными потребностями общества и экономики. В итоге понятие судебной практики приобретает качественную характеристику: это не просто совокупность судебных актов, а системообразующий фактор, направляющий законодательство к большей адекватности, последовательности и эффективности.

Если говорить о подходах к определению дефиниций судебной практики в классическом смысле, то, к примеру, А.В. Цихоцкий рассматривал судебную практику как «обобщенный результат деятельности судов по применению права при рассмотрении и разрешении гражданских дел»[7].

Другие авторы (например, А.К. Бензина) в широком смысле определяют судебную практику как деятельность судов, входящих в судебную систему, осуществляющих правосудие путем рассмотрения гражданских, административных и уголовных дел, и результаты этой деятельности. В узком смысле судебной практикой признается деятельность судов по осуществлению правосудия, связанная с выработкой отдельных правовых положений, которые представляют собой устоявшиеся сложившиеся мнения судов по применению и толкованию правовых норм[8].

Н.Д. Егоров под судебной практикой понимает «многократное единообразное решение судами одной и той же категории дел».

По мнению В.М. Лебедева, судебная практика - это опыт индивидуально-правовой деятельности судов, включающий в себя обобщение и анализ этой деятельности, а также решения различных судебных инстанций, включая постановления и определения Верховного Суда РФ по конкретным категориям дел[9].

---

[7] Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: Дис. … докт. юрид. наук. Новосибирск, 1997.

[8] Судебная практика по трудовым делам: (учеб. пособие для магистров права) / А. К. Безина; Казан. гос. ун-т, Юрид. фак. – Казань. 2004 С. 93.

[9] Лебедев В.М. Судебная практика и развитие законодательства // Законодательство в России в XXI веке: По матер. науч.-практ. Конф. М., 2002. С. 42.

С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров отмечают, что судебная практика включает в себя два аспекта:

а) процессуальную деятельность судов, направленную на применение правовых норм и связанную с формированием правовых положений путем раскрытия смысла и содержания применяемых норм, а также, при необходимости, путем их конкретизации и детализации;

б) результат процессуальной деятельности судов, выраженный в сформированных правовых положениях[10].

На основании вышеизложенных позиций можно сделать вывод, что судебная практика выполняет важнейшие функции в правоприменительной деятельности. Правонаправляющая функция ориентирует участников правоотношений на определенные стандарты поведения, правоконкретизирующая функция уточняет и адаптирует правовые нормы к конкретным ситуациям, а сигнально-информационная функция помогает выявлять проблемы правоприменения и передавать соответствующую информацию законодателю и обществу. Все эти функции обеспечивают гибкость и адаптивность правовой системы, способствуя ее стабильности и эффективности.

Исходя из вышеизложенных определений, можно сформулировать общее понятие судебной практики. Судебная практика - это совокупность правовых позиций, выраженных в судебных решениях, которые служат ориентиром для разрешения аналогичных споров и выполняют функции толкования и конкретизации норм права в процессе их применения к конкретным делам.

О роли судебной практики в качестве совершенствования норм права говорят также различные исследователи отраслевого законодательства. Так, А.К. Безина и В.И. Никитинский указывают, что роль судебной практики в совершенствовании норм именно трудового законодательства имеет некоторые особенности. Ни в одной другой отрасли права нельзя найти такого обилия

[10] Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1975. С. 17.

правовых норм, созданных или усовершенствованных под влиянием судебной практики [11] . В свою очередь, важное значение судебной практики при совершенствовании природоохранного и трудового законодательства отмечают В.В. Лазарев и Т.Я. Хабриева[12].

Следует подчеркнуть, что данное понятие основывается на взаимодействии нескольких элементов: во-первых, это систематический анализ решений судов всех инстанций; во-вторых, регулярное обобщение практики через отраслевые обзоры Верховного Суда РФ; в-третьих, обратная связь органов законодательной власти и профильных экспертных сообществ с судебной системой. Отражаясь в специальных обзорах, судебная практика трансформируется в инструмент, способный указывать на конкретные нормы, не соответствующие потребностям правоприменения. Такой комплексный подход позволяет признать судебную практику механизмом условного контроля за качеством законодательства, поскольку именно в суде проявляются последствия неоднозначности норм (например, в виде противоречивых решений по похожим фактическим обстоятельствам дел), а также определяется направление их эволюции.

Теоретические подходы различных ученых к определению понятия судебной практики также не совпадают. Как отметил М.Н. Марченко, «несмотря на широкое распространение и активное использование термина «судебная практика» среди отечественных и зарубежных авторов, занимающихся исследованием явления, именуемого судебной практикой, нет общего представления ни о ее понятии, ни о содержании, ни о формах ее выражения и проявления»[13].

---

[11] Безина А.К., Никитинский В.И. Судебная практика и трудовое право // Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975. С. 142.

[12] Хабриева Т.Я. Судебная практика в современной правовой системе России : монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др. ; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. - М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА М, 2017. С. 19.

[13] Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право / Марченко М.Н. – М., 2007. – С. 101.

Г.Ф. Шершеневич относил судебную практику к формам права, отмечая ее двоякое значение: рассмотрение конкретного спора и разработка правил для последующих аналогичных споров. Во втором случае судебная практика принимает форму нормы права, на которую будут ссылаться в процессе разрешения аналогичных споров [14]. Однако ученый не признавал судебную практику безусловным источником права, поскольку считал, что для этого требуется прямое указание в законе. В Российской империи только Устав торгового судопроизводства закреплял возможность «при недостатках законов основывать свои решения «на примерах» других решений», и в таком случае прецедент действительно становился в один ряд с законом[15].

П.В. Виноградов, в свою очередь, в классификации юридических норм выделял нормы, устанавливаемые и санкционируемые законодателем, и нормы, вырабатываемые судебной практикой[16].

Е.Н. Трубецкой отмечал, что судебная практика создается судом и может вырабатывать нормы права не только путем множественных, но и единичных прецедентов, тем самым создавая новые нормы в дополнение к закону [17]. Однозначный вывод о том, что судебная практика создает новые нормы, является сомнительным. Главная задача судебной практики - выработка единого подхода к применению определенной нормы права в целях исключения двойственного подхода к разрешению споров с учетом реализации функции толкования нормы. Законодатель может взять за основу вектор, заданный судебной практикой, и внести изменения в соответствующие нормы. Можно предположить, что автор подразумевал косвенное создание нормы права судебной практикой в результате реализации указанных функций.

В свою очередь, по мнению Л.И. Петражицкого, судебная практика определяется обыкновенно как общее, положительное, однообразное применение

---

[14] Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. М.: Статут, 2016. Т. 4. С. 405.
[15] Там же. С. 406.
[16] Виноградов П.Г. Очерки общей теории права. М., 1915. С. 74.
[17] Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – М. 1908. С. 133.

известной нормы судами данной правовой области[18]. Этот подход акцентирует внимание на стабильности и предсказуемости правоприменения, что является одной из основных функций судебной практики. Единый подход к применению нормы права судами в схожих ситуациях способствует повышению уровня правовой определенности. Л. И. Петражицкий не рассматривал судебную практику в качестве источника права, отмечая, что «судебная практика, конечно, не есть особый, самостоятельный вид права или вид обычного права; вообще она не право, а явление совсем иного порядка - ряд человеческих действий, поступков»[19]. Ученый, по всей видимости, связывает деятельность судей по рассмотрению и разрешению дел с применением их собственного судейского усмотрения, принимая во внимание особенности предмета судебного разбирательства, а именно конкретные человеческие действия и поступки. Тем не менее, ученый все же подтверждал важную социальную роль судебной практики, отмечая, что «судебная практика иногда получает в психике людей значение нормативного факта»[20]. Так или иначе, значимость судебной практики для права и общества в концепции ученого бесспорна.

П.А. Гук в своем исследовании определяет судебную практику как сознательную деятельность по применению или созданию юридических норм, направленную на регулирование отношений[21]. Однако такое понятие является узким и условным, поскольку не включает в себя те важнейшие признаки, которые присущи судебной практике. Цитируя ученых-правоведов, П. А. Гук разделил подходы к определению понятия «судебная практика» на три группы:

---

[18] Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 452.

[19] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 452.

[20] Там же. С. 453.

[21] П.А. Гук. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ.: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Гук Павел Александрович; [Место защиты: Институт государства и права РАН]. – Москва, 2012. – С. 188.

- первая группа отождествляет судебную практику с юридической деятельностью (к данной позиции автор относит А. Герлоха, И.Я. Дюрягина, В. Кнаппа);

- вторая группа разграничивает юридическую практику и юридическую деятельность и относит к юридической практике правовой опыт деятельности (С.С. Алексеев, С.И. Вильнянский);

- третья группа рассматривает юридическую практику в неразрывной связи с правовой деятельностью и сложившимся на ее основе социально-правовым опытом (В.К. Бабаев, Н.Н. Вопленко, В.П. Реутов и др.)[22].

Действительно, наиболее предпочтительной в контексте настоящего исследования является позиция третьей группы. При рассмотрении и разрешении определенного круга правовых вопросов суды сталкиваются с внутренним убеждением, основанным на имеющемся опыте. Понимая условно-прецедентный характер своих решений, они выносят решения с учетом возможности аналогичного разрешения схожих дел, опираясь на ранее вынесенные решения.

Обобщая различные подходы, можно выделить некоторые ключевые признаки судебной практики. Во-первых, это толкование норм права: суды посредством рассмотрения дел разъясняют, уточняют содержание законодательных норм. Во-вторых, формирование условных прецедентов: отдельные судебные решения могут выполнять ориентирующую функцию при разрешении последующих аналогичных дел. В-третьих, стабильность и предсказуемость единообразного применения норм судебными органами обеспечивают правовую определенность и исключает противоречия в практике. В-четвертых, динамичность, то есть судебная практика гибко реагирует на изменения общественных отношений: она сигнализирует законодателю о выявленных коллизиях и пробелах и тем самым способствует оперативному

[22] Там же. С. 188.

совершенствованию законодательства, поддерживая актуальность правовой системы.

В контексте настоящего исследования недостаточно ограничиться анализом дефиниций дореволюционных ученых-юристов. Рассмотрим позиции ученых советского периода по данному вопросу.

Относительно статуса судебной практики в послереволюционный период необходимо отметить, что советский период российского права стал временем кардинальных изменений подходов к судебной практике и ее роли в правовой системе. С самого начала формирования советской государственности марксистско-ленинская теория заложила в основу правопонимания принцип диктатуры пролетариата, согласно которому право должно было служить исключительно интересам рабочего класса. Судебная практика в таком контексте утратила свою самостоятельность и стала строго подчиняться законодательству, выражая волю социалистического государства. В результате в советской правовой доктрине судебная практика не только не признавалась источником права, но и подвергалась жесткому идеологическому контролю.

Основу правопонимания в СССР составляла марксистско-ленинская теория права, в рамках которой право рассматривалось как инструмент классовой борьбы и выражения воли господствующего класса. В таком контексте правотворческая роль судов доктринально отрицалась: судебная практика должна была строго соответствовать законам, принятым партийными и государственными органами.

Согласно марксистской теории источником права могли быть только нормативные акты, которые выражали волю государства (этатистский подход позитивизма), а судебная практика рассматривалась исключительно как способ применения этих актов. Право, по определению социалистической теории, являлось волей господствующего класса, возведенной в закон, что исключало возможность судебных органов осуществлять правотворческие функции. В рамках такого понимания судебные органы не рассматривались как субъекты

правотворчества, так как это противоречило бы идее централизованного регулирования общественных отношений.

Тем не менее, согласно статье 43 Конституции СССР от 31 января 1924 года, Верховный Суд СССР был наделен правом давать Верховным судам союзных республик руководящие разъяснения по вопросам общесоюзного законодательства. В Положении о Верховном Суде СССР, утвержденном Законом СССР от 12 февраля 1957 года, также было закреплено право Пленума Верховного Суда СССР рассматривать материалы обобщения судебной практики и статистики, а также давать судам руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел.

Как отметил А.В. Корнев, несмотря на закрепление в основном законе СССР и руководящих положениях права Верховного Суда СССР давать обязательные для исполнения разъяснения по вопросам применения законодательства, суды в конечном итоге оставались исключительно правоприменителями. Разъяснения Верховного Суда СССР имели обязательный, но не нормативный характер. Соответственно, разъяснения Верховного Суда СССР не могли считаться источником права[23].

По мнению С.И. Вильнянского, судебная практика - это правовые положения, которые вырабатываются вследствие постоянного и однообразного применения их в деятельности суда[24]. Он акцентирует внимание на том, что судебная практика формируется в результате деятельности суда и играет вспомогательную роль по отношению к правовым нормам, установленным законом. Судебные решения, по его мнению, являются механизмом конкретизации права, но не могут претендовать на роль самостоятельного источника права.

---

[23] Корнев А.В. Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики как специфический источник советского права // История государства и права. 2015. № 5. С. 42 - 46.

[24] Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву /Вильнянский С.И. – Харьков, 1958. – С. 57.

В свою очередь, А.Б. Венгеров определяет судебную практику как «объективно складывающийся итог, результат (форму) правоприменительной деятельности, обусловленной конкретизацией правовой нормы в рамках закона в процессе неоднократного применения нормы по аналогичным делам»[25]. Однако эта деятельность судов ограничена рамками уже существующего правового регулирования, что не позволяет считать судебную практику источником права. В этом контексте судебная практика выступает скорее как инструмент правоприменения, а не как самостоятельный регулятор общественных отношений.

В.П. Реутов отметил, что судебная практика - это деятельность судов по изданию судебных актов, ведущих к возникновению, изменению или прекращению правоотношений, в узком смысле - выявленное в результате обобщения направление в деятельности судебных органов, результат деятельности в виде определенного устойчивого положения[26]. Судебная практика рассматривается как механизм формирования единообразия в правоприменении, но ее функции сводятся к практической реализации уже существующих норм права, а не к созданию новых норм.

По мнению Л.С. Явича, судебные органы могут вырабатывать новые общие нормы в результате обобщения судебной практики и вынесения высшими судами указаний, обязательных для нижестоящих инстанций[27]. Тем не менее, даже в этой позиции не высказывается утверждение, что судебная практика может стать источником права. Л. С. Явич рассматривает судебную практику как способ унификации правоприменения, однако ее роль остается вспомогательной: суды лишь дополняют норму права путем ее конкретизации и толкования.

Таким образом, все представленные мнения сходятся на том, что судебная практика служила для толкования и конкретизации правовых норм, но не

---

[25] Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Венгеров А.Б. – М., 1966. – С. 8.
[26] Реутов В.П. Юридическая практика и развитие законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 52.
[27] Л.С. Явич. Сущность права / Л.С. Явич. – Л., 1985. – С. 140.

замещала их и не становилась источником права. Она способствовала достижению правовой определенности и единообразия в правоприменительной практике, однако ее роль ограничивалась рамками действующего законодательства. Судебная практика в советской системе права играла вспомогательную роль, ее основная функция заключалась в расширительном толковании норм права для их единообразного применения.

Вместе с тем понятие судебной практики как фактора совершенствования законодательства неотделимо от представления о социальных функциях права. Право в первую очередь призвано обеспечивать прогнозируемость и справедливость, а судебная практика выступает гарантом этого назначения в условиях динамично меняющегося социального контекста.

Понятие судебной практики в данном контексте объединяет решение нескольких взаимосвязанных задач: во-первых, фиксацию фактических проблем применения законодательства; во-вторых, формирование устойчивых подходов к толкованию норм, которые со временем претендуют на статус «правоприменительной доктрины»; в-третьих, реализацию таких положений в законотворчестве. В современных условиях российское законодательство все чаще основывается на анализе обзоров судебной практики и практических рекомендаций судей, что свидетельствует о признании судебной практики в качестве полноценного фактора совершенствования нормативных актов. Поэтому само понятие судебной практики становится динамичным и двусторонним: оно одновременно описывает текущее состояние закона и создает предпосылки для формирования нового, более совершенного законодательства. Как отмечает В.В. Ярков, во-первых, суды оказывают воздействие на законодательную и исполнительную власть путем принятия своих актов, контролируя акты иных органов власти. Судебная практика является ориентиром для последующего

правотворчества и правоприменения, особенно позитивна в этих процессах роль Конституционного Суда Российской Федерации[28].

Как отметил Н.С. Бондарь, акты конституционного правосудия обладают «нормативно-доктринальной природой» и выступают источниками права; через фиксацию конституционных стандартов и разъяснение их содержания они фактически направляют законодательный процесс и стимулируют корректировку законов. Это придает судебной практике (в части решений Конституционного Суда РФ) функцию структурного совершенствования законодательства[29].

Таким образом, под судебной практикой в качестве фактора совершенствования российского законодательства можно понимать явление, существующее в процессе применения права как особой формы его реализации, обозначающее его дефекты и оказывающее с помощью правовых средств и механизмов влияние на правотворческий процесс с целью его совершенствования.

Судебную практику как фактор совершенствования российского законодательства можно рассматривать как совокупность правовых позиций, выраженных в решениях судов, являющихся ориентиром для законодателя, основанных на разрешении аналогичных споров, выполняющих функцию толкования и конкретизации норм права в процессе их применения к конкретным спорам.

Среди особенностей судебной практики именно как фактора, направленного на совершенствование российского законодательства, выделяются следующие: судебная практика с позиции факторного анализа позволяет «связывать» правотворческий и правоприменительный процессы воедино, формируя таким образом «замкнутый цикл», «замкнутую систему»; в рамках данной «замкнутой системы» судебная практика как фактор совершенствования законодательства позволяет согласовывать, взаимообуславливать каждый из элементов (законы,

---

[28] См.: Ярков В.В. Идеи профессора С.С. Алексеева и наука гражданского процессуального права // «Вестник гражданского процесса», 2024, № 3. С. 47.

[29] Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источника права // Государство и право. 2012. № 3. С. 45.

акты реализации права, судебные сроки, юридические факты, объем субъективных прав и юридических обязанностей участников правовых отношений и т.д.); в рамках судебной практики выявляются потребности государства и общества, отдельных социальных групп в совершенствовании действующего законодательства; в рамках судебной практики апробируются новеллы российского законодательства, определяется их «пригодность», необходимость для регулирования отношений определенного вида; судебная практика, рассматриваемая с позиции факторного анализа, позволяет определять правильность, адекватность использования правовых средств и механизмов с учетом изменений, происходящих в социально-экономической, политической сферах и т.д.

Наибольшее значение судебная практика как фактор совершенствования отечественного законодательства приобрела после принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году. Посредством выявления, конкретизации и преодоления дефектов правового регулирования судебная практика обеспечивает обратную связь между правоприменением и правотворчеством, способствуя развитию и адаптации законодательства к современным общественным отношениям. Судебная практика обладает признаками правовой традиции, включая социальную значимость, адаптивность и регулятивный характер. Вместе с тем использование судебной практики для совершенствования законодательства не может быть признано устойчивой правовой традицией российской правовой системы ввиду сравнительно недавнего формирования данного механизма.

В механизме влияния судебной практики на правотворческий процесс можно выделить «реперные точки», а именно: в процессе законодательной инициативы; официального закрепления практики рассмотрения определенных категорий дел, касающейся правовых позиций судебных органов; при официальном толковании права; при разъяснении положений действующего законодательства в рамках судебных процессов; в процессе участия судей и

представителей правотворческих органов в различного рода научных конференциях, семинарах, «круглых столах», симпозиумах; в процессе научной деятельности судей, их участия в различного рода общественных организациях и т.д.

Если говорить о правовом статусе судебной практики в настоящее время, то необходимо, в первую очередь, отметить, что Конституция РФ содержит положения, аналогичные тем, что имелись в Конституции СССР относительно судебной практики. Так, статья 126 Конституции закрепляет право Верховного Суда РФ «давать разъяснения по вопросам судебной практики». Некоторые авторы отмечают, что посредством таких полномочий Верховный Суд РФ реализует присущую ему de facto функцию выявления действительного смысла правовых норм, закрепленных в законе[30]. Путем вынесения постановлений Пленум Верховного Суда РФ выявляет существенные противоречия, которые могут быть устранены только законодателем[31].

Среди позиций ученых-современников, в первую очередь, можно отметить подход С.С. Алексеева, который определял судебную практику как «объективированный опыт индивидуально-правовой действительности». При этом автор выделяет три ключевые функции судебной практики:

а) правонаправляющая (ориентирующая);

б) правоконкретизирующая;

в) сигнально-информационная.

Суть правонаправляющей функции заключается в том, что судебная практика формирует устойчивые правовые позиции, на которые ориентируются как суды нижестоящих инстанций, так и другие участники правоотношений. Решения высших судебных инстанций (например, Конституционного Суда РФ или Верховного Суда РФ) приобретают значение прецедентных ориентиров в

[30] См.: И.В. Башлаков-Николаев, Максимов С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства: научно-практический комментарий. Проспект. 2022.
[31] См.: Там же.

рамках определенных отраслей права, что повышает предсказуемость судебных решений. Это, в свою очередь, способствует правовой определенности, поскольку участники правоотношений могут прогнозировать вероятные исходы своих дел, опираясь на ранее вынесенные судебные решения. В этом смысле судебная практика выступает ориентиром и стандартом для правоприменения.

Правоконкретизирующая функция судебной практики заключается в уточнении, раскрытии и конкретизации общих правовых норм в ходе их применения к конкретным делам. Законодательные нормы зачастую излагаются в общем виде и не всегда отражают особенности конкретных жизненных ситуаций. При рассмотрении дел суды применяют нормы права, одновременно конкретизируя и адаптируя их к специфическим обстоятельствам дела.

Однако в контексте настоящего исследования бóльший интерес вызывает третья функция - сигнально-информационная.

Сигнально-информационная функция судебной практики заключается в том, что посредством судебных решений суды сигнализируют обществу, законодательным органам и другим участникам правоотношений о недостатках или пробелах правового регулирования. Сигнально-информационная функция судебной практики позволяет выявлять случаи, когда существующие нормы закона неэффективны, предоставляя законодателю возможность своевременно реагировать на такие сигналы.

Таким образом, судебная практика формирует представление о том, как нормы права действуют на практике, обозначая назревшие требования к изменению, развитию и совершенствованию юридических норм, что, в свою очередь, особенно важно учитывать законодателю.

Если говорить о функциях судебной практики как фактора совершенствования российского законодательства, то здесь анализ судебных решений показывает, что именно через призму реальных споров выявляются особенности применения действующих норм, которые зачастую не учитываются законодателем при первоначальной разработке актов. На этом основании

судебные инстанции, сталкиваясь с неоднозначностью формулировок, разрабатывают единообразные подходы к толкованию: именно эти подходы и становятся первоисточником для законодателя, позволяя сопоставить абстрактные конструкции закона с конкретным фактическим контекстом.

К примеру, в сфере гражданского права спор вокруг определения понятия «добросовестности участников правоотношений» требовал от суда выработки четких критериев оценки поведения сторон. В настоящее время такие критерии содержатся в актах Верховного Суда РФ[32]. Опыт решений по таким делам впоследствии демонстрирует необходимость закрепления конкретных элементов понятия «добросовестность» в самом законе.

Соответственно, функция толкования приобретает нормативно-рекомендательный характер: суд предостерегает законодателя от узкоформального трактования текста и предлагает пути «оживления» правовой нормы посредством уточнения ее содержания.

При рассмотрении схожих споров различными судами неоднократно обнаруживается повторяющаяся проблема: в одних случаях нормы оказываются слишком размытыми, в других - противоречивыми между собой. Решения судов высших инстанций, сформированные на основе коллективного видения коллегии судей, становятся своеобразным «выводом» существующих коллизий. Путем фиксирования типичных ошибок и обобщения практики судьи формируют обширный массив информации о том, какие положения требуют оперативного вмешательства.

Наконец, следует обратить внимание на функцию прогнозирования развития законодательства. Судебная практика, демонстрируя закономерности изменений запросов общества, создает предпосылки для долгосрочного планирования правовых реформ. Статистика по анализу судебных дел позволяет

---

[32] Например, «Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 15.11.2023); «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018).

выявить новые правовые явления, например, появление споров, связанных с применением цифровых технологий, которые законодательно еще не урегулированы. Судьи, вынося решения на основе общих принципов права, фактически задают направление, в котором следуют двигаться разработчикам нормативных актов.

Таким образом, судебная практика выступает не только в роли «корректировки» уже существующих норм, но и в качестве проекта будущих законодательных изменений, позволяя увидеть в реальных спорах те направления, которые потребуют системной работы и со стороны законодателя.

Помимо указанных специальных юридических функций, судебная практика выполняет и более широкие общесоциальные функции права, что придает ей особый статус.

Так, судебная практика служит достижению основных социальных целей права: поддержанию справедливости, общественного порядка, защите прав и свобод граждан. Через практическую деятельность судов право проникает во все сферы общественной жизни, гармонизируя социальные отношения. Разрешение споров в судах способствует пресечению самоуправства, укрепляет веру людей в закон как цивилизованный способ урегулирования конфликтов. Тем самым судебная практика выполняет общесоциальную задачу интеграции общества, обеспечивая баланс между частными и публичными интересами[33].

Далее необходимо выделить культурно-историческую функцию судебной практики. Право является элементом национальной культуры, аккумулирующим ценности, традиции и менталитет народа. Применяя право в конкретных условиях, судебная практика фактически связывает исторический опыт с современностью. В судебных решениях оживают правовые принципы, сложившиеся на протяжении истории, им придается новая жизнь применительно

[33] Адашкин Д.А. Сущность и социальные функции судебной власти в современной России. Актуальные проблемы российского права. 2021. 16(8). С. 43.

к актуальным делам [34]. Таким образом, судебная практика аккумулирует достижения национальной и мировой правовой культуры, позволяя им развиваться дальше. Она бережно сохраняет фундаментальные правовые идеи, такие как свобода, равенство, справедливость, и адаптирует их к современным реалиям. Например, институты, идущие от Римского права или от русской дореволюционной юриспруденции, могут трансформироваться в практике судов, оставаясь при этом носителями исторической правовой памяти. Культурно-историческая функция проявляется и в том, что судебная практика способствует правопониманию: анализируя эволюцию решений судов, мы лучше постигаем, как развивалось право, какие ценности легли в его основу, какие подходы устоялись или были отвергнуты. Для законодателя учет культурно-исторического аспекта особенно важен: реформы, опирающиеся на сложившуюся практику и правовые традиции, воспринимаются обществом более легитимно и легко внедряются.

Немаловажной является социально-диагностическая функция судебной практики. С точки зрения социологии права, судебная практика является богатым источником данных о реальном состоянии правовых отношений. Как отмечает В.Н. Синюков, правовая система - это социальная организация, которая содержит в себе такие элементы, как право, законодательство, юридическую практику и правовую доктрину [35]. Юридическая (судебная) практика, как часть правовой системы, не может не выполнять социальную роль. Каждый судебный процесс - это социальная ситуация, проходящая проверку на соответствие правовым нормам. Обобщение практики дает картину того, как право функционирует в действительности, какие нормы соблюдаются или нарушаются, где возникают типичные конфликты. Судебная практика, таким образом, выполняет функцию

---

[34] Аналогичная функция раскрывается в рамках определения функций права: *культурно-историческая функция права проявляется в том, что в праве аккумулируются достижения национальной и мировой культуры, духовные ценности народа, его менталитет, уровень развития нравственности народа*. См.: Бибило В.Н. Теория государства и права. – Минск : Право и экономика, 2015 г. – С. 99.

[35] Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010. С. 54.

сбора и обработки социально значимой информации, которая позволяет делать выводы об эффективности права. Социологическая функция проявляется и в том, что практика судов тесно взаимодействует с общественными ожиданиями: если норма права расходится с устоявшимися общественными представлениями о справедливости, суды неизбежно столкнутся с множеством дел по ее поводу. Вынося решения, учитывающие социальный контекст (например, условия жизни сторон, экономическую ситуацию, моральные ценности), суды невольно корректируют действие закона под реальные потребности. Законодатель, анализируя такую практику, получает социологически обоснованные ориентиры - какие социальные проблемы требуют законодательного вмешательства, какие нормы не работают из-за изменения социальных условий и т.д. Проще говоря, судебная практика интегрирует право с обществом: она делает юридические нормы частью живого социального процесса и показывает, насколько гармонично право вписано в ткань общественных отношений. Через эту функцию обеспечивается адаптация законодательства к социальным изменениям.

Также необходимо выделить политологическую (политико-правовую) функцию. Судебная власть - одна из трех ветвей власти, и ее практика неизбежно имеет политико-правовое значение. В первую очередь, судебная практика влияет на распределение властных полномочий и систему сдержек и противовесов. Проверяя конституционность законов, суды (в особенности Конституционный Суд РФ) могут ограничивать законодательную и исполнительную власть, контролируя их акты. Тем самым через судебную практику реализуется политическая функция поддержания верховенства Конституции РФ и прав человека в государстве. Б.Н. Топорнин подчеркивает, что Конституционный Суд РФ стал именно правотворческим органом. Признавая законы и нормативные акты или их отдельные нормы не соответствующими Конституции РФ,

Конституционный Суд РФ тем самым их отменяет, а значит, заменяет одни нормы права другими[36].

Во вторую очередь, судебная практика способна инициировать изменения государственной политики. Резонансные судебные дела (например, связанные с защитой избирательных прав, свободой слова, экологическими правами) нередко становятся отправными точками для начала публичной дискуссии и понуждают законодательный орган к принятию мер. Фактически суды могут указывать на проблемы в политике - пробелы в избирательном законодательстве, недостатки правоохранительной практики. В третью очередь, судебная практика сама часто отражает политическую и правовую идеологию общества. Через решения судов проявляются ценностные ориентиры государства: приоритет прав личности, уважение к частной собственности, баланс публичных и частных интересов. Эти ценности, будучи артикулированы в судебных актах, начинают восприниматься как естественные требования к законодательству.

Таким образом, политологическая функция судебной практики заключается в том, что она связывает право с политической системой, обеспечивает легитимность власти через правосудие и формирует запрос на политические реформы, необходимые для справедливого правопорядка.

И, наконец, философская (аксиологическая) функция судебной практики. Анализу философской функции судебной практики посвящено немало научных исследований [37] . Значительный вклад в философское понимание сущности правосудия и его места в человеческой истории внесли труды И. Канта и Г. Гегеля, которые дают понимание правосудия через выявление онтологических координат права на суд в системе общественного взаимодействия. В «Феноменологии духа» Г. Гегель поясняет природу правосудия, связывая ее

---

[36] См. Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 40-41.

[37] См. напр., Власова Г.Б. Легитимация институтов публичной власти в политико-правовом и социокультурном измерении: на примере эволюции правосудия: автореф. дис. … д.ю.н. 2009; Джаримова А.И. Судебная власть как предмет социальной философии: автореф. дис. … к.ю.н. М., 2007;

с проблемой отношения отдельного человека к обществу в целом. По мысли философа, право на суд коренится в противоречии самого процесса становления институтов публичной власти. «Знание закона сердца как закона всех сердец, знание сознания самости как признанного всеобщего порядка - это добродетель, которая наслаждается плодами того, что принесено ею в жертву». И субъект и объект правосудия - это не части целого, а это само целое, имеющее в них моменты своего действительного становления, и правосудие уравновешивает эти моменты[38].

Право имеет глубинное философско-этическое измерение, выражая представления общества о добре, справедливости, должном. Судебная практика непосредственно воплощает эти философские начала в жизнь, превращая абстрактные идеи в конкретные решения по конфликтам. Каждый раз, когда суд принимает решение, он фактически отвечает на философский вопрос: что есть справедливость в данном случае? Накопление судебных прецедентов тем самым обогащает правовую доктрину пониманием того, как общие принципы (справедливость, разумность, гуманизм) применяются на практике. Можно сказать, что судебная практика - своеобразная «лаборатория» философии права, где проверяются и уточняются основополагающие правовые ценности. Через эту функцию практика содействует формированию цельного мировоззрения в правовой сфере: общество, наблюдая за работой судов, учится видеть в праве не просто букву закона, но и дух справедливости. Для законодателя философская роль судебной практики также существенна: она напоминает, что законы должны соответствовать высшим правовым идеалам, иначе они не найдут поддержки при правоприменении. Например, если норма формально законна, но не может быть признана гуманной, суды могут находить способы смягчения ее применения, а законодатель, ориентируясь на судебную практику, очевидно пересмотрит такую норму. Философская (мировоззренческая) функция судебной практики

[38] Власова Г.Б., Поликарпова Н.А. Понятие правосудия как философской и юридической категории. Молодой ученый. № 10(90). 2015. С. 897.

проявляется и в воспитании правовой культуры: судебные решения, будучи мотивированными ссылками на принципы права, транслируют обществу представление о том, что есть добро и зло в правовом смысле, какие ценности ставятся на первое место. В конечном счете, такая практика формирует правосознание граждан и убеждает их в нравственном авторитете права.

Динамика судебных решений отражает процесс взаимодействия права и общества, а анализ этой динамики позволяет законодателю принимать взвешенные решения, направленные на повышение эффективности нормативно-правового регулирования. В результате именно взаимодействие правоприменения и законодательного процесса через призму судебной практики обеспечивает адаптивность и устойчивость правовой системы, а также повышает доверие граждан к институтам власти.

Таким образом, мы приходим к логическому выводу о непосредственном воздействии судебной практики на правотворческий процесс. В результате именно тесное взаимодействие правоприменения и правотворчества через призму судебной практики обеспечивает адаптивность и устойчивость правовой системы. Обобщенные выводы судов помогают законодателю принимать взвешенные, научно обоснованные решения, повышая эффективность нормативно-правового регулирования. Судебная практика как фактор совершенствования законодательства способствует тому, что право развивается в диалоге с обществом, сохраняет верность своим основополагающим принципам и одновременно своевременно отвечает на вызовы времени. Это повышает качество законов, укрепляет единообразие их применения и, как следствие, усиливает доверие граждан к правосудию и государственной власти в целом.

1.2. Роль судебной практики в российской правовой системе

В условиях глобальных трансформаций социально-экономических и политико-правовых процессов, включая рост геополитической нестабильности,

технологических прорывов и изменений модели взаимодействия государства и общества, правовая система Российской Федерации сталкивается с необходимостью адаптации к новым вызовам. Эти процессы сопровождаются ускоренной эволюцией правовых отношений, что, в свою очередь, требует оперативного реагирования правотворческих и правоприменительных институтов. В данной парадигме особую значимость приобретает судебная практика как инструмент, способный выполнять компенсаторную функцию в условиях нормативной неопределенности.

Законодатель не в состоянии заранее предугадать весь круг возможных правовых коллизий, которые возникают в сложной динамике общественных отношений. Нередко законы вступают в противоречие друг с другом, не содержат должного уровня детализации либо вовсе оказываются неприменимыми к конкретным жизненным ситуациям. Судебная практика, формируемая в процессе рассмотрения конкретных споров, выявляет эти пробелы, демонстрируя на уровне конкретных правовых кейсов необходимость последующего законодательного вмешательства.

Следует отметить, что в соответствии с господствующей правовой доктриной судебная практика в Российской Федерации не признается официальным источником права. Более того, вопросы теоретических концепций определения судебной практики в качестве источника права в России исследованы и рассмотрены множество раз. В свою очередь, настоящее исследование направлено не на определение характера судебной практики как источника права, а, напротив, на определение уникальной роли судебной практики в качестве источника выявления правотворческих и законодательных потребностей и фактора совершенствования российского законодательства.

Статья 15 Конституции РФ указывает, что в стране действуют нормативные правовые акты, обладающие признаками общеобязательности, официальности и формальной определенности. Судебная практика, за исключением актов Конституционного Суда РФ (о признании нормативных актов соответствующими

Конституции РФ), такими признаками в общем случае не обладает. Тем не менее, несмотря на отсутствие формального нормативного статуса, судебная практика выполняет важнейшую системообразующую роль в правовой системе, обеспечивая единство правоприменения и предсказуемость правовых последствий.

Особую значимость в этом контексте приобретают правовые позиции, формируемые Верховным Судом РФ в рамках постановлений Пленума, Обзоров судебной практики и обзоров по конкретным категориям дел. Хотя эти акты не обладают безусловным нормативным статусом, они фактически воспринимаются судами как обязательные к учету при разрешении аналогичных дел[39].

Таким образом, судебная практика функционирует как квазинормативный регулятор, восполняющий пробелы в законодательстве и обеспечивающий системность правового регулирования.

Кроме того, судебная практика выполняет функцию интерпретации законодательства. Размытые и неоднозначные формулировки законов наполняются конкретным содержанием посредством деятельности судебных органов, придавая тексту закона необходимую юридическую определенность. Это особенно актуально в арбитражном, налоговом, корпоративном, земельном и административном праве.

Хотя судебная практика в Российской Федерации не признается источником права в формально-юридическом смысле, ее значение в функционировании правовой системы выходит далеко за пределы правоприменения. Она выполняет миссию связующего звена между абстрактной нормой и конкретной правовой ситуацией, между формальным правотворчеством и реальной юридической действительностью. Такая функция судебной практики обусловливает

---

[39] Например, статья 126 Конституции РФ и статья 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» указывают на право Верховного суда РФ давать судам разъяснения по вопросам судебной практики. В свою очередь, процессуальное законодательство содержит возможность пересмотра судебных актов в связи с изменениями в постановлениях Пленума Верховного суда РФ (пункт 5 части 3 статьи 311 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации).

необходимость ее концептуального осмысления как элемента правовой системы sui generis - уникальной конструкции, имеющей незаменимую роль в процессе выявления, интерпретации и устранения правовых дефектов.

Если говорить про дефиниции понятия «судебная практика», то анализ научных работ дореволюционных юристов свидетельствует об отсутствии единого подхода к определению понятия «судебная практика».

На различных исторических этапах, в зависимости от политической обстановки и правового регулирования в стране, подходы к пониманию судебной практики имели дифференцированный характер. С одной стороны, признание судебной практики источником права противоречило бы основным принципам романо-германской правовой системы, с другой стороны, невозможно было отрицать особую роль судебной практики как в разрешении аналогичных споров, так и в процессе внесения изменений в законодательство. Так, Г.Ф. Шершеневич определял судебную практику как правило, созданное судом при постановлении им судебных решений[40]. Также автор отмечал, что судебная практика в России фактически не имеет существенного значения и основывается на прочных основах законов, принятых в установленном порядке. Следовательно, иные формы права, за исключением закона, могут быть признаны только в той мере, в которой это установлено законом. Точно так же судебные решения могли бы иметь статус норм права, если бы их обязательность была установлена законом[41].

Л.И. Петражицкий рассматривал судебную практику как общее, продолжительное, однообразное применение известной нормы права судами определенной правовой области[42]. В свою очередь, Н. Малышев охарактеризовал судебную практику как частную форму обычного права[43].

---

[40] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие (по изданию 1910-1912 гг.) / Г.Ф. Шершеневич – М., 1995. – Т. 2. – Вып. 2-4. С. 86.
[41] Там же. С. 88.
[42] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1907. С. 167.
[43] Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. СПб. 1878. Т. 1. С. 85-86.

Нельзя не согласиться с мнениями авторов, поскольку судебная практика выполняет двойную функцию: она служит ориентиром для судов при принятии решений и в определенной степени отражает характеристики правовой формы. Однако признать судебную практику безусловным источником права невозможно, поскольку закон не закрепляет за ней такой статус.

Вместе с тем вопрос о степени влияния судебной практики на развитие законодательства также стал предметом многочисленных дискуссий. Так, С.В. Пахман отмечал, что судебная практика всегда имела и будет иметь влияние в деле усовершенствования положительных норм, высказываемого требования жизни, ибо недостатки закона ни в чем не сказываются столь убедительно и ясно, как при разрешении отдельных случаев на практике[44]. Как отметил Гук П.А., судебная практика на протяжении всего периода развития законодательства в России служила своеобразным ориентиром для единообразного применения законов. В случаях, когда законы оказывались неточными или неполными, судебная практика дополняла их, придавая им жизнеспособность[45].

В рамках настоящего исследования рассмотрим четыре периода развития законодательства и судебной практики России: дореформенный период XIX века, период судебной реформы XIX века, советский период и постсоветский период (с момента принятия Конституции РФ).

Дореформенный период XIX века. Значению судебной практики в дореформенный период в отечественной науке теории права уделяется мало внимания. Это связано с тем, что до проведения судебной реформы судебные органы осуществляли свои полномочия строго в соответствии с принципом состязательности, при этом судебные органы не имели самостоятельности и подчинялись монарху. Последней инстанцией в разрешении спора являлся

---

[44] Пахман С.В. О современном движении в науке права / С.В. Пахман. – СПб., 1882. – С. 33.

[45] Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ. : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Гук Павел Александрович; [Место защиты: Институт государства и права РАН]. - Москва, 2012. - С. 88.

Государственный Совет. Л.И. Петражицкий отмечал, что «суды должны были применять законы по точному и буквальному смыслу оных, не допуская при этом обманчивого постоянства самопроизвольных толкований» [46] . При таких обстоятельствах использование каких-либо иных форм права, включая судебную практику, было исключено, применялись только законы.

Тем не менее следует отметить, что даже при отсутствии самостоятельности судебная власть все же оказывала влияние на развитие законодательства. Как отмечал Н.М. Коркунов, судебные решения в то время постоянно превращались в законодательные постановления[47].

Вызывает немалый интерес тот факт, что в процессе кодификации российского законодательства М.М. Сперанский использовал судебную практику (судебные постановления). Как указывает профессор С.В. Кодан в своей работе, посвященной формированию теоретических основ юридической техники систематизации законодательства в России, полное собрание законодательства Российской Империи допускало включение судебных прецедентов[48], но только тех, что имели характер правовой нормы. Включение судебных прецедентов в собрание законодательства изначально не было регламентировано, однако М.М. Сперанский сделал оговорку о том, что следует использовать те судебные решения «…коих сила распространена в самом их изложении на все случаи, им подобные; «…» кои, быв в начале частными, приняты впоследствии примером и образцом других решений, и таким образом сделались общими». То есть речь шла о тех судебных решениях, которые содержали интерпретацию правовых установлений. «Все таковые и сим подобные судебные решения допущены в состав Собрания. Подобное сему изъятие сделано и в решениях дел уголовных.

---

[46] Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 567.

[47] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. [Переизд. 1898 г.]. СПб., 2004. Там же. С. 358.

[48] Кодан С.В. М. М. Сперанский и формирование теоретических основ юридической техники систематизации законодательства в России (1820-1830-е гг.): статья // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 226.

Важнейшие из оных, особенно по преступлениям государственным признано полезным сохранить в Собрании»[49].

С.В. Пахман также отмечал, что «касательно отношения судебной практики к движению законодательства, то известно, что практика, и без искусственных с ее стороны усилий, всегда имела и будет иметь влияние в деле усовершенствования положительных норм, высказываемого требования жизни, ибо недостатки закона ни в чем не сказываются столь убедительно и ясно, как при разрешении отдельных случаев на практике»[50].

Анализ основных источников права дореволюционного периода (Русская правда, Судебник 1497 г., Соборное уложение 1649 г.) позволяет прийти к выводу о ярко выраженном влиянии византийского права, ставшего образом для российского права с момента принятия христианства в Древней Руси. Как указывает М.А. Дьяконов, византийское право как источник Русской Правды привносилось в нее не путем научного заимствования, а путем решения судов на основании норм византийского права[51]. В данном контексте, в свою очередь, А.Н. Филиппов отмечает, что в таких случаях имелось место не просто заимствование из византийских сборников, а переработка их путем судебной практики[52].

Вместе с тем в дореформенный период XIX века большее внимание уделялось формированию судебных органов, выстраиванию судебного процесса, судебная практика не влияла на законодательство. Важно отметить, что до проведения судебной реформы судебная практика не могла выступать в качестве источника права. Это объяснялось тем, что судебная власть не была отделена от законодательной, и судебная практика не имела самостоятельного характера. В случаях, когда при рассмотрении дела суд выявлял неясность законодательных норм либо их неполноту, он не обращался к судебным прецедентам, а направлял

---

[49] Там же. С. 226.
[50] Пахман С.В. О современном движении в науке права / С.В. Пахман. – СПб., 1882. – С. 33.
[51] М.А. Дьяконов. Очерки общественного строя древней Руси. СПб., 1908. С. 49.
[52] Филиппов, А. Н. Учебник истории русского права : Ч. 1 : Пособие к лекциям / А. Н. Филиппова. - К. Маттисен, 1907. С. 116.

этот вопрос в вышестоящую инстанцию. В итоге дело доходило до Государственного Совета и уже на его уровне разрешалось по существу.

Очевидно, что трансформация судебных решений в законодательные постановления была результатом долгого рассмотрения и разрешения спора. По итогам дела оно попадало в высшую инстанцию - Государственный Совет, который на основе выявленных пробелов в правовом регулировании выносил законодательные постановления, способствовавшие совершенствованию законодательства.

Период проведения судебной реформы в 1864 г. В этот период стало меняться отношение к судебной практике, особенно после принятия ряда Уставов. При этом судебная практика по-прежнему не входила в перечень правовых источников и не рассматривалась как основание для внесения изменений в законодательные акты.

После реформирования судебной системы в России и принятия ряда нормативных актов правоведы стали рассматривать судебную практику как один из наиболее древних и самостоятельных источников права.

Тем не менее, данный подход не мог обойтись без определенных оговорок. Например, признавая судебную практику в качестве самостоятельного источника права, правоведы указывали, что суды не обязаны учитывать судебную практику при принятии решений (при разрешении спорных вопросов) в аналогичных ситуациях. Некоторые считали, что в условиях, когда каждый нормативный акт может быть отменен или заменен новым законом, то и судебной практике должна быть присуща такая же динамика и способность к реформации.

Вместе с этим в рассматриваемый период судебная практика стала приобретать значимость и некую определенность. Склонить судебные органы изменить уже устоявшуюся практику без веских оснований было довольно сложной задачей. Следовательно, если суд принимал какое-либо решение, он придерживался его и в дальнейших решениях и позициях.

Важно акцентировать внимание на том, что в постреформенный период позиция о судебной практике как источнике права нашла серьезную поддержку у многих правоведов. Так, Л.И. Петражицкий утверждал, что судебная практика должна рассматриваться источником русского права после законного и обычного права[53].

Подтверждение практического признания судебной практики как источника права также можно найти в Уставах того времени. Например, в Уставе уголовного судопроизводства[54] (статьи 12 и 13) и в Уставе гражданского судопроизводства[55] (статья 10). В соответствии с приведенными нормами суды должны были разрешать все споры, опираясь на действующие в тот период законы. При этом не допускалось принятие неполных или неясных решений, а также решений, которые противоречили действующим нормам права. Обозначенное правило могло быть исполнено при условии, что законы были растолкованы в свободной форме, что, в свою очередь, свидетельствовало о творческом значении судебной практики[56].

В соответствии со статьей 12 Устава уголовного судопроизводства все судебные инстанции должны были рассматривать поступившие к ним спорные дела на основании законов, а если необходимые нормы в законе отсутствовали либо носили неточный характер, такие решения суды должны были принимать исходя из общего смысла закона[57].

Таким образом, в случае если при разрешении споров суды не могли применять нормы права по объективным причинам, то им запрещалось приостанавливать дела под угрозой наказания, следовательно, суды должны были

---

[53] Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 570.
[54] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/. Дата обращения 06.04.2024 г.
[55] Устав гражданского судопроизводства. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/39SyzD. Дата обращения 6 апреля 2024 г.
[56] Удодова М.А. Механизм воздействия судебной практики на законодательство: автореф. дис. … к.ю.н. М., 2018. С. 18.
[57] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/. Дата обращения 6 апреля 2024 г.

разрешать эти споры, опираясь на общий смысл норм, включая судебную практику.

Обязанность судов рассматривать дела даже при отсутствии либо неполноте законодательных положений содержалась и в иных нормативных правовых актах. В частности, отметим статью 352 Устава торгового судопроизводства, в которой было закреплено право суда брать за основу уже существующие обычаи и примеры ранее вынесенных решений[58] в случае невозможности разрешить спор ввиду, например, неясности законов.

Соответственно, судебная практика стала приобретать существенное значение не только в качестве источника права, но и в качестве основания для изменения норм права.

В рассматриваемый период суды не были наделены правотворческими полномочиями. Однако законодательное закрепление обязанности судов в определенных случаях использовать уже принятые ранее судебные решения свидетельствует о том, что законодатель стал допускать вероятность включения судебной практики в систему источников права.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что в результате судебной реформы судебная практика приобрела практическую и прикладную значимость. Источником права судебную практику не признали, однако она оказывала существенное влияние на рассмотрение споров в судебном порядке в отсутствие подходящих норм права. Тем самым в постреформенный период уже формировались предпосылки возрастания роли судебной практики в нормотворческом процессе.

Советский период. Указанному периоду в доктрине отводится более детальное внимание. Это обусловлено следующим:

- преемственностью отечественной правовой науки;

- наличием ряда традиций правового характера;

---

[58] Нуриев А.Г. Комментарий к отдельным главам (X-XIII) Устава судопроизводства в коммерческих судах // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4. С. 112-115.

- динамичным развитием правовой культуры и т.д.

Правовая и государственная системы не могли полноценно развиваться в данный период без учета опыта, накопленного в предыдущие этапы развития государства. Несмотря на то, что советское государство, как известно, сформировалось революционным путем, и впоследствии все государственные устои были отменены, государство не смогло бы далее модернизироваться без преемственности, в частности, в области права.

Как отметил П.А. Гук, законодательные нормы не могли охватить всего многообразия действительности, в каждый отдельный момент времени точно отражать «опыт хозяйственного строительства». В этом случае революционное сознание приобретало значение метода, восполняющего проблемы в законе, создавая тем самым новую «революционно-пролетарскую» судебную практику[59].

Также по данному вопросу нельзя не отметить позицию М.Н. Марченко, согласно которой становление новой советской государственной и правовой системы невозможно без опоры на исторический опыт, правовую культуру, а также опыт правотворческой и правоприменительной деятельности, в том числе судебной [60] . Однако трудно сказать, что правоприменители созданного социалистического государства опирались в большей степени на опыт судейских органов Российской Империи.

Так, В.И. Ленин в работе, посвященной социалистической законности и правопорядку, отметил: «Отменив законы свергнутых правительств, партия даст выбранным советскими избирателями судьям лозунг - осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его, руководствоваться правосознанием, отметая законы свергнутых правительств» [61] . То есть, если следовать общей концепции правоприменения в социалистическом государстве, судьи в отсутствие нормы,

---

[59] Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ : автореферат дис. ... доктора юридических наук. С. 94.
[60] М.Н. Марченко. Источники права / М.Н. Марченко. – М., 2005. – С. 375.
[61] В.И. Ленин. КПСС о социалистической законности и правопорядке / В.И. Ленин. – М., 1986. – С. 136.

регулирующей конкретный круг правоотношений, должны были, в первую очередь, руководствоваться правосознанием. Очевидно, что при таких обстоятельствах значимость судебной практики была минимальна.

Примечательно, что законодательные нормы, разработанные и принятые в советское время, содержали ряд положений, указывающих на то, что суды, помимо правоприменительной деятельности, в определенной степени также выполняли функции правотворчества. В то же время государственные органы, принимавшие такие нормы, не были официально включены в перечень правотворческих структур, но выполняли функции, весьма схожие с ними. Следовательно, этот аспект можно рассматривать как своеобразную предпосылку для становления и развития института судебной практики.

В Конституции СССР 1924 года было закреплено полномочие Верховного Суда СССР предоставлять нижестоящим судебным инстанциям, включая суды союзных республик, различного рода разъяснения. Указанные разъяснения представляли собой рекомендации, фактически обязательные к применению на практике. Помимо этого, в Конституции ССР 1924 года было предусмотрено право Верховного Суда СССР давать заключения относительно законности постановлений, принимаемых союзными республиками. Схожие по смыслу положения содержались и в иных нормативных правовых актах, что, в свою очередь, свидетельствует о возрастании роли судов и судебной практики в рассматриваемый период.

Вопрос о признании судебной практики самостоятельным источником права был предметом дискуссии среди советских правоведов. Несмотря на многочисленность научных разработок, однозначного ответа на данный вопрос так и не было найдено, поэтому он остается исключительно предметом теоретических обсуждений.

В более поздний период советского времени, в середине прошлого столетия, предпринимались попытки признать разъяснения Верховного Суда СССР источником права в контексте уголовного права. Однако по множеству причин,

прежде всего идеологического характера, такие разъяснения так и не получили правовой статус источника права. Более того, судебная практика, формируемая в рамках уголовного процесса, не может являться источником права, поскольку все приговоры должны основываться исключительно на уголовном законодательстве.

Безусловно, попытки признать судебный прецедент предпринимались не только в уголовном праве, но и в других отраслях права. Однако они были настолько необоснованными и недостаточно аргументированными, что вызывали множество вопросов как со стороны законодателей, так и со стороны науки права.

В основе официальной концепции советского права лежал тезис, или даже аксиома, согласно которой социалистическое право в целом, а советское право в частности, не признавали судебный прецедент в качестве источника права, так как это ассоциировалось с:

а) разрушением социалистической законности, которая основывалась на строгом и неуклонном соблюдении законов и других законодательных актов;

б) возможным судебным произволом в процессе осуществления одновременно правотворческих и правоприменительных функций;

в) подрывом или, по меньшей мере, ослаблением правотворческой деятельности законодательных органов.

Для определения правового статуса судебной практики в Советском Союзе необходимо также проанализировать идеологическую ситуацию того времени.

Таким образом, советский период можно характеризовать как период динамичного развития судебной практики, которая приобрела важное значение при рассмотрении дел судами. В этот период судебная практика не была официально признана источником права, однако она сыграла значительную роль в совершенствовании отечественного законодательства. Судебная практика служила способом регулирования деятельности судов при принятии решений в условиях недостаточности правового регулирования.

Постсоветский период.

Под «постсоветским периодом» в настоящем исследовании понимается новый этап развития российского законодательства, начавшийся с момента принятия Конституции РФ в 1993 году. Принятие новой Конституции РФ в декабре 1993 года ознаменовало качественный перелом в статусе судебной власти и механизмах правотворчества. В советский период и до начала 1990-х годов суды рассматривались преимущественно как правоприменительные институты, без явно выраженной самостоятельной роли в нормотворчестве. Официально ни доктрина, ни законодательство не признавали судебное правотворчество, и судебная практика, очевидно, не могла рассматриваться даже в качестве фактора, влияющего на изменения в законодательстве. Однако с переходом к новому конституционному строю в 1993 году начало меняться отношение к судебной практике. Новая Конституция РФ утвердила принципы разделения властей (ст. 10) и независимость судебной власти, наделила суды (в особенности Конституционный Суд РФ) полномочиями конституционного контроля, что, в свою очередь, способствовало созданию институтов, через которых судебная практика возымела свое влияние на законодательство.

Нельзя не отметить механизмы «обратной связи», которые были институционализированы между правоприменением и правотворчеством. Конституционный Суд РФ получил право признавать законы не соответствующими Конституции РФ, фактически отменяя их действие, а законодатель - обязанность реагировать, устраняя выявленные судом недостатки. Одновременно Верховный Суд РФ, обобщая судебную практику и давая разъяснения в постановлениях Пленума, начал выполнять важную функцию по унификации правоприменения и конкретизации законодательных норм. Таким образом, начиная с 1993 года судебная власть в России трансформировалась в активного участника правотворческого процесса.

В настоящее время судебная практика, а именно правоприменительные акты судов, не признаются источниками права. Как справедливо отмечают Л.А. Голубева и А.Э. Черноков, суды лишены правотворческих функций, они

лишь осуществляют толкование права в процессе рассмотрения конкретных споров[62]. Более того, в настоящее время ведутся многочисленные дискуссии относительно наличия судебного прецедента в Российской Федерации. При этом общий авторский подход к определению места судебной практики в системе источников права пока не выработан.

Обратимся к позиции К.В. Грибковой, согласно которой в связи с динамичными изменениями в жизни общества в действующее законодательство не всегда своевременно вносятся изменения, и в данном контексте судебная практика может служить гибким инструментом реализации правовой политики со стороны государства[63]. Нельзя не согласиться с мнением К.В. Грибковой. Проблема несоответствия многочисленных норм права текущим реалиям является общеизвестным фактом, и судебная практика действительно может способствовать разрешению возникающих проблем.

Как отмечает К.В. Грибкова, несмотря на то что судебная практика обладает признаками источника права и играет важную роль в системе правового регулирования, реализуемого в Российской Федерации, источником права она не признается[64]. Соответственно, можно сделать вывод, что, по мнению автора, судебная практика должна быть включена в систему источников права.

А.Л. Бредихин, в свою очередь, считает, что решения вышестоящих судов Российской Федерации не могут рассматриваться в качестве судебной практики, поскольку они, по его мнению, имеют схожий с нормативными актами характер[65]. Данная позиция ошибочна, прежде всего, потому что такие решения не соответствуют требованиям юридической техники, не обладают общеобязательной юридической силой, и за их несоблюдение не предусмотрена ответственность.

---

[62] Голубева Л.А., Черноков А.Э. Судебная практика как источник и форма права // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 3. С. 52.
[63] Грибкова К.В. Судебная практика как источник права в России // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25. № 3. С. 131.
[64] Там же.
[65] Бредихин А.Л. Судебная практика как источник российского права // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 1 (21). С. 105.

Исходя из приведенных мнений современных ученых, можно констатировать, что в науке права до сих пор ведутся активные дискуссии относительно правового положения судебной практики. На сегодняшний день весьма затруднительно дать однозначный ответ относительно места судебной практики в системе источников права.

На современном этапе развития российского законодательства обязанность суда при рассмотрении дела учитывать ранее вынесенные решения по идентичным спорам не закреплена. Каждое дело, рассматриваемое судебными инстанциями, отличается особыми обстоятельствами, которые суд обязан учитывать для объективного рассмотрения. Иными словами, сегодня суды придерживаются дифференцированного подхода при рассмотрении дел.

Таким образом, возникает очевидный вопрос: какое влияние может оказать судебная практика на совершенствование законодательства, если на данный момент она не имеет самостоятельного и унифицированного характера. Здесь можно отметить следующее[66].

Как указывает А.Г. Карапетов, «…исправление судебных ошибок и унификация судебной практики - основные функции высших судов. Последнее, по сути, есть ни что иное, как создание неких общих правил для нижестоящих судов. Подспорьем в осуществлении данных функций является система фильтрации дел, налаженная в большинстве государств…»[67]. Соответственно, для эффективной унификации судебной практики необходимо сформировать действенный механизм фильтрации дел, который в настоящее время в российских судах отсутствует. А.Г. Карапетов при исследовании вопроса об унификации судебной практики обращает внимание на опыт зарубежных стран в этом вопросе, что вполне оправдано: если положительный опыт иных государств демонстрирует

---

[66] См. Толдиев, Х. М. Б. Влияние судебной практики на унификацию российского законодательства / Х. М. Б. Толдиев // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 3(190). – С. 86-89.

[67] А.Г. Карапетов: «Главная задача высших судов – разрешить спор справедливо. Но творить справедливость ad hoc не имеет смысла». [Электронный ресурс].URL: http://www.civilista.ru/news.php?id=50. Дата обращения 10 апреля 2024 г.

формирование действенного механизма унификации судебной практики, такой механизм может быть внедрен и в российскую правовую систему.

Исследуя вопрос о влиянии судебной практики на совершенствование законодательства, следует отметить, что в настоящее время решения, вынесенные судами Российской Федерации, в должной степени не принимаются во внимание законодателем с целью последующего внесения необходимых изменений в нормативные правовые акты либо дополнения их соответствующими правовыми нормами.

Если говорить о гражданском законодательстве, то с 1993 года был принят ряд изменений в законодательстве. Стремительное развитие отношений зачастую опережало законодательство, и судебная практика сыграла ключевую роль в конкретизации общих норм ГК РФ применительно к новым ситуациям. Типичные пробелы, выявлявшиеся судами, касались, например, недостаточной урегулированности договорных отношений в условиях рынка, защиты прав собственников в новых экономических реалиях, пробелов в корпоративном законодательстве. Так, в первые годы применения части первой ГК РФ суды столкнулись с недостатками правового регулирования в некоторых институтах гражданского права в сфере регулирования исполнения договоров и юридической ответственности, что восполнялось ими путем расширительного толкования общих положений ГК РФ. Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ того периода разъясняли, как применять нормы о сделках, недействительности договоров, возмещении убытков, исходя из принципов добросовестности и разумности. Эти разъяснения де-факто заполняли законодательные лакуны до внесения изменений в закон[68].

[68] Например, разъяснения Пленума ВС РФ восполнили неопределенность регулирования ст. 174 ГК РФ относительно последствий превышения полномочий представителя. Далее Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» эти разъяснения были имплементированы, уточнив ст. 174 ГК РФ о сделках представителя с превышением полномочий.

В свою очередь, уголовное законодательство также содержит аналогичные примеры.

После принятия Конституции 1993 г. и последующих реформ уголовного законодательства (новый УК РФ 1996 г., УПК РФ 2001 г.) многие нормы потребовали проверки на соответствие принципам прав и свобод человека. Типичные пробелы, выявленные судебной практикой, затрагивали прежде всего процедуры, призванные защищать права обвиняемых и потерпевших: отсутствие судебного контроля на стадиях предварительного следствия, неурегулированность права на обжалование определенных решений, пробелы в обеспечении права на защиту и состязательности сторон.

Верховный Суд РФ в практике уголовного судопроизводства также активно выявляет проблемы и инициирует их устранение через законотворчество. Например, анализ судебной практики Верховным Судом выявил, что ряд норм УК РФ избыточно репрессивны и не дифференцируют ответственность с учетом характера деяния. Так, по статистике Верховного Суда РФ, подавляющее большинство осужденных за хранение наркотиков без цели сбыта получили санкции в виде лишения свободы, в то время, когда последние чаще всего нуждались в принудительном лечении[69]. Такое явление говорит о чрезмерной жесткости санкций. В 2024 году Верховный Суд провел анализ практики по «наркотическим» статьям и пришел к выводу о необходимости более сбалансированного подхода законодателя к санкциям. В результате Верховный Суд разработал законопроект, предлагающий смягчить наказание за хранение наркотиков без цели сбыта - вместо лишения свободы ввести меру в виде направления на лечение от наркозависимости и реабилитацию[70]. Данный пример демонстрирует, как судебная власть, проанализировав фактическое применение закона, формирует запрос на законодательное изменение. Уже сам факт внесения

---

[69] Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Электронный ресурс: [https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/34415/]. Дата обращения 31.05.2025 г.

[70] См. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 года № 3 О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

Верховным Судом законопроекта свидетельствует о признании законодателем экспертной роли судейского сообщества в правотворчестве.

Ретроспектива развития законодательства РФ с 1993 г. демонстрирует неуклонный рост влияния судебной практики на правотворческий процесс. Статистика рассмотренных дел или выводы высших судов позволяют выявить системные проблемы правового регулирования. Получая эти сигналы, законодатель принимает меры и вносит поправки в действующее законодательство.

Таким образом, опыт России с 1993 года по настоящее время подтверждает основополагающее положение общей теории права о том, что судебная практика и правоприменение являются фактором развития законодательства.

Вместе с тем, для определения правового статуса судебной практики и ее роли в совершенствовании законодательства необходимо рассмотреть ее через призму правовых традиций и выяснить, всегда ли судебная практика законодателем воспринималась как один из ключевых факторов совершенствования российского законодательства и содержала ли элементы источника права.

В базовом понимании правовая традиция определяется как устойчивый, исторически сложившийся комплекс норм, ценностей, принципов и институтов, которые обеспечивают преемственность правопорядка в той или иной правовой системе. Так, например, Д.А. Пашенцев определяет правовую традицию как исторически сложившуюся и развивающуюся совокупность принципов построения правовой системы, которая выражается в нормах, правовых обычаях, понятиях, ценностях и представлениях, и формируется повседневными действиями субъектов права[71]. В свою очередь, Рожнов А.П. рассматривает правовую традицию как закономерность развития права, определяемую особенностями его национально-исторического развития и проявляющуюся в

[71] Пашенцев Д.А. Правовые традиции России в условиях глобализации: монография. Москва: ЮРКОМПАНИ, 2016. – С. 21.

отчетливо выраженной стабильности, повторяемости и преемственности менталитета источников права, правовых институтов и процедур деятельности[72]. Сулипов Р.С. в своем исследовании, посвященном теоретико-правовому аспекту правовых традиций в России, отметил, что правовая традиция - это совокупность устойчивых, воспроизводящихся результатов правового развития прошлых исторических эпох в пределах отдельно взятой правовой системы, которая обеспечивает трансляцию и преемственность правового опыта, которая выражается в передаче правовой культурой из одного времени в другое элементов правовой системы[73].

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что правовая традиция формируется либо исходя из конкретного исторического опыта, который закрепился в обществе, либо из преемственности правоотношений. Однако возникает вопрос, достаточно ли преемственности для закрепления той или иной категории в качестве правовой традиции.

Правовая традиция тесно связана с такими понятиями, как правовая система, правовая культура и правосознание. Это базовая концепция, на основе которой строится вся правовая система, ее стабильность и преемственность. Она также определяет, как общество воспринимает законы, какие принципы лежат в основе правоприменительной деятельности и как развивается законодательство. Правовая традиция в разных странах и правовых системах может существенно различаться. Например, в странах англосаксонской правовой семьи (common law) ключевую роль играют судебные прецеденты как элемент правовой традиции, тогда как в странах романо-германской правовой семьи (civil law) главную роль играют кодифицированные законы и писаное право. В семье общего права - правовые традиции накопления и использования в качестве нормативов опыта

---

[72] Рожнов А.П. Нетрадиционные источники права в правовой системе // Вестник ВолГУ. Сер. 5. Вып. 4. Волгоград, 2001. С. 29.

[73] Сулипов Р.С. Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01/Сулипов Руслан Султанович. Челябинск, 2013. – С. 15.

судебных решений, в континентальной правовой семье - правовая традиция создания абстрактных нормативов путем законотворческой деятельности[74].

Как отметил Д.А. Пашенцев, «формирование правовых традиций происходит за счет массовой практики по воспроизводству определенных юридически значимых действий»[75].

Судебная практика не существует изолированно от правовой традиции, наоборот, она формируется в ее контексте. Правовые традиции, сложившиеся в обществе, оказывают прямое влияние на то, как суды интерпретируют законы и применяют правовые нормы. В каждой стране судебная практика развивается в рамках ее уникальной правовой традиции, которая определяет подходы к толкованию и применению права. Например, в правовых системах романо-германской правовой семьи (к которой относится и Россия) суды, как правило, стремятся к буквальному толкованию норм, опираясь на кодифицированные законы и придавая им большее значение, чем судебным прецедентам, в то время как в англосаксонской системе права (например, в Великобритании и США) судебные прецеденты как часть правовой традиции играют центральную роль, что определяет судебную практику.

Таким образом, правовая традиция устанавливает рамки для судебной практики, определяет ее направленность и степень влияния на развитие законодательства.

Судебная практика, в свою очередь, может стать элементом правовой традиции, если ее влияние на правовую систему становится устойчивым и долгосрочным. В странах англосаксонской правовой семьи судебные прецеденты играют именно такую роль. Решения судов высших инстанций накапливаются и становятся основой для формирования новых правовых норм, тем самым интегрируясь в правовую традицию.

---

[74] Там же. С. 56.

[75] Д.А. Пашенцев. Правовые традиции России в условиях глобализации: монография. Москва: ЮРКОМПАНИ, 2016. – С. 25.

Как отмечает И.В Михеева, в рамках изменяющихся границ правового регулирования, предметом которого является и государственное управление, правовые традиции расставляют свои акценты, делают очевидными исторические аналогии. Последние предопределяют повторяемость, цикличность, возвращение к использованным когда-то формулам, включая формулы правотворчества[76].

Таким образом, мы можем выявить основные признаки правовой традиции:

- *Историческая устойчивость***.** Правовая традиция формируется и развивается на протяжении длительного времени, включая элементы прошлого и сохраняя их в современных правовых системах.

- *Социальная значимость***.** Правовая традиция отражает потребности и ценности общества, в котором она существует, учитывает культурные, моральные и религиозные аспекты, влияющие на формирование правопорядка.

- *Регулятивность***.** Включает устойчивые правила поведения либо юридические нормы, которые могут быть как формальными (законодательные акты), так и неформальными (правовые обычаи).

- *Адаптивность***.** Правовая традиция способна изменяться и адаптироваться в ответ на новые вызовы, меняющиеся социальные и политические условия.

Все эти признаки являются условными, правовая традиция, несомненно, обладает и иными признаками. Однако в контексте настоящего исследования мы рассмотрим самые основные и базовые признаки, анализ которых позволит установить традиционность той или иной правовой категории, в особенности судебной практики.

Как уже было отмечено ранее, в XIX веке правовая система Российской империи строилась на строгом разграничении законодательной и судебной власти, что легло в основу позитивистского подхода к праву. Согласно господствующим в то время юридическим воззрениям единственными источниками права были нормативные акты, исходящие от законодателя, а суды

---

[76] Михеева И.В. Российское правотворчество: традиционные акценты истории // Журнал российского права. – 2010. - № 10. – С. 99.

должны были строго следовать предписаниям закона, не выходя за его рамки. В основе позитивистской доктрины права лежит утверждение, что право - это совокупность норм, созданных государством, а правотворческая функция принадлежит исключительно законодателю. Этот подход был характерен для большинства правовых систем континентальной Европы, включая Россию. Соответственно, суды рассматривались исключительно как органы, применяющие закон, а не создающие право. Судебная практика должна была служить лишь инструментом для разрешения конкретных споров на основе существующих норм, не влияя на содержание самого права. Тем не менее, российские юристы XIX века понимали, что судебные решения могут влиять на правоприменение, особенно когда действующее законодательство оставляло место для конкретизации норм. Как указал Н.М. Коркунов, «судебная практика занимает среднее, посредствующее место между обычаем и законом, а также подобно закону имеет юридически определенную, аутентичную форму выражения - подлинные судебные решения». Существенными и отличительными чертами судебной практики автор признает следующие:

- сознательная воля правоприменителя;

- источник судебной практики - суд, как государственно-властное учреждение;

- всегда письменная форма и творческий характер судебной практики[77].

Конечно, ученый рассматривал судебную практику наряду с обычаем, но с определенным разграничением: обычаи слагаются бессознательно, без всякой мысли об юридическом нормировании отношений, а судебная практика, подобно закону, возникает в силу сознательного стремления к реализации данной юридической нормы[78]. Более того, автор высказался о недопустимости признания источником права всякого решения суда, отождествляя его с судебной практикой: «признание судебной практики самостоятельным источником права не следует

[77] Коркунов Н.М. Лекции общей теории права / Коркунов Н.М. – СПб., 1894 – С. 295-296.
[78] Там же. С. 380.

понимать так, чтобы раз принятое судом решение какого-нибудь спорного вопроса безусловно связывало суд на будущее время»[79]. Такое мнение является вполне обоснованным, поскольку судебная практика - это совокупность аналогичных решений судов, на основании которых сформировался определенный механизм разрешения споров.

Судебная практика приобретает социальную значимость, поскольку она имеет непосредственное влияние на права и обязанности человека и гражданина. Судебные акты формируют стандарты поведения и устанавливают правовые ориентиры, которые применяются при разрешении аналогичных дел. Это делает судебную практику важным элементом правовой системы, способствующим поддержанию правопорядка и регулированию общественных отношений.

Правовые традиции имеют социальную значимость, поскольку они складываются в течение длительного времени и отражают исторически устоявшиеся представления о праве и справедливости. Правовые традиции играют важную роль в регулировании общественных отношений, формируя ценности и нормы, которые воспринимаются обществом как обязательные и справедливые. Правовые традиции обеспечивают преемственность правового регулирования и сохраняют связь между современными правовыми нормами и историческим опытом правоприменения.

Суть регулятивности судебной практики и правовых традиций заключается в том, что обобщение результатов судебной практики позволяет вырабатывать устойчивые правовые позиции, которые становятся ориентирами для правоприменителей и влияют на толкование и применение правовых норм. Регулятивность правовых традиций также проявляется в том, что они содержат правила поведения, которые соблюдаются обществом на протяжении длительного времени.

Адаптивность судебной практики проявляется в интерпретации и конкретизации правовых норм с учетом изменяющихся правоотношений, а также

---

[79] Там же. С. 383.

новых социальных и экономических факторов. Суды способны адаптировать свои правовые позиции в ответ на развитие законодательства или изменение общественных потребностей, что позволяет судебной практике оперативно реагировать на новые вызовы и корректировать правоприменение в условиях динамичной правовой среды.

Правовые традиции также могут адаптироваться, так как они формируются в ходе исторического развития и подвержены изменениям под воздействием социальных, культурных и экономических факторов. Традиции, не соответствующие современным условиям, постепенно утрачивают свое значение, уступая место новым правилам и подходам. Однако некоторые традиции адаптируются, модифицируются и интегрируются в современное правовое регулирование, сохраняя свою актуальность.

К общим признакам «судебной практики» и «правовых традиций» можно отнести:

- социальную значимость;
- регулятивность;
- адаптивность.

В свою очередь, такие признаки, как «историческая устойчивость» и «институциональная структура», не могут считаться общими, поскольку в силу исторических особенностей становления и развития права в России в разные исторические периоды статус и роль судебной практики значительно изменялись, в отличие от правовых традиций, которые в определенной мере сохраняли свою значимость.

В контексте соотношения понятий «правовые традиции» и «судебная практика» можно отметить, что судебная практика исторически сочетает в себе элементы источника права, что характерно для отечественной юридической системы. С другой стороны, судебная практика стала одним из ключевых факторов совершенствования законодательства лишь с начала становления

российского права на рубеже XX и XXI веков, соответственно, данное явление не может рассматриваться в качестве правовой традиции.

1.3. Значение судебной практики в семьях общего и континентального права

Вопросы возникновения и развития права как основного регулятора общественных отношений традиционно обсуждаются с учетом разных гипотез и подходов к источникам права. На протяжении исторического развития каждый этап характеризовался различными регуляторами: на ранних стадиях это были обычаи, традиции и религия. Ключевым фактором формирования правовых систем стало самобытное сочетание обычаев, традиций, социальных и политических влияний на каждом этапе.

В современных теориях выделяют пять основных правовых систем, продолжающих развиваться под влиянием политических, экономических и социальных факторов:

- англосаксонская (Англия, США, Канада и др.);

- романо-германская (континентальная Европа, Россия, страны Латинской Америки, Турция и т. д.);

- религиозно-правовые (государства, где право связано с государственным устройством на основе религии - ислам, иудаизм, буддизм);

- социалистические (Китай, КНДР, Вьетнам и др.);

- обычного права (некоторые страны Африки).

Каждая система отличается как источниками права, так и механизмами регулирования. Особый интерес в данном исследовании представляет роль судебной практики в совершенствовании законодательства англосаксонской системы.

История англосаксонской правовой семьи начинается с германских племен, пришедших на Британские острова в I веке н. э. На данном этапе не существовало единого законодательства: регулирование осуществлялось локальными обычаями германских племен. Римское владычество практически не изменило порядок, поскольку германцы предпочитали свои традиции. В VI-XI вв. формируется англосаксонское право как симбиоз скандинавских норм и «варварских законов» континентальной Европы. Оно основывалось на обычаях, провозглашенных королевскими указами, и судебных прецедентах, объединенных в сборники. Изучение раннесредневекового права остается сложным из-за утраты оригинальных текстов и трудностей расшифровки древнеанглийского языка.

Кодекс Этельберта (VII в.) - один из первых письменных сводов закона: 90 статей, описывающих санкции в зависимости от положения преступника. Большая часть норм восходила к устным обычаям, а влияние Римского права было опосредовано через церковную канонику. Законы королей Хлотхере II (ок. 680 г.) и Эдрика (692 г.) издавались на раннеанглийском языке и регулировали уголовное, имущественное, брачное, наследственное право. Они были собраны по материалам «Хлотхирского документа» и манускрипта «Laws of Wihtred». В тот период судопроизводство только формировалось: короли лично участвовали в разбирательствах, нормы возникали из сравнения обычаев, но роль судебной практики оставалась скромной из-за недостатка письменных источников.

Одним из главных источников информации является Англосаксонская хроника, составленная в позднем 9-м веке и содержащая некоторые сведения о жизни и правлении ранних английских королей. В этих источниках указывается, что оба короля принимали участие в судебных процессах и выносили решения по делам своих подданных[80].

[80] Одним из известных источников, которые описывают королей Хлотхера и Эдрика из Англосаксонской хроники, является произведение "The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 5: MS C" (Англосаксонская хроника: Совместное издание. Том 5: Манускрипт C). Издание было подготовлено Саймоном Дж. Ратлифф и Сьюзен Ирланд и опубликовано в 2015 году.

Законы Вихтреда (конец VII - начало VIII в.) содержали преимущественно церковные нормы, но несколько статей вводили принцип компенсации ущерба обязательными выплатами. Судебные решения базировались на прецедентах и свидетельских показаниях, хотя ограничения по социальному статусу (рабы, женщины) ограничивали универсальность норм.

Законы Альфреда Великого (конец IX в.): он систематизировал нормы семейного, земельного и частного права, опираясь на судебную практику. Альфред создал постоянный судебный аппарат, издавал письменные решения и собирал делопроизводственные материалы. Это позволило уточнить существующие законы и разработать новые нормы, основанные на анализе реальных судебных дел.

В X в. важными документами стали кодекс Эдварда Старшего (IX в.) и кодекс Эдгара (970-е гг.), содержащие ссылки на предыдущие судебные решения и законы, регулирующие уголовное право, земельные отношения, общественный порядок. Законы Этельстана, Эдмунда I и Этельреда Неготового развивали нормы брачного, семейного, наследственного права, опираясь на судебные прецеденты и обычаи. Таким образом, к X веку появляется консолидация законов: реформаторы продолжали дело предшественников, объединяя кодифицированные нормы с результатами судебного рассмотрения споров.

Законы до норманнского завоевания формировали «право племен» на основе практики конкретных общин: судебные решения на местах дали материал для первых писаных сводов. С учетом скудости источников нельзя утверждать прямое влияние практики на законотворчество, но ясно, что нормы возникали из потребности восполнения пробелов, выявляемых при разрешении споров.

По мнению английского профессора Мейтленда, англосаксонское право до норманнского завоевания являлось самостоятельным, причем Римское право на его формирование оказало только опосредованное влияние через церковь, которое, в свою очередь, было преобразовано в каноническое право[81].

[81] Encyc. Brit. (1902) English Law, Vol. XXVIII, C. 247.

Нормандское завоевание (1066 г.) привносит романо-нормандские традиции: Вильгельм Завоеватель (1067 г.) издает акты, регулирующие соотношение церковных и светских норм, однако прямого влияния судебной практики на его законы не прослеживается. Тем не менее ритуалы и процедуры, позаимствованные из Нормандии, формируют новые суды и укрепляют власть короля.

Законы Генриха II (1154-1189 гг.) - «Кларендонская ассиза» (1166 г.) вводит суд присяжных, реформирует систему окружных судов и дифференцирует земледельческие споры (народные суды) и тяжкие уголовные преступления (Суд королевской скамьи). При этом Генрих не создавал новых норм, а консолидировал разрозненные прецеденты и давал им новое обоснование: его судебные реформы становятся основой «общего права».

Период Эдуарда I (1275-1290 гг.) ознаменован принятием серии статутов (Вестминстерские статуты 1275 г. и 1285 г., статут Глостера 1278 г.), которые фиксируют ключевые институты: обязательный суд присяжных в уголовных делах, регулирование земельного права, апелляционных процедур, управление имуществом умерших. Судебные сборники, созданные в этот период, служат опорой для юристов и судей, закрепляя прецеденты и формализуя подходы к решению аналогичных дел. Именно при Эдуарде I складывается профессиональное сообщество юристов, чьи речи и заметки фиксируются для последующего использования в судах, что усиливает роль прецедента в «праве общих тяжб».

Как отмечает М.В. Земляков, сложности в изучении англосаксонского права вызваны как тяжестью в определении термина древнеанглийского языка, так и утратой исходных текстов англосаксонского права (например, законов короля Мерсии Оффы (757-794))[82].

[82] Земляков М.В. Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII века / М. В. Земляков. – С. 263.

В XIII-XIV вв. система «общего права» расцветает благодаря королевским судам (Суд казначейства, Суд общих тяжб, Суд королевской скамьи), которые формировали прецеденты и способствовали развитию правовой доктрины. Становление «права справедливости» (chancery equity) отражает стремление судей использовать принципы справедливости там, где формальное общее право не давало ответа. Суды «честности» (канцлера) решали споры «по совести», но к XV в. equity тоже становится прецедентным: различия между системами уменьшаются, и к 1875 г. объединенная судебная система приводит оба направления к единому «прецедентному праву» Англии.

В последующие века наблюдается постепенное смещение баланса: законодательство все активнее регулирует новые общественные отношения, и роль судов в создании новых норм снижается, уступая место усилению законов. Тем не менее прецедент остается важным источником: Парламент учитывает судебные решения, а суды, толкуя общие формулировки, уточняют содержание законов.

Как указывает В.И. Лафитский, в системе общего права исторически правовая сила признавалась лишь за теми социальными нормами, которые отвечают потребностям общества и, что немаловажно, не противоречат интересам правящих сил[83].

В современной Великобритании действует вертикальный прецедент (stare decisis): нижестоящие суды обязаны следовать решениям вышестоящих инстанций, с исключением Палаты лордов (с 1966 г. имеющей право отклонять собственный прецедент). Несмотря на унитарный характер государства, Англия, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия имеют различия в правовых системах: шотландская система объединяет черты общего и континентального права, а североирландская сохраняет акты до 1921 г. Уникальной чертой британского права является отсутствие единого писаного «суперконституционного» акта:

[83] Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Том первый. – М.: Статут, 2010. – С. 373.

конституцию составляют ряд законов (Великая хартия вольностей 1215 г., Хабеас корпус акт 1679 г., Билль о правах 1689 г., Акт о престолонаследии 1701 г.), судейские прецеденты и обычай.

В 2005 г. учрежден Верховный суд Великобритании, который заменил Апелляционный комитет Палаты лордов[84]. Это усилило разделение властей: судьи перестали быть одновременно законодателями и судьями. Верховный суд не может отменять акты Парламента, но вправе признать недействительными подзаконные акты и выносить заявления о несовместимости законов с «Конвенцией о защите прав человека», после чего законодатели обязаны внести правки.

Хотя британские суды не создают законы напрямую, они выполняют законотворческую функцию через:

1. буквальное толкование (literal rule): слова закона принимаются буквально, если это не ведет к противоречиям;

2. «золотое правило» (golden rule): если буквальное толкование ведет к результату, противоречащему целям закона, суд выбирает альтернативный смысл;

3. «правило исправления зла» (mischief rule): суд устраняет ошибки законодателя и наполняет закон смыслом, соответствующим его цели[85].

Вопреки общепринятому мнению о «прецедентности» одного судебного решения, в сфере судейского права исходным положением выступало правило, восходящее к Дигестам Юстиниана: правовая позиция суда могла считаться существующей лишь при условии ее подтверждения несколькими вынесенными решениями. Это означало, что единичное решение не образует нормы - необходима их совокупность. На данной основе постепенно возникло представление об «устоявшейся судебной практике» (jurisprudence constante, settled jurisprudence). Правопорядки стран общего права восприняли эту идею,

---

[84] Официальный сайт Верховного суда Великобритании. URL: https://www.supremecourt.uk/about/history.html (дата обращения: 25 мая 2024 г.).

[85] Элмер Дриджер, Структура статутов. Торонто: Butterworths, 1983, - С. 1. // Elmer Driedger, *Construction of Statutes*. Toronto: Butterworths, 1983, - P. 1.

хотя и с определенными особенностями: установление прецедента, как правило, связывается не с единственным решением, а с серией сходных судебных актов. Путем сопоставления и анализа таких решений формируется единая правовая норма, которая затем приобретает обязательный характер для судов[86].

Примеры влияния судебной практики: - Regina v. Offen[87]: при толковании статьи 2 Акта о преступлениях 1997 г. суд учел, что отсутствие постоянной опасности для общества может послужить основанием для отказа в пожизненном заключении; отмена положения об «иммунитете» мужа от обвинений жены, поскольку брак рассматривался как равноправное партнерство[88]; Палата лордов признала бессрочное содержание подозреваемых - иностранцев без суда противоречащим «Конвенции о правах человека», что стимулировало принятие «Закона о предотвращении терроризма» с системой особых контролирующих мер[89].

Таким образом, британские суды через толкование, выявление недостатков закона и предложения по их устранению играют роль «парламентских советников», помогая Парламенту создавать более точные и справедливые нормы.

В США прецедентное право тоже занимает ключевое место. Федеративное устройство разделяет источники на федеральные и штатовские прецеденты. Высшие суды штатов вырабатывают практику, которую обязаны учитывать низшие инстанции («стандарты stare decisis»), но не всегда строго: судьи могут отказаться от устаревших прецедентов, создавая новые нормы. Важнейшей чертой американской системы является принцип «ratio decidendi» [90] -

---

[86] Богдановская И. Ю. Прецедентное право: ранние государства и права. М.: Наука, 1993. С. 56.

[87] Решение Апелляционного суда Англии и Уэльса по делу Regina v Offen от 09 ноября 2000 г. URL: https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff71060d03e7f57ea7047 (дата обращения: 24 мая 2024 г.).

[88] Решение Палаты Лордов по делу Regina v. R от 23 октября 1991 г. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1991/12.html (дата обращения: 28 мая 2024 г.).

[89] Решение Палаты Лордов по делу A and Others v UK - Belmarsh Case 2004 г. URL:https://www.lawteacher.net/cases/a-and-others-v-uk.php (дата обращения: 28 мая 2024 г.).

[90] Прожерин И. А. Особенности прецедентного права США как правовой системы семьи общего права // E-Scio. 2020. №10 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pretsedentnogo-prava-ssha-kak-pravovoy-sistemy-semi-obschego-prava (дата обращения: 28.05.2024).

аргументация решения, которая становится обязательной для аналогичных дел. Горизонтального следования прецедентам нет: только «вертикальное» обязательство перед высшими инстанциями.

Такую особенность американского судебного прецедента, как ослабление соблюдения принципа следования, выделяет, например, М.Н. Марченко. При этом подчеркивается, что имеется в виду принцип вертикального следования. Горизонтальное действие судебного прецедента в США никогда не реализовывалось [91] . Так, у Верховного Суда США с самого начала его функционирования не было обязанности следовать собственным решениям. Для сравнения, в Великобритании Палата лордов (которую в качестве высшей судебной инстанции сегодня заменил Верховный Суд) была освобождена от такого следования лишь в 1966 году. Остальные суды Великобритании до сих пор обязаны следовать своим решениям, вынесенным ранее[92].

Примеры из судебной практики.

- McCulloch v. Maryland (1819) утвердил доктрину «подразумеваемых полномочий» Конгресса, расширив его законодательный мандат[93];

- Reynolds v. United States (1879) ограничил свободу вероисповедания, запрещая жертвоприношение[94];

- Gideon v. Wainwright (1963) и Miranda v. Arizona (1966) закрепили право на адвоката и информирование задержанных о «праве молчать»;

---

[91] Попова М.Д., Шехматова Е.С. Судебный прецедент как источник права в правовой системе США // Образование и право. 2021. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-pretsedent-kak-istochnik-prava-v-pravovoy-sisteme-ssha (дата обращения: 28.05.2024).

[92] Петров А.А. К вопросу о суперпрецедентах Верховного суда Соединенных Штатов Америки // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. №472. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-superpretsedentah-verhovnogo-suda-soedinennyh-shtatov-ameriki (дата обращения: 28.05.2024).

[93] Решение Верховного суда США по делу McCulloch v. Maryland 1819 г. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/mcculloch-v-maryland (дата обращения: 29 мая 2024 г.).

[94] Решение Верховного суда США по делу Reynolds v. United States 1879 г. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/98/145/ (дата обращения: 29 мая 2024 г.).

- Loving v. Virginia (1967) отменил запрет межрасовых браков;
- Roper v. Simmons (2005) запретил смертную казнь несовершеннолетних[95].

Верховный суд США, созданный в 1789 г., хотя и не имеет прямого конституционного контроля, заявил о нем в деле Marbury v. Madison (1803). С тех пор он регулярно оценивает конституционность законов и дает им значение для будущей правовой политики. Решения SCOTUS могут долгие годы влиять на общественные институты (пример - Dred Scott v. Sandford (1857), приведший к Гражданской войне; Watergate (1974), приведший к отставке Никсона).

В США судебная власть активно участвует в формировании права, особенно когда законодательство не успевает регулировать новые общественные реалии: суды «заполняют» пробелы, толкуют двусмысленные нормы и порой «игнорируют букву закона», чтобы достичь цели, ради которой он создан. Так, Б. Н. Кардозо писал: «Судья законодательствует на свой страх и риск, наполняя доктрины новым содержанием в соответствии с нравами общества»[96].

В Канаде формирование правовой системы шло под влиянием Франции, США и Великобритании, а также обычного права коренных народов. По-прежнему действует дуализм: во франкоязычном Квебеке - гражданское право, в большинстве провинций - общее право. Конституция 1867 г. предусматривала создание Верховного суда Канады, учрежденного лишь в 1875 г. Верховный Суд Канады сегодня - последняя апелляционная инстанция и «арбитр» соответствия законов Канадской харте прав и свобод (1982). Верховный Суд Канады рассматривает около 50 дел в год, причем многие его решения прямо влияют на будущее законодательство.

К особенностям Верховного Суда Канады относятся:

---

[95] Решение Верховного суда США по делу Gideon v. Wainwright от 18 марта 1963 г. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/372/335/ (дата обращения: 29 мая 2024 г.).

[96] Cardozo B. N. The Nature of the Judicial Process. New Haven : Yale University Press, 1921. P. 135.

- полномочие давать заключения («reference questions») - кабинет министров может направлять в Верховный Суд Канады вопросы о конституционности законопроектов или действующих актов до их использования[97];

- Хартия 1982 г. наделила суды правом отменять законы, противоречащие гарантированным правам, и «исправлять» тексты статутов удалением или добавлением фраз, устраняющих конституционные дефекты[98];

- в деле Ordon Estate v. Grail (1998) Верховный Суд Канады при рассмотрении четырех исков о халатности преобразовал федеральное морское право, приведя его в соответствие с провинциальными положениями, показывая активный судебный «активизм» для защиты интересов граждан[99].

Таким образом, в Канаде Верховный Суд стал главным гарантом прав и свобод: его решения формируют судебную практику, служат ориентиром для законодателя и способны стимулировать принятие новых актов (например, после «вопроса о выходе Квебека» в 2003 г. был принят «Закон о ясности»).

Нельзя не отметить вывод И.В. Лафитского о том, что в системе общего права традиции и обычаи, нормы религии, морали и этики непосредственно вплетены судебной практикой через прецеденты, закрепляющие собственно нормы общего права, в единую структуру правового регулирования. Суды черпают или «обнаруживают» их в социальной действительности. Естественно, осуществляется отбор[100].

Общие выводы по странам англо-саксонского права.

---

[97] Официальный сайт библиотеки Парламента Канады. URL: https://lop.parl.ca/sites/PublicWebsite/default/en_CA/ResearchPublications/201544E (дата обращения: 26 мая 2024 г.).

[98] Питер В. Хогг. Правотворческая роль Верховного суда Канады: Обобщение докладов. Канадский адвокатский обзор. Том 80, Номер 1/2 (2001), - С. 172. URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1674&context=scholarly_works (дата обращения: 30 мая 2024 г.)

[99] Питер В. Хогг. Правотворческая роль Верховного суда Канады: Обобщение докладов. Канадский адвокатский обзор. Том 80, Номер 1/2 (2001), - С. 175. URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1674&context=scholarly_works (дата обращения: 30 мая 2024 г.)

[100] Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Том первый. – М.: Статут, 2010. – С. 373.

Во всех трех странах (Великобритания, США, Канада) судебная практика выполняет функции:

1. интерпретация норм (толкование двусмысленных норм);

2. выявление недостатков и противоречий нормативных актов (выявление пробелов, противоречий и устаревших положений);

3. конкретизация нормативных актов (уточнение абстрактных критериев применительно к фактам);

4. систематизация нормативных актов (идеи для консолидации и реформирования актов);

5. нормативно-аналитическая (рекомендации законодателю через мотивировочные части и обзоры практики);

6. интеграция с международными нормами (особенно в Канаде и через «Конвенцию о правах человека» в Великобритании).

Каждая страна демонстрирует особенности взаимодействия судебной практики с законодательным процессом:

- В Великобритании суды не могут отменять акты Парламента, но их толкования и прецеденты влияют на будущие законы;

- В США Верховный суд имеет право оценивать конституционность законов и создавать «новые правила» через прецеденты, хотя Конгресс при желании может преодолеть неконституционную статью (¾ голосов штатов);

- В Канаде Верховный суд обязан оценивать соответствие всех актов Хартии и дает официальные рекомендации до принятия законов.

Таким образом, судебная практика в англосаксонской правовой семье выполняет не просто правоприменительную функцию, но и играет роль «лаборатории» правовых идей, «диагноста» проблем и «консультанта» законодателей. Она обеспечивает адаптивность, прогнозируемость и справедливость правовых норм.

В свою очередь, романо-германская правовая семья, уходящая корнями в кодифицированные своды римского права и последующую рецепцию Юстиниана

на территории Западной Европы, изначально основывалась на четкой иерархии норм, строгом разделении публичного и частного права, а также на доминирующей роли письменных кодификаций.

С течением времени к этим классическим элементам добавилось влияние германской обыденной правовой традиции и университетской науки: лекции и комментарии профессоров формировали представление о единой системе норм, воспринимаемых как обязательный регулятор общественных отношений.

Романо-германская система права является одной из наиболее распространенных систем права в мире. Она развилась на базе римского права и имеет свои особенности в германской юридической традиции. Возникновение романо-германской системы права связано с правовыми историческими процессами, происходившими в Европе в Средние века. Основная роль в формировании этой системы принадлежит римскому праву, которое стало основой для разработки и создания многочисленных правовых норм и институтов.

Однако помимо римского права, в формировании романо-германской системы права существенную роль сыграло германское право, а также обычное право и прецедентное право. Германская юридическая традиция внесла свои особенности в систему права, такие как акцент на защите прав личности и имущества, принцип дополнительности закона и общего права.

В отличие от англо-саксонской системы права романо-германская система не приемлет разделения на прецедентное и общее права, а также не признает прецедент источником права, правда этому есть логичное объяснение, которое мы получаем из ретроспективного анализа формирования данной правовой системы.

Нередко исследователи отмечают, что романо-германсквя правовая система возникла на основе римского права, которое изучалось в германских, итальянских и французских университетах на базе законов Юстиниана[101].

[101] Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. – М., 2006. С. 73.

Традиционно в составе романо-германской правовой семьи выделяют две группы: романскую (правовые системы Франции, Италии, Испании и др.) и германскую (правовые системы Германии, Австрии и др.)[102].

Развитие романо-германской системы права происходило параллельно с формированием национальных юридических систем в странах Европы. Например, во Франции развилась французская система права, в Германии - немецкая, в Италии - итальянская и т.д. В каждой из этих стран были свои особенности и спецификации в законодательстве и судебной практике, однако все они базировались на общих принципах и нормах романо-германской системы права. Само становление данной правовой системы связано не только с правовой экспансией европейского права, но, как отмечает М.Н. Марченко, за счет добровольной рецепции, усвоения и перенесения некоторых правовых институтов, правового опыта в правовые системы других стран[103].

Сущность романо-германской системы права заключается в том, что:

- основным источником права является нормативно-правовой акт (закон);

- нормативно-правовые акты имеют четкую иерархию;

- право разделено на публичное и частное;

- право кодифицировано;

- главенствующую юридическую силу имеет основной закон (конституция);

- судебный прецедент не является источником права, а судебная практика служит вспомогательным источником[104]

Основными этапами формирования романо-германской системы права принято считать:

- эпоха до XIII века, характеризующая укрепления рецепции римского права;

---

[102] Давид Р. Указ. соч. С. 51–60.
[103] Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. М.: Зерцало-М, 2009. С. 29.
[104] Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019 – С. 271.

- ранние года с XIII до XVIII века, которая также именуется «университетской» (поскольку рецепцией римского частного права в странах Средневековой Европы, которая на первом этапе представляла собой «теоретическую рецепцию», т. е. изучение в самых первых европейских университетах (Болонья, Севилья, Падуя, Тулуза, Оксфорд и др.) римских юридических понятий и правовых конструкций[105]).

- позднее время с XVIII до XX века.

Необходимо подчеркнуть, что «толчком» для развития судебного правотворчества и прямого влияния судебной практики на совершенствование законодательства стран континентальной системы права является середина XX века, что особенно внимательно будет изучено в рамках настоящего исследования.

Конечно, нельзя не отметить, что на формирование романо-германской системы права значительное влияние оказала юридическая доктрина, а также общие принципы, закрепленные в наиболее памятных и авторитетных сводах законов римского права. Хоть и судебная практика не рассматривается в качестве источника права (так же, как и судебный прецедент), в контексте настоящего исследования нельзя не отметить ее роль в изменении и совершенствовании законодательства. Как отмечает Ф. Газье, судебная практика способна более гибко и последовательно приспосабливаться к изменениям в жизни общества, чем закон или регламент, которые на время своего действия, вплоть до его отмены или замены, остаются такими же, как в момент издания[106].

В контексте настоящего исследования мы рассматриваем становление, развитие и укрепление данной правовой системы в таких странах континентальной Европы, как Франция, Германия и Италия через призму влияния судебной практики на совершенствование законодательства, а также отражение

---

[105] Теория государства и права : учебник / отв. ред. Р. В. Шагиева. - Москва : Проспект, 2019. – С. 495.

[106] Газье Ф. Роль судебной практики в развитии административного права Франции // СССР-Франция: Социологические и международные аспекты сравнительного правоведения. – М., 1987. С. 60.

опыта рассмотрения и разрешения конкретных дел, который являлся отправной точкой для внесения изменений в действующее законодательство.

Французское право имеет долгую историю развития, начинаясь с юридических систем, унаследованных от Римской империи. В течение веков оно претерпевало изменения и эволюцию, результатом чего стало формирование современного французского правового порядка.

Необходимо отметить, что право Франции характеризуется определенным видом норм, которые были характерны для того или иного периода.

Михайлова Н.В. выделяет следующую классификацию[107]:

1. Кутюмное право;
2. Ордоносы.
3. Ассизы;
4. Эдикты.

Кутюмное право Франции представляет собой систему обычных законов и обычаев, развивавшуюся в средние века на основе местных традиций и норм поведения. Эта форма права отражает социокультурные особенности различных регионов и играла ключевую роль в формировании французской правовой системы. Это право строится на неписьменных обычаях, регулирующих различные аспекты общественной жизни, такие как семейные отношения, наследование и земельные отношения.

При отсутствии общего свода законов Франции важнейшее значение имели писаные сборники законов XIII века, такие как Великие кутюмы Нормандии 1255 г., кутюмы Орлеана, Оверни и Анжу 1273 г., известные как Учреждения святого Людовика.

В дальнейшем Французское законодательство знает создание первого общего свода законов, принятого при правлении Карла VI в 1389 г., который назывался «Большой сборник обычаем Франции». В свою очередь, XV век

[107] История государства и права зарубежных стран: учебник / под ред. Н.В. Михайловой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – С. 244.

характеризуется унификацией кутюмного права (хоть и в некоторых частях все же преобладали местные обычаи и традиции). Такое положение продлилось вплоть до принятия Гражданского кодекса Франции (кодекса Наполеона) в 1804 г.[108]

Ввиду того, что кутюмное право целиком и полностью опиралось на традиции и обычаи, трудно утверждать о влиянии судебной практики на формирование данного права. Тем не менее, кутюмное право вносит важный вклад во французскую правовую систему, обогащая ее местными особенностями и поддерживая разнообразие правовых норм в различных регионах страны.

Нельзя не отметить, что значительное влияние на формирование кутюмного права оказало римское право.

Как отмечает Сафронова Е.В., с начала XIII века на юге Франции происходила активная рецепция римского права в кодификации Юстиниана, а в XIV-XV веках масштаб затронул всю страну[109].

XIV век характеризуется усилением центральной власти, учреждением новых должностей (генеральных штатов, губернаторов). Проводится активная судебная реформа, направленная на ограничение сеньориальной юрисдикции, унификацию судебного дела, а также ограничение церковного права. Судебная система все еще была децентрализована (мелкие дела решались «прево», а наиболее серьезные дела рассматривались в суде бальи).

В это же время появляется право регистрации королевских ордонансов и других королевских документов, имевших нормативный характер. А с 1350 годп регистрация таких ордонансов в Парижском парламенте становится обязательным. Для судов становится обязательным использование королевских документов и ордонансов, исключительно зарегистрированных в парламенте. Следует подчеркнуть, что в этот период парламент приобретает права на

---

[108] История государства и права зарубежных стран: учебник / под ред. Н.В. Михайловой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – С. 275.

[109] История государства и права зарубежных стран: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.В. Сафроновой и д-ра юрид. наук, проф. С.А. Чибиряева. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2023. С. 178.

«ремонстрацию», которая представляла собой возражение на какой-либо документ, противоречащий королевским законам. Право на ремонстрацию реализовывалось парламентом исключительно в присутствии короля, что поднимало его авторитет среди иных органов государственной власти[110].

Ордоносы издавались королем на основе его суверенных полномочий и представляли собой правовой акт, который имел силу закона. Они официально опубликовывались для общего обозрения, и все граждане обязаны были их соблюдать. Нарушение ордоносов могло влечь за собой юридические последствия, включая наказание. Стоит отметить, что ордоносы вплоть до XV века утверждались парламентом для придания им законной силы.

В истории Франции находят свое отражение такие кодификации ордонансов, как Гражданский ордонанс (1667 г.), Торговый ордонанс (1673 г.), Морской ордонанс (1681 г.), которые преимущественно регулировали публично-правовые отношения[111].

Также, как и кутюмное право исследования в области Французского права с XIII до XV не содержит каких-либо исчерпывающих доказательств, свидетельствующих о влиянии судебной практики на издание конкретных указов короля (ордоносов). Те или иные указы издавались в зависимости от политической, экономической, военной ситуации, а также опирались на традиции и обычаи, существовавшие во Франции того периода.

В свою очередь, ассизы также являются важным историческим памятником права средневековой Франции.

По мнению вышеупомянутого ученого Михайловой Н.В., название «ассизы» в средние века распространялось на законодательные акты, суды и

---

[110] История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА – М, 2019. Том 1 : Древний мир и Средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков. – С. 345.
[111] Там же. С. 179.

судебные иски[112]. Помимо названного, Михайлова Н.В. отмечает, что королевские ассизы регулировали в основном отдельные вопросы судопроизводства в рамках королевского домена, например, Нормандская ассиза включала в себя постановления о судебном процессе королевских бальи[113].

Немаловажное значение имели также королевские эдикты, которые, как правило, отражали политическую волю французских королей и играли важную роль в формировании законодательной базы средневековой Франции. Они влияли на развитие экономических, социальных и политических отношений в стране. В качестве примера можно отметить Эдикт Нанта (1598 год), предоставивший протестантам (гугенотам) религиозную свободу и политические права. Эдикт из Фонтенбло (1685 год), который отменил эдикт Нанта и восстановил католицизм как государственную религию. Эдикт из Сен-Жермена (1673 год) - обязал дворянство и приходских священников собирать налоги и диверсифицировал систему налогообложения.

Необходимо отметить, что полную степень влияния судебной практики на вышеназванные законодательные акты в средневековой Франции до XVIII века трудно определить ввиду отсутствия непосредственных и точных исторических источников, раскрывающих аспекты, связанные с изданием королевских указов, которые в настоящее время остаются предметом исследования и дискуссий среди историков и юристов.

В свою очередь, Ф.В. Тарановский относительно становления германского законодательства отмечал, что судебная практика судов в Германии накопила значительный, но разрозненный массив публично-правового материала, который, несмотря на наличие в нем общих принципов и идей, еще не был сведен к внутренне согласованной и целостной системе, соответствующей стандартам классической юриспруденции. Основой для возникновения немецкого государствоведения стало накопление камеральными судами практики по

---

[112] История государства и права зарубежных стран: учебник / под ред. Н.В. Михайловой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – С. 275.
[113] Там же. С. 276.

административно-правовым вопросам, таким как распределение судебной компетенции, вопросы территориального верховенства и прочие проявления государственной власти. Именно на этой базе уже в начале XVII века появляются первые попытки систематизировать нормы германского государственного права, что нашло отражение в трудах немецких правоведов того времени[114].

Особенно подробно также стоит остановиться на претурах. Преторы заботились о сохранении гражданского мира и порядка, исполнении государственных законов. Основной их функцией было осуществление правосудия. Однако и законотворческая деятельность претора имела большое историческое значение в развитии римского права.

Границы Рима расширялись, он приобретал все большее влияние во внешней политике. Вражда между плебеями, новым дворянством, патрициями, старым дворянством, никогда не прекращалась, постоянно увеличивались военные столкновения с другими государствами. Такая напряженная обстановка привела к тому, что положения, содержащиеся в Законах XII таблиц, стали недостаточным регулированием [115] . Однако граждане имели возможность обратиться к претору для разрешения проблемного вопроса, в случае, когда пробелы в законе не позволяли добиться удовлетворения путем гражданского иска. Преторы выносили решения по конкретным вопросам, которые фиксировались в эдиктах и были общедоступны. Таким образом, в эдиктах был накоплен огромный массив регулирования гражданско-правовых отношений[116]. Каждый новый претор, составляя свой эдикт, включал в него большинство положений из эдикта своего предшественника, благодаря чему со временем образовалась определенная совокупность преторских норм, переходящих из

---

[114] Тарановский Ф. В. Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии. Историко- методологическое исследование. Варшава, 1904. С. 107.

[115] Штаммлер Р. Законодательство и судебное решение // Мичиганский юридический обзор, том. 23, №. 4, 1925, – С. 365. JSTOR, URL: https://doi.org/10.2307/1278554. (дата обращения: 23.03.2024 г.). // // Stammler, Rudolf. “Legislation and Judicial Decision.” Michigan Law Review, vol. 23, no. 4, 1925, pp. 365. JSTOR, URL: https://doi.org/10.2307/1278554. (дата обращения: 23.03.2024 г.).

[116] Косарев А.И. Римское частное право. – М., 1998. – С. 53.

эдикта в эдикт, составляя тем самым основу постоянного права. Эти эдикты сменявших друг друга преторов внесли большой вклад в развитие и совершенствование римского права, оформив его новую систему - преторское право[117].

Преторское право оказало колоссальное влияние на все гражданское право (включая и процессуальное, и материальное). В своих эдиктах преторы оформили ранее не урегулированные виды правоотношений. Основными чертами преторского права были простота, доступность и «приземленность» к конкретному практическому случаю[118]. Нужно отметить, что претор не имел полномочий отменить, внести изменения в закон или лишить права, предоставляемого законом, однако при вынесении решения он мог предписать частным лицам действовать отлично от того, как этого требовал закон[119]. Иначе говоря, закон отстранялся, становился бездейственным. Претор своей практической деятельностью наилучшим образом разрешал возникавшие юридические проблемы, являясь выразителем растущего народного правосознания[120].

Таким образом, уже со времен Древнего Рима представляется возможным говорить о влиянии судебной практики, а именно практики претора, на законодательную деятельность. При этом важно отметить, что правовые положения, создаваемые претором, являлись крайне эффективными и действующими, так как разрабатывались без отрыва от практики, каждый раз основываясь на конкретном деле.

---

[117] Маркин А.Н. Претура как сакральный и правовой институт в древнем Риме // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pretura-kak-sakralnyy-i-pravovoy-institut-v-drevnem-rime-1 (дата обращения: 23.03.2024 г.).

[118] Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. – М., 1989. – С. 175.

[119] Маркин А.Н. Претура как сакральный и правовой институт в древнем Риме // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pretura-kak-sakralnyy-i-pravovoy-institut-v-drevnem-rime-1 (дата обращения: 23.03.2024 г.).

[120] Покровский И.А. История римского права. – Минск, 2002. – С. 116-118.

Однако в настоящей работе внимание будет сосредоточено на более приближенном к настоящему времени периоду, а именно на периоде со второй половины XX века до наших дней. Своеобразной точкой отсчета выбраны 1950-е годы, так как именно в это время, после окончания Второй мировой войны, появилась необходимость в создании новой судебной системы, которая была бы сконцентрирована не на формальных процедурах, а на защите прав граждан[121]. Стали активно учреждаться конституционные суды и, как следствие, развиваться конституционное правосудие. Большинство конституционных судов воспринимались как «хранители» новых демократических конституций. Основной задачей такого института стало восстановление правопорядка, нарушенного войной.

Стоит оговориться, что первые Конституционные Суды появились в Европе около 100 лет назад. В 1920 г. в Австрии и Чехословакии были созданы Конституционные Суды, однако к 1930-м годам они фактически прекратили свое действие[122]. В целом довоенный период сложно назвать успешным с точки зрения развития конституционного правосудия, в то же время нельзя не отметить, что в доктрине в этот период было сделано несколько фундаментальных шагов для укрепления позиции Конституционного Суда. Именно тогда Г. Кельзен, видный австрийско-немецкий юрист, сформулировал основные постулаты модели

---

[121] Ночвина Б.А. Трансформация конституционного права Германии и Японии после Второй мировой войны // Преподаватель XXI век. 2017. №2-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-konstitutsionnogo-prava-germanii-i-yaponii-posle-vtoroy-mirovoy-voyny (дата обращения: 06.04.2024 г.).

[122] Флорчак-Ватор М. Европейские конституционные суды в роли законодателей: краткий обзор. Судебное правотворчество европейских конституционных судов. – С. 245. URL: https://library.oapen.org/bitstream/id/20f574f5-179b-42e0-8294-fd44e1941b13/9781000062199.pdf (дата обращения: 09.01.2024 г.). // Monika Florczak-Wator. European constitutional courts as law-makers: research synthesis. Judicial Law-Making in European Constitutional Courts. – P. 245 URL: https://library.oapen.org/bitstream/id/20f574f5-179b-42e0-8294-fd44e1941b13/9781000062199.pdf (дата обращения: 09.04.2024 г.).

конституционных судов, которые в поствоенный период были использованы при создании большинства европейских Конституционных Судов[123].

В настоящее время основное положение кельзеновской модели - а именно, что Конституционный Суд является лишь "негативным законотворцем" - представляется крайне спорным. Сложно не согласиться с тем, что судебная система стала активно участвовать в нормотворчестве. Сегодня Конституционный Суд не ограничиваются проверкой конституционности законов и возможной отменой тех из них, которые признаны неконституционными, но и исправляют, дополняют и развивают формулировки законов в результате творческого толкования и соответствующего формулирования резолютивной своих решений. Кроме того, они указывают парламентариям на необходимость изменения закона, тем самым инициируя дальнейшие процессы его исправления, дополнения и развития.

Франция

Во Франции кодификация права была завершена уже в начале XIX века: Гражданский кодекс Наполеона 1804 г. стал образцом устройства правовой системы, где тексты законов получили высший приоритет. До революции XVIII в. основными источниками служили королевские ордонансы и эдикты, но связь их с реальной судебной практикой оставалась слабо выраженной, поскольку судебные решения обычно не публиковались в виде обязательных прецедентов. В середине XX в. законодательная власть получила новый контрольный орган - Конституционный совет (Conseil Constitutionnel), учрежденный в 1958 г. с принятием Пятой республики. Первоначально Конституционный совет выполнял лишь функцию «негативного законодательства» по Кельзену, то есть оценивал

[123] Брюэр-Кариас А. Конституционные суды как позитивные законодатели. Сравнительное правоведение. – Издательство Кембриджского университета, 2011. – С. 889. // Allan R. Brewer-Carías, Constitutional Courts as Positive Legislators. A Comparative Law Studyю - Cambridge University Press, 2011. – P. 889.

соответствие законопроектов Конституции до их официальной промульгации, не внося при этом предложений по исправлению текста[124].

Однако с течением времени его практика претерпела значительные изменения. Во-первых, начиная с 2008 г., был введен институт последующего контроля (contrôle a posteriori), когда Совет получает возможность проверить уже принятые законы. В этом случае вместо полного аннулирования неконституционных положений Конституционный совет все чаще прибегает к частичному цензурированию: он пересматривает лишь те фрагменты закона, которые противоречат Конституции, и предлагает парламенту внести правки. Если же изменения не вносятся в установленный срок, Совет может сам внести необходимые приведенческие оговорки (clause interprétative), чтобы сохранить общую конструкцию акта, устранив при этом его противоречия. Таким образом, Конституционный совет постепенно стал выступать не просто «фильтром» для неконституционных норм, а своего рода «законодателем»: он формулирует точные критерии, по которым должны применяться спорные положения, и помогает законодателю выстроить текст заново, сохраняя при этом замысел первоначального закона.

Во-вторых, практика Совета активно развивает «диалог» с парламентом: после удаления отклоненных статей он может направить законодательным комитетам подробные рекомендации по корректировке, обозначая, какие принципы и гарантии требуются для приведения нормативного акта в соответствие с Конституцией. Так, например, в решении от 29 декабря 1983 г.[125] Конституционный Суд вынес решение против положений закона о порядке проведения обыска по налоговым причинам, посчитав, что закон наделяет налоговые органы чрезмерными полномочиями, что подрывает личную

---

[124] Г. Кельзен Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция. Часть 2. Окончание) // Право и политика. 2006. № 9. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=50024 (дата обращения: 30 марта 2024 г.).

[125] Решение Конституционного Совета Франции 83–164 DC от 29 декабря 1983 г. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1983/83164DC.htm (дата обращения 02 апреля 2024 г.).

безопасность, неприкосновенность жилища и уважение к частной жизни. Но в то же время Конституционный Суд указывает парламентариям, в каком направлении следует корректировать текст закона. В частности, судья должен иметь возможность проверять обоснованность расследований налоговой администрации, присутствовать при обысках. Через год в Конституционный Суд вновь поступил закон об организации налоговых обысков. Конституционный Суд отметил, что законодатель переписал закон в соответствии с «четкими требованиями» предыдущего решения[126] и постановил, что новая редакция закона соответствует Конституции[127].

Такой контроль допускается статьей 61 Конституции, которая не запрещает повторно передавать вопрос на рассмотрение Совета до промульгации закона[128]. Только президентский указ о промульгации закона завершает законодательную процедуру и исключает возможность какого-либо предварительного контроля его соответствия Конституции.

Конституционный Суд также иногда предлагает законодателю не исправлять законодательные положения, а дополнить их, приняв новую норму в установленный срок. То есть Совет в целом признает закон соответствующим Конституции, но предписывает законодателю дополнить его. Например, Конституционный Суд постановил, что положения проекта Закона о правосудии, касающиеся местных судов, соответствуют Конституции. Однако в своем Решении от 29 августа 2002 года Совет также указал, что «на дату принятия Конституционным Судом решения по переданному ему закону законодатель не разработал положений, касающихся статуса членов местных судов; следовательно, местные суды могут быть созданы только после принятия закона, устанавливающего условия назначения и статус их членов. Конституционный Суд

---

[126] Решение Конституционного Совета Франции 84–184 DC от 29 декабря 1984 г. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1984/84184DC.htm (дата обращения 05 апреля 2024 г.).

[127] Дрише К. Закон об иммиграции и убежище: новая упущенная возможность? Юридические новости Административное право, 2018, 39. – С. 2233.

[128] Решение Конституционного Совета Франции 83–164 DC от 29 декабря 1983 г. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1983/83164DC.htm (дата обращения 02 апреля 2024 г.).

предложил законодателю принять такой закон, что и было сделано спустя полгода»[129].

В конституционном праве есть несколько примеров этой формы диалога, заключающейся в формулировании нормативных указаний на будущие положения, которые законодатель хотел бы принять по тем или иным вопросам. Ряд авторов видит в этом проявление «тесного диалога между Советом и Парламентом»[130].

Важно отметить осторожность действий Совета. Конституционный Суд может постановить, что весь текст закона не соответствует Конституции или что закон содержит неконституционные положения, которые неотделимы от остальной части закона. В обоих случаях, в соответствии со статьей 22 Органического Ордонанса, полный текст закона не может быть промульгирован. Однако принятие решений о полном несоответствии закона Конституции - редкость[131]. Таких решений всего было принято около десяти[132].

В конечном счете судебная практика во Франции выполняет одновременно несколько задач: она проверяет соблюдение Конституции, предлагает оговорки толкования для сохранения законов в силе, дает парламенту конкретные указания, а через механизм консультаций и диалога фактически участвует в подготовке

---

[129] Институциональный закон № 2003–153 от 26 февраля 2003 г. о местных судьях.

[130] Бергунью Ж. Конституционный Совет и законодатель. Новые проблемы Конституционного Совета. – 2013. URL: conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/le-con seil-constitutionnel-et-le-legislateur (дата обращения: 29 марта 2024 г.). // Georges Bergougnous. Le Conseil constitutionnel et le législateur. Nouveaux cahiers du Conseil constitutionnel – 2013. URL: conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/le-con seil-constitutionnel-et-le-legislateur (дата обращения: 29 марта 2024 г.).

[131] Жан-Мари Гарригу-Лагранж, "Партнеры Конституционного совета или функция вмешательства судей". – 1986 г., RPD. - С. 664. // Jean-Marie Garrigou-Lagrange. Les partenaires du Conseil constitutionnel ou de la fonction interpellatrice des juges. – 1986, RDP. – P. 664.

[132] Мушетт Ж. Конституционный Совет Франции как правотворец: от диалога с законодателем к переписыванию закона. Судебное правотворчество европейских конституционных судов. – С. 16. URL: https://library.oapen.org/bitstream/id/20f574f5-179b-42e0-8294-fd44e1941b13/9781000062199.pdf (дата обращения: 22.03.2024 г.). // Julien Mouchette. The French Constitutional Council as a law-maker: from dialogue with the legislator to the rewriting of the law. Judicial Law-Making in European Constitutional Courts. – P. 16. URL: https://library.oapen.org/bitstream/id/20f574f5-179b-42e0-8294-fd44e1941b13/9781000062199.pdf (дата обращения: 22.03.2024 г.).

окончательного текста закона. В результате роль судебной практики трансформируется из вспомогательной в активную: Франция демонстрирует тенденцию к тому, что суды становятся соавторами нормативных документов, фиксируя в мотивациях решений не только констатацию несоответствий, но и проекции возможных направлений развития законодательства.

Германия

После Второй мировой войны в Германии был принят Основной закон (Grundgesetz) 1949 г., который заложил принципы защиты основных прав человека и верховенства права[133]. Уже в 1951 г. был учрежден Федеральный Конституционный суд (Bundesverfassungsgericht, ФКС), призванный охранять конституционные ценности. В отличие от французской модели, немецкий ФКС получает жалобы не только «до» принятия закона (предварительный контроль), но главным образом «после» (апостериорный контроль), реагируя на обращения граждан, политических партий и государственных органов. Однако даже при таком контроле суд концентрируется не только на простом аннулировании положений, но и на разработке «руководящих принципов» и «переходных норм», четко определяя, каким образом парламент должен внести изменения.

Так, в начале 1990-х годов по делу об абортах ФКС не просто отменил закон в целом, а обозначил четыре критерия оценки: соотношение права на защиту жизни плода и личного права женщины, требование соблюдения медицинской необходимости, определение временных рамок и обязанности государства в обеспечении услуг. Суд постановил, что старый закон противоречит этим принципам, но оставил за парламентом возможность доработать его, указав конкретные шаги по адаптации. Новая редакция закона была принята лишь после учета всех замечаний ФКС. Этот пример демонстрирует «позитивную» роль Конституционного суда: он не столько отменяет акты, сколько формулирует

[133] Столлейс М. История публичного права в Германии. Том 4: Конституционное и административное право на Западе и Востоке 1945-1990 гг. ISBN: 978-3-406-63203-7. – Мюнхен, 2012. – С. 145. // Michael Stolleis. Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland, Bd.

требования к их содержанию и побуждает законодателя к более тщательному учету социальных последствий[134].

В некоторых решениях ФКС устанавливает требования к самой законодательной методологии. В качестве примера можно привести решение по вопросу проверки соответствия размера стандартного пособия, выплачиваемого совершеннолетним нуждающимся гражданам, положениям Социального Закона, Основному закону[135]. Суд счел себя компетентным исследовать вопросы о том, «охватил ли и описал ли законодатель цель обеспечения существования, соответствующего человеческому достоинству [...], выбрал ли он в рамках своей свободы усмотрения процедуру расчета, которая наилучшим образом подходит для оценки прожиточного минимума, установил ли он все необходимые факты [и что для облегчения конституционного контроля, законодательный орган обязан раскрыть методы и расчеты, использованные для определения прожиточного минимума в рамках законодательной процедуры»[136].

Это решение явно демонстрирует, что ФКС не ограничивается рассмотрением конституционности закона, но также предъявляет требования к законодательной процедуре. Как следует из процитированного выше фрагмента, законодательный орган должен соблюдать определенные принципы, в частности, «раскрывать методы и расчеты». Этим требованием ФКС косвенно содействует законотворчеству, устанавливая требования к законодательной процедуре.

Таким образом, правотворческая деятельность ФКС представляет собой сложное явление. Суд занимает авторитетное место в системе государственной

---

[134] Вебер Р. Законотворческая деятельность Федерального конституционного суда Германии. Судебное правотворчество европейских конституционных судов. – С. 36. Электронный ресурс: URL: https://library.oapen.org/bitstream/id/20f574f5-179b-42e0-8294-fd44e1941b13/9781000062199.pdf (дата обращения: 22.03.2024 г.). // Ruth Weber. Law-making activity of the German Federal Constitutional Court. Judicial Law-Making in European Constitutional Courts. – P. 36. URL: https://library.oapen.org/bitstream/id/20f574f5-179b-42e0-8294-fd44e1941b13/9781000062199.pdf (дата обращения: 22.03.2024 г.).

[135] Решение Федерального Конституционного Суда Германии BVerfGE 125, 175 от 09 февраля 2010 г. URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv125175.html (дата обращения: 25.03.2024 г.).

[136] Решение Федерального Конституционного Суда Германии BVerfGE 125, 175 от 9 февраля 2010 г. URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv125175.html (дата обращения: 25.03.2024 г.).

власти и пользуется высоким доверием общества. В стремлении оправдать доверие общества, быть «судом для граждан» и хранителем конституционного правопорядка в целом Суд защищает и совершенствует конституционное законодательство. В то же время он оказывает влияние на право посредством переходных и временных мер. Влияние суда на законотворческую деятельность в Германии значительно, однако ФКС проявляет уважение к законодательной власти и стремится к сбалансированному взаимодействию для достижения максимальной эффективности нормотворчества. Это, в первую очередь, проявляется в стремлении сохранить идеи законодателя при толковании законов, а также в использовании четырехступенчатого анализа для оценки соответствия нормы Основному Закону. При этом стоит отметить, что зачастую законодатели прислушиваются к мнению ФКС, что подтверждается включением в текст закона переходных положений, предложенных ФКС.

Италия

Несмотря на то, что Суд выполняет множество функций, его ключевой задачей является проверка законов на соответствие Конституции. Судебный контроль можно рассматривать как форму сотрудничества с законодательной властью - Парламентом, поскольку он требует многостороннего участия различных субъектов. Однако стоит отметить, что такое взаимодействие нередко порождает конфликты между Конституционным Судом и парламентариями. Происходит это чаще всего по причине того, что, вынося конституционные решения, судьи могут вмешиваться в сферу полномочий Парламента.

При проверке различных норм Конституционный Суд нередко добавляет в тексты законов недостающие фразы или удаляет противоречивые фрагменты, чтобы «заполнить» пробелы. Например, в 1983 г. при анализе статьи 156 Гражданского кодекса, касающейся алиментов, суд указал, что круг получателей должен включать тех, кто ранее обходился без таких выплат, разводящихся по взаимному согласию. Таким образом, Конституционный Суд расширил

правоприменительную практику, рекомендовав парламенту пересмотреть соответствующие положения[137].

Когда Конституционный Суд признает, что в тексте отсутствуют необходимые гарантии равенства или защиты прав, он устанавливает новый принцип, но оставляет парламенту свободу выбора механизма его реализации. Так, в отношении семейных правоотношений суд наделил обоих родителей равными правами на отпуск по уходу за ребенком, но детали механизмов и сроки оставил на усмотрение законодателей[138].

В случаях, когда законодательство явно устарело (например, запрет на эвтаназию)[139], но парламентарии медлят с изменением, Конституционный Суд откладывает окончательное решение и дает парламенту определенный срок для проработки новой редакции. Хороший пример - дело Фабьяно Антониани (2019 г.), где суд фактически обязал законодателя рассмотреть возможность легализации эвтаназии в строго ограниченных случаях, прежде чем выносить окончательный вердикт[140].

Поскольку Италия является членом Европейского союза, Конституционный Суд активно учитывает требования европейских директив и конвенций. В известных делах (например, Taricco) Конституционный суд подтвердил приоритет фундаментальных прав, указав, что нормы ЕС, если они противоречат основным положениям Конституции, не подлежат применению до тех пор, пока не будет произведена корректировка. Тем самым суд стимулирует законодателя

---

[137] Решение Конституционного суда Италии 144/1983 от 12 июня 1986 г. URL: https://giurcost.org/decisioni/1983/0144s-83.html (дата обращения: 07 апреля 2024 г.).

[138] См. Там же.

[139] Суд над Каппато, шаг за шагом. Ассоциация Луки Косчиони. URL: https://www.associazionelucacoscioni.it/the-cappato-trial-step-by-step (дата обращения: 28 марта 2024 г.) // The Cappato Trial Step by Step. Associazione Luca Coscioni. URL: https://www.associazionelucacoscioni.it/the-cappato-trial-step-by-step (дата обращения: 28 марта 2024 г.).

[140] Решение Конституционного суда Италии от 27 сентября 2019 г. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/comunicatistampa/CC_CS_20190926122152.pdf (дата обращения 26 марта 2024 г.).

приводить внутренние акты в соответствие с европейским правом, но не ценой нарушения конституционных основ[141].

В результате итальянская судебная практика сочетает формальный механизм апостериорного контроля с фактической ролью «соавтора» норм: через интерпретационные решения, аддиктивные поправки Конституционный Суд влияет на содержание актов, заполняя законодательные пробелы и продвигая парламент к своевременным изменениям.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что в странах, относящихся к континентальной системе права, четко регламентировано взаимодействие судебных и правотворческих органов. Конституционные суды Франции, Германии и Италии могут давать подробные рекомендации в процессе внесения изменений в действующее законодательство. Не остается в стороне использование норм международного права (ЕС, Европейская конвенция и прочая международная практика) судебными инстанциями, которые требуют, чтобы внутреннее законодательство не находилось в противоречии с ними. В странах континентальной системы права судебная практика хоть и не признается источником права, тем не менее, имеет важное фундаментальное значение при разработке проектов законов. В совокупности все эти особенности показывают, что судебная практика в странах романо-германской правовой семьи является полноценным фактором совершенствования законодательства.

[141] Решение по делу 105/14 от 8 сентября 2015 г. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62014CA0105 (дата обращения 28 марта 2024 г.).

Глава 2. Основные направления использования судебной практики в отечественной правовой системе в целях совершенствования российского законодательства

1.1. Судебная практика в системе факторов, направленных на совершенствование отечественного законодательства

Стабильное и гармоничное развитие законодательства Российской Федерации зависит от множества факторов. Слово «фактор» происходит от латинского factor, что означает «делающий» или «производящий»[142]. В русский язык это слово было заимствовано в XVIII веке, предположительно через польский или немецкий языки. Первоначально термин «фактор» обозначал доверенное лицо или исполнителя частных поручений, а также управляющего технической частью типографии. Со временем значение слова расширилось, и в современном русском языке слово «фактор» понимается как причина или движущая сила какого-либо процесса или явления, определяющая его характер или отдельные черты.

Результаты лексического анализа данного термина приводят к неоднозначному выводу. Так, словарь иностранных слов раскрывает значение термина в трактовке, принятой в юридической науке, в то время как толковый словарь русского языка определяет «фактор» как момент или существенное обстоятельство в каком-либо процессе или явлении[143].

Как отмечает Н.А. Босхамджиева, на сегодняшний день в юридической науке сложилась ситуация, когда исследователи активно используют

---

[142] Русский викисловарь. Электронный ресурс: [https://ru.wiktionary.org/wiki/фактор]. Дата обращения 23.02.2025 г.

[143] Ожегов С.И. и Шведова И.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 1997. – С. 847.

терминологию, характерную для методики факторного анализа, не учитывая при этом специфику этого средства научного познания[144].

Под факторным анализом законодательства следует понимать методику комплексного и системного изучения, а также измерения воздействия определенных явлений на законодательство. При этом факторный анализ предполагает учет качественных изменений законодательства под влиянием этих факторов[145].

Как отметила О.Е. Мешкова, «современный период развития российского законодательства можно охарактеризовать как «смутное время» - бесконечные изменения и дополнения нормативных актов, противоречивость ряда законов, бум рождения новых «отраслей права», что вызвано, помимо прочего, отсутствием в российской юридической науке единой доктрины, способствующей развитию законодательства в одном направлении»[146].

Задачу факторного анализа, учитывая важность методологических вопросов в любых социально-правовых исследованиях, а также необходимость изучения и измерения влияния факторов на величину (качество) исследуемых показателей, П.А. Паулов определяет как «изучение и изменение влияния различных явлений на структуру и динамику законодательства»[147].

Если под факторным анализом понимается методика комплексного и системного изучения и измерения воздействия факторов на величину результативных показателей, то под факторным анализом законодательства

---

[144] См. Босхамджиева Н.А. Факторный анализ обеспечения национальной безопасности // Российский следователь. – 2008. - № 3; Головинская И.В. Факторы, обусловившие воссоздание мировой юстиции в современный период // Мировой судья. – 2007. - № 11; Залесский В.В. Фактор времени в гражданских правоотношениях // Журнал российского права. – 2006. №9 и др.

[145] Паулов П.А. Факторный анализ современного российского законодательства: методологический и практический аспекты: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Паулов Павел Александрович; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. - Краснодар, 2010. - 21 с. С. 9.

[146] Мешкова О.Е. Теория систем в правовых явлениях // Вестник Омского университета. – 1997. – Вып. 2. – С. 86-89.

[147] Паулов П. А. Указ. соч. С. 22.

следует понимать методику комплексного и системного изучения и измерения воздействия определенных явлений на законодательство[148].

В рамках нашего исследования особый интерес представляет судебная практика как возможный фактор совершенствования законодательства. Судебная практика традиционно рассматривается как результат правоприменения, однако остается открытым вопрос, обладает ли она признаками самостоятельного фактора, влияющего на законодательство. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить наличие или отсутствие у судебной практики свойств «факторности» - то есть способности существенно воздействовать на развитие нормативной базы. Для этого применим методологию факторного анализа к феномену судебной практики, выделив детерминированный и стохастический аспекты такого влияния.

Одним из ключевых направлений повышения результативности правового регулирования в целом и совершенствования качества законодательства в частности является разработка и внедрение методологии факторного анализа. Этот подход позволяет учитывать динамику количественных и качественных изменений в законодательстве под влиянием различных условий, а также создавать факторные модели, необходимые для правового прогнозирования. Следует отметить, что концепция факторного анализа законодательства может выступать в качестве тактического инструмента[149] повышения эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации. Ее применение способствует оперативному выявлению и устранению системных недостатков в механизме правового регулирования, что, в свою очередь, обеспечивает своевременную корректировку нормативных правовых актов и правоприменительной практики.

Факторный анализ судебной практики как инструмента совершенствования законодательства позволяет выявить ключевые причины, влияющие на развитие

---

[148] Там же. С. 23.
[149] Там же. С. 9.

правоприменения, а также установить их взаимосвязи с другими социальными, экономическими и политическими процессами.

В юридической науке выделяют два основных вида факторного анализа:

1) детерминированный (функциональный) анализ, при котором изменения судебной практики рассматриваются как прямое следствие определенных факторов, имеющих строго функциональную зависимость;

2) стохастический (корреляционный) анализ, при котором влияние факторов рассматривается с точки зрения их статистической связи с судебной практикой, но без установления жесткой функциональной зависимости.

Рассмотрим судебную практику, используя детерминированный и стохастический анализ.

Детерминированный анализ предполагает изучение прямых и однозначных причинно-следственных связей, определяющих роль судебной практики.

Фактор	Описание влияния на совершенствование законодательства
Постановления Пленума Верховного Суда РФ	Разъяснение порядка применения норм права и выработка механизмов правового регулирования. Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».
Решения Конституционного Суда РФ	Выявление противоречий и пробелов в правовом регулировании и разъяснение законодателю необходимости внесения изменений в действующее законодательство. Например, Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда».

Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ	Выявление коллизий и неопределенности в законодательстве, стимулирование законодателя к корректировке нормативных актов, формулирование вектора развития законодательства. Например, «Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г.» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024).
Международные правовые акты	Несмотря на ослабление влияния международных судебных инстанций, Россия все же учитывает международные нормы при формировании правоприменительных подходов. Например, принципы защиты прав человека, закрепленные в Конвенции ООН, продолжают оказывать влияние на судебные решения в России.
Социально-экономические изменения	Изменения в общественных отношениях (цифровизация, санкционное давление, новые экономические модели) требуют адаптации судебной практики к новым условиям (например, таким как регулирование параллельного импорта).
Изменения в политической системе	Государственная политика, направленная на укрепление правового суверенитета, приводит к корректировке судебной практики (например, отказ от исполнения решений ЕСПЧ повлек изменение правоприменения в сфере прав человека).

С учетом обозначенных факторов функциональную модель (формулу) влияния судебной практики на законодательство можно представить в следующем виде:

$$З = f(ВС,КС,ОП,МП,СЭ, ПИ), \text{ где:}$$

З - это совершенствование законодательства;

ВС - постановления Пленума Верховного Суда РФ;

КС - решения Конституционного Суда РФ;

ОП - обзоры судебной практики Верховного Суда РФ по вопросам правоприменения;

МП - международные правовые акты;

СЭ - социально-экономические изменения в Российской Федерации;

ПИ - изменения в политической обстановке.

Таким образом, совершенствование законодательства в России во многом определяется влиянием судебной практики, особенно решениями высших судебных инстанций.

В свою очередь, стохастический анализ направлен на установление статистических зависимостей между изменениями в законодательстве и различными характеристиками судебной практики [150] . В отличие от детерминированного анализа, он не устанавливает жесткие причинно-следственные связи, но позволяет оценить направление и степень влияния судебной практики на законодательный процесс.

Для проведения корреляционного анализа могут быть использованы количественные показатели, такие как:

- число решений Конституционного Суда РФ, повлекших изменения в законодательстве;

- количество постановлений Пленума Верховного Суда РФ, изменивших судебную практику;

- число внесенных законопроектов, основанных на анализе судебной практики.

Факторы судебной практики	Показатель	Ожидаемая корреляция с изменениями в законодательстве
Решения Конституционного Суда РФ	Количество решений, отменяющих или	Высокая положительная

[150] См. Толдиев, Х. М. Б. Судебная практика как фактор систематизации нормативных правовых актов в Российской правовой системе / Х. М. Б. Толдиев // Образование и право. – 2025. – № 9. – С. 384-390.

	изменяющих нормы законодательства	
Постановления Пленума Верховного Суда РФ	Число разъяснений, оказавших влияние на правотворчество	Умеренная положительная
Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ	Количество случаев выявления пробелов в законодательстве	Умеренная положительная
Количество судебных споров	Рост числа споров указывает на необходимость изменения законодательства	Средняя положительная

Корреляционную модель (формулу) влияния судебной практики на законодательство можно представить в следующем виде:

$$З=\beta1 \cdot ВС+\beta2 \cdot КС+\beta3 \cdot ОП+\beta4 \cdot СП+\beta5, \text{ где:}$$

З - совершенствование законодательства;

ВС - постановления Пленума Верховного Суда РФ;

КС - решения Конституционного Суда РФ;

ОП - обзоры судебной практики Верховного Суда РФ по вопросам правоприменения;

СП - количество судебных споров;

β1, β2, ..., β5 - коэффициенты влияния.

В результате проведения корреляционного анализа можно установить, что наиболее сильное влияние на совершенствование законодательства оказывают решения Конституционного Суда РФ, поскольку они имеют обязательную силу и влекут за собой изменение нормативных правовых актов.

Сравнение детерминированного и стохастического подходов указывает на то, что судебная практика играет ключевую роль в совершенствовании законодательства, однако характер такого влияния зависит от конкретных факторов:

1) детерминированный анализ позволяет выделить прямые причинно-следственные связи между судебными решениями и изменениями законодательства;

2) стохастический анализ помогает оценить направление и степень корреляций, выявляя факторы судебной практики, которые оказывают наибольшее влияние на законодательный процесс.

Таким образом, судебная практика представляет собой универсальный механизм адаптации законодательства к реальным условиям, а ее анализ с использованием факторных методов позволяет прогнозировать дальнейшее развитие правовой системы.

Рассмотрев общие подходы, обратимся к конкретным прикладным проявлениям влияния судебной практики на законодательство в современных условиях России. Экономическое развитие страны, внешние вызовы и социальные изменения - все это является фоном, на котором действует судебная власть, и через призму которых происходит совершенствование нормативной базы.

Начнем с экономического фактора. Так, экономические процессы оказывают прямое воздействие на законодательство, особенно в периоды кризисов или структурных преобразований. В условиях санкционного давления, разрыва прежних хозяйственных связей и курса на импортозамещение судебная практика приобретает особое значение. Суды, рассматривая споры в сфере экономики, фактически формируют новые подходы к применению норм гражданского, корпоративного, налогового законодательства. Это позволяет оперативно реагировать на возникающие пробелы и противоречия до того, как будет принят закон.

Так, в 2022-2023 гг. российская экономика столкнулась с массовым выходом иностранных компаний с рынка. Возникло множество споров: о принудительном исполнении договорных обязательств, о судьбе имущества, принадлежащего ушедшим зарубежным владельцам, о выплатах работникам ликвидируемых предприятий и т.п. Разрешая эти споры, суды неизбежно занимаются «правовым творчеством» - уточняют смысл применимых норм или даже формируют новые правовые позиции. Например, по вопросам национализации брошенного имущества либо ответственности компаний перед потребителями и партнерами суды вынесли решения, которые фактически предопределили последующую корректировку норм корпоративного права и внешнеэкономического регулирования. Законодатель затем, обобщив судебную практику, принял ряд актов, регулирующих внешнее управление компаниями, упростил процедуры ликвидации и т.д.

В рамках политики импортозамещения в срочном порядке были приняты нормативные акты, легализующие параллельный импорт и смягчающие режим защиты исключительных прав в отношении ввоза товаров без согласия правообладателя. Однако детали такого режима во многом были проработаны именно судебной практикой. Суды сформировали единые подходы к толкованию норм о параллельном импорте, о критериях добросовестности импортеров, о балансе интересов иностранных правообладателей и российских потребителей. Эти подходы затем учтены при доработке законодательства об интеллектуальной собственности и о конкуренции. Иными словами, судебная практика здесь выступила катализатором совершенствования экономического законодательства, выявляя слабые стороны прежнего регулирования и подсказывая законодателю оптимальные решения.

Если говорить о политико-правовом факторе, то изменения во внешней и внутренней политике неизбежно сказываются на законодательном процессе, устанавливая новые приоритеты правового регулирования. Так, в период 2020-2022 годов Россия провела конституционную реформу и взяла курс на приоритет

национальной юрисдикции над внешними ограничителями. Одним из проявлений этого курса стал упомянутый отказ от исполнения постановлений ЕСПЧ, принятых после определенной даты. Судебная практика оперативно отреагировала: российские суды перестроили аргументацию, перестав ссылаться на практику Страсбургского суда в качестве обязательной, а Конституционный Суд РФ усилил роль конституционных принципов и «общепризнанных принципов и норм международного права» в интерпретации прав и свобод (при отсутствии ссылок на Конвенцию). Таким образом, судебная практика стала инструментом защиты национальных интересов в новых условиях через формирование суверенной правовой позиции, согласующейся с обновленной Конституцией.

Еще один аспект - передача части суверенных полномочий наднациональным структурам (ЕАЭС, Союзное государство и др.). Здесь судебная практика выступает гарантом того, что подобная интеграция не повредит правам граждан и юрлиц. Национальные суды при необходимости заполняют пробелы, если в наднациональном регулировании они имеются, либо защищают базовые принципы (например, публичный порядок) при коллизиях норм. В условиях трансформации системы государственного управления (сокращение числа судей Конституционного Суда РФ, изменение подсудности дел, укрупнение регионов и прочие реформы) судебная практика также претерпевает изменения, но при этом стремится обеспечить преемственность и стабильность правоприменения.

Наряду с этим, общественные запросы и социальные перемены зачастую опережают законодательный отклик. В таких случаях судебная практика выполняет функцию «социальной адаптации права». Когда быстро меняются условия жизни, а законы еще не успели под них подстроиться, именно суды, рассматривая реальные дела, адаптируют старые нормы к новой реальности либо восполняют отсутствие прямого регулирования.

Примером могут служить изменения в трудовых отношениях. Массовое закрытие или приостановка деятельности предприятий с иностранным участием в 2022 году поставили под угрозу трудовые права тысяч работников. Трудовой кодекс на тот момент не содержал специальных норм на такой случай. В судебной практике остро встали вопросы: (а) защиты прав работников при ликвидации компаний с иностранным участием (гарантии выплат выходных пособий, соблюдение сроков уведомления и пр.); (б) правового регулирования удаленной работы и новых нестандартных режимов труда (что стало особенно актуально в период пандемии и продолжилось после нее); (в) порядка оплаты труда и предоставления компенсаций в условиях экономического кризиса (например, при простоях не по вине работника или при снижении спроса). Решая споры, суды фактически формировали новую практику, исходя из конституционных принципов защиты труда, баланса интересов работодателя и работников и т.д. Эти наработки впоследствии были частично имплементированы законодателем при внесении поправок в трудовое законодательство (в частности, были уточнены нормы о дистанционной работе, о гарантиях при увольнении по сокращению штата и др.).

С позиции факторного анализа судебная практика позволяет «связывать» правотворческий и правоприменительный процессы, формируя между ними «замкнутый цикл», «замкнутую систему» взаимного влияния. В рамках данной «замкнутой системы» применение законодательных норм в конкретных делах дает возможность оценить их содержание с учетом юридических фактов, сроков, актов реализации права, а также объема субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений. Рассмотрение и обобщение судебных дел позволяют выявлять пробелы, противоречия и иные недостатки правового регулирования, в которых проявляется потребность государства, общества и отдельных социальных групп в совершенствовании законодательства.

Одновременно судебная практика служит сферой апробации новых законодательных инициатив. Их применение показывает «пригодность» нового

нормативного регулирования соответствующих отношений и позволяет установить, достигаются ли цели, ради которых были внесены изменения в законодательство. Полученные результаты могут учитываться в правотворческой деятельности при подготовке последующих изменений нормативных правовых актов. В свою очередь, применение измененных норм дает основания для дальнейшей оценки их эффективности, тем самым судебная практика способствует согласованию законодательства с условиями его реализации и позволяет определять, насколько используемые правовые средства отвечают изменениям в социально-экономической, политической и иных сферах общественной жизни.

Можно выделить следующие формы влияния судебной практики на процесс совершенствования российского законодательства: официальные и неофициальные, прямые и опосредованные, институциональные и коммуникационные; формальные и неформальные и т.д.

Официальные формы влияния связаны с деятельностью судебных органов в пределах предоставленных им полномочий. К ним относятся реализация Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации права законодательной инициативы по вопросам их ведения, принятие судебных решений, обобщение судебной практики, подготовка предложений по совершенствованию законодательства. В этих случаях сведения о недостатках нормативного регулирования получают выражение в актах и материалах, исходящих от уполномоченных органов. Неофициальные формы возникают при научном и профессиональном обсуждении судебной практики. Они выражаются, в частности, в исследованиях, экспертных публикациях и выступлениях, авторы которых анализируют правовые позиции судов и предлагают способы устранения выявленных проблем. Подобные предложения не являются позицией судебного органа, однако могут быть использованы при разработке и обсуждении законодательных изменений.

Прямое использование судебной практики для совершенствования законодательства касается права законодательной инициативы Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ по вопросам их ведения; обращения судов в Конституционный Суд РФ, обобщения судебной практики и деятельности научно-консультативных советов и т.д. Опосредованное использование связано с учетом сложившейся судебной практики при разработке проекта консолидированного или кодифицированного нормативного правового акта, экспертно-консультативным участием представителей судебной власти в законотворческой деятельности и т.д.

Прямые формы использования судебной практики для совершенствования законодательства приводят к изменению нормы права напрямую, почти сразу после соответствующего судебного акта или действия (вынесение Конституционным Судом РФ решения о неконституционности правовой нормы приводит к приостановлению ее применения и внесению последующих изменений в законодательство). При опосредованных формах воздействия судебной практики на законодательство совершенствование осуществляется планомерно, постепенно путем изменения правового сознания и правовой культуры общества, отдельных субъектов правовых отношений.

Институциональные и коммуникационные формы влияния судебной практики на российское законодательство выделяются в зависимости от способов воздействия; формальные и неформальные - в зависимости от значимости последствий.

Указанные формы обеспечивают устойчивую взаимосвязь правотворчества и правоприменения, позволяя судебной практике выступать самостоятельным механизмом выявления дефектов правового регулирования и совершенствования законодательства.

Таким образом, судебная практика в современный период является одним из ключевых факторов совершенствования законодательства, находясь в тесной взаимосвязи с экономическими, политическими и социальными процессами. Она

выполняет двойственную функцию: с одной стороны, выявляет недостатки и дисфункции действующих норм, с другой - генерирует новые правоприменительные подходы, которые затем получают нормативное закрепление. В условиях активных трансформаций общества и государства судебная практика становится важнейшим инструментом адаптации правовой системы к современным вызовам, обеспечивая ее гибкость и устойчивость.

Отдельно стоит отметить роль суда ЕАЭС и его влияние на совершенствование законодательства ЕАЭС, который вызывает немалый интерес.

Анализ современного состояния правовой системы Евразийского экономического союза показывает, что судебная практика наднационального судебного органа играет ключевую роль в обеспечении устойчивости и развития интеграционного правопорядка. Данное обстоятельство прямо подтверждается позицией, изложенной председателем Суда Евразийского экономического союза А.А. Дронова в интервью [151] , посвященном проблемам и перспективам евразийской интеграции и функционирования судебного механизма Союза. В своем выступлении председатель Суда ЕАЭС акцентирует внимание на том, что право Союза представляет собой сложную, многоуровневую систему, ядром которой выступает Договор о Евразийском экономическом союзе, дополняемый значительным массивом международных договоров и актов органов Союза. Такая структура, по его оценке, объективно обусловлена компромиссной природой интеграционного процесса и многообразием интересов государств-членов, однако одновременно она порождает неопределенности и пробелы в правовом регулировании. В этих условиях судебная практика Суда ЕАЭС приобретает значение механизма, обеспечивающего согласование и целостность правового пространства Союза. Существенным является вывод, сформулированный в интервью, о том, что деятельность Суда ЕАЭС не может рассматриваться исключительно как разрешение индивидуальных споров. Напротив, судебные

[151] См.: [Председатель Суда ЕАЭС: необходимо в полной мере реализовывать идею интеграции]. – Электронный ресурс. Режим доступа: https://rutube.ru/video/f52893405c36ea88220d2bbcb31f69f9/. Дата обращения 22.09.2025 г.

решения формируют устойчивые правовые позиции, направленные на обеспечение единообразного применения норм права Союза всеми органами ЕАЭС и государствами-членами. Тем самым судебная практика выполняет интеграционную функцию, препятствуя фрагментации правового регулирования и расхождениям в национальном правоприменении. Особое внимание в интервью уделяется интерпретационной роли Суда ЕАЭС.

А.А. Дронов подчеркивает, что при рассмотрении дел используется преимущественно системный и телеологический подход к толкованию норм, ориентированный на цели и принципы евразийской интеграции. Такой подход позволяет Суду не только устранять неопределенность конкретных правовых предписаний, но и фактически формировать их нормативное содержание, придавая им устойчивый и воспроизводимый смысл. В результате судебная практика становится важнейшим каналом уточнения и развития права Союза без формального изменения его текстуального выражения. Интервью также демонстрирует, что судебная практика Суда ЕАЭС выполняет функцию выявления дефектов правового регулирования. Рассматривая споры между хозяйствующими субъектами и Евразийской экономической комиссией, Суд фиксирует пробелы, внутренние противоречия и несоответствие отдельных решений целям и принципам Договора о Союзе.

По оценке председателя Суда, такие правовые позиции нередко служат основанием для последующей корректировки вторичного права Союза либо инициирования изменений в сам Договор, что позволяет рассматривать судебную практику как опосредованный, но значимый фактор формирования законодательства интеграционного объединения. Отдельного внимания заслуживает подчеркнутая в интервью правозащитная функция судебной практики Суда ЕАЭС. В условиях передачи части суверенных полномочий на наднациональный уровень именно Суд Союза обеспечивает судебный контроль за деятельностью органов ЕАЭС в тех сферах, где национальные суды не обладают соответствующей юрисдикцией. Тем самым судебная практика

становится неотъемлемым элементом механизма применения права Союза и гарантией соблюдения прав участников интеграционных экономических отношений. Таким образом, анализ содержания интервью председателя Суда Евразийского экономического союза позволяет сделать вывод о том, что судебная практика Суда ЕАЭС выступает не вспомогательным, а системообразующим фактором формирования и применения права Союза. Через интерпретацию, обеспечение единообразного правоприменения, выявление дефектов регулирования и стимулирование нормативных изменений судебная практика обеспечивает динамичное развитие интеграционного правопорядка и его соответствие целям евразийской экономической интеграции.

1.2. Унификация и специализация российского законодательства посредством судебной практики

В теории права процесс унификации правовых положений нередко рассматривается преимущественно в аспекте законодательной техники, направленной на упрощение и гармонизацию законодательных актов. Однако такой подход не учитывает динамический характер правоотношений, поскольку судебная практика способна не только восполнять пробелы законодательства, но и вырабатывать унифицированные подходы правового регулирования.

Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова унификация означает приведение к единообразию, к единой норме (форме) (от лат. «unio» - единство и «facere» - делать)[152]. В современном русском языке «унификация» получила широкое распространение, преимущественно в научной литературе. Под этим термином понимается процесс приведения чего-либо к единой форме, единым стандартам и принципам. В юридической науке под унификацией обычно

[152] Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. - Москва: Дом Славянской кн., 2008. С. 952.

понимается создание или использование общих правил, которые могут быть применимы ко многим аналогичным видам правоотношений.

В свою очередь, происхождение термина «специализация» в русском языке восходит к латинскому корню specialis, который означает «особый», «специфичный». Латинское specialis образовано от species (вид, род, форма), восходящего к глаголу specere («смотреть», «рассматривать»)[153]. Изначальный смысл - «относиться к определенному виду или форме, отличаться от общего, быть особым». В юридической науке термин «специализация» обычно обозначает выделение отдельных специализированных норм и институтов, что позволяет более точно и эффективно регулировать специфические правоотношения.

Исследованию процесса унификации правовых актов посвящено множество различных работ ученых-правоведов. Однако вопрос влияния судебной практики на унификацию законодательства остается недостаточно исследованным и требует глубокого анализа данного явления на основе уже существующих общетеоретических исследований.

Переоценить роль унификации законодательства в процессе изменения и совершенствования законодательства невозможно. Унификация представляет собой правовую категорию, направленную на предотвращение излишней дифференциации норм и создание единой нормы, регулирующей схожие правоотношения. При этом она не является ключевым направлением развития законодательства. Унификацию законодательства следует рассматривать как один из инструментов его изменения, наряду с систематизацией, которая будет подробно описана в следующем параграфе, с целью совершенствования структурного и смыслового содержания законодательства.

Подход к определению унификации как процесса выработки единообразного применения норм права в рамках регулирования схожих

---

[153] Там же. С. 432.

правоотношений является наиболее распространенным. Сторонниками такого подхода выступают О.Н. Садиков [154], М.К. Юков [155], Р.Н. Волков [156].

Представителем противоположной позиции является И.Н. Сенякин, который определяет унификацию как науку обобщения правового материала, то есть как детерминированный практикой общественного развития двуединый, сущностно-формализованный процесс, направленный на устранение различий в регулировании сходных или родственных явлений и на создание универсальных разноуровневых нормативных актов или предписаний, оказывающих существенное влияние на состояние всей системы законодательства[157].

Н.Г. Доронина в контексте интеграции правовых систем рассматривает унификацию как процесс слияния и гармонизации норм в рамках регулирования правоотношений в различных правовых системах[158].

По мнению М. И. Бару, унификация направлена на минимизацию различий в регулировании аналогичных отношений [159].

Как отмечает Л.Л. Кругликов, в качестве объектов унификации ученые выделяют нормы права, правовые институты, схожие отношения, нормативные предписания и нормативные акты[160].

---

[154] Садиков О. Н. Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства // Правоведение. 1972. № 6. С. 95.

[155] Юков М. К Специализация норм гражданского процессуального права// Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 34. М., 1986. С. 118.

[156] Волков Р.Н. Понятие унификации гражданского законодательства // Право и государство: теория и практика. 2011. № 1 (73). С. 27.

[157] Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства // Проблемы теории и практики. Саратов, 1992. С. 109.

[158] Доронина Н. Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 53–67.

По мнению Н.Г. Дорониной, «Унификация права в широком значении этого понятия заключается не в том, чтобы снять различия в правовом регулировании аналогичных отношений в праве отдельных государств, создав единообразные нормы права, а в том, чтобы снять препятствия на пути международного сотрудничества и связанного с ним развития регулируемых национальным правом отношений».

[159] Бару М. И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 45–50.

[160] Л. Л. Кругликов, Л. Е. Смирнова. Унификация в уголовном праве // Изд-во Р. Асланова "Юридический центр Пресс", Санкт-Петербург, 2008. – С. 10.

Приведенные определения совпадают в объекте правового регулирования, но различаются по направленности унификации. Некоторые авторы отмечают, что унификация направлена исключительно на нормы права, в то время как другие ученые придерживаются более широкого подхода, считая, что унификация также затрагивает и другие правовые категории. Однако несомненно, что ключевая роль унификации заключается в совершенствовании правовой нормы. Именно путем слияния, изменения и дополнения нескольких норм, регулирующих схожие правоотношения, достигается главная цель унификации законодательства - исключение излишней дифференциации норм права и установление единого правового регулирования.

Необходимо отметить, что процесс унификации законодательства посредством судебной практики является совместной деятельностью правоприменителя (преимущественно судов высших инстанций) и законодательных органов. Справедливым является вопрос: «Имеет ли принципиальное отличие процесс унификации законодательства посредством судебной практики?».

Для ответа на данный вопрос, в первую очередь, необходимо привести определение понятия унификации законодательства посредством судебной практики. По нашему мнению, унификацию законодательства посредством судебной практики можно определить как *правоинтерпретационную и правотворческую деятельность законодательных и судебных органов, объектом которой выступает норма права, направленную на достижение единого правового регулирования в целях совершенствования законодательства.*

К основным элементам унификации законодательства посредством судебной практики можно отнести:

1) процесс толкования действующих норм права с учетом правовых позиций судов высших инстанций на основе сложившейся судебной практики;

2) правотворческую деятельность субъектов законодательной и правоприменительной деятельности;

3) совершенствование норм права путем исключения излишней дифференциации;

4) направленность на достижение единого правового регулирования для минимизации риска произвольного и двуединого толкования схожих норм;

5) совершенствование законодательства - основная цель унификации законодательства посредством судебной практики.

Таким образом, унификация законодательства посредством судебной практики представляет собой особый процесс взаимодействия судебных и законодательных органов, при котором последовательно устраняется избыточная дифференциация правового регулирования и вырабатываются единые подходы правоприменения.

В отличие от классической унификации законодательства, осуществляемой законодательными органами, процесс унификации законодательства посредством судебной практики имеет принципиальное отличие: суды высших инстанций, проверяя законность и обоснованность решений судов нижестоящих инстанций, также проводят аналитическую работу, в рамках которой может быть выявлена излишняя дифференциация норм, а также необходимость в унификации конкретных правовых положений. То есть имеются существенные различия как в самом процессе, так и в его субъектном составе.

Ярким примером унификации законодательства посредством судебной практики является Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный

закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (законопроект № 516699-8)[161].

В соответствии с данным законопроектом Верховный Суд РФ предложил Государственной Думе РФ рассмотреть возможность унификации процедуры обжалования судебных актов (определений), выносимых арбитражными судами в рамках дела о банкротстве.

Действующее на момент внесения законопроекта в Государственную Думу РФ правовое регулирование процессуальных сроков обжалования судебных актов в делах о банкротстве предполагало наличие трех видов сроков: десятидневный срок (например, определение арбитражных судов о разрешении разногласий по вопросу о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника, об отказе во введении наблюдения и о прекращении производства по делу о банкротстве), четырнадцатидневный срок (например, определение о возвращении заявления о признании должника банкротом) и месячный срок (например, итоговые судебные акты, рассматривающие обособленные споры по существу).

Такие поправки направлены, во-первых, на упрощение доступа к правосудию для лиц, участвующих в деле, поскольку наличие дифференцированного правового регулирования часто приводило к неправильной подаче жалоб и к пропуску сроков на обжалование, а во-вторых, на снижение нагрузки на суды.

Законопроектом предусмотрены унификация порядка обжалования всех определений посредством введения единого (месячного) срока на апелляционное обжалование и возможность обжаловать постановления судов апелляционной инстанции в кассационном порядке по всем категориям споров (за незначительным исключением).

Необходимость внесения изменений в законодательство была выявлена в результате аналитического анализа на примерах конкретных споров. Как указала

---

[161] Официальный сайт Государственной Думы РФ. Электронный ресурс: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/516699-8]. Дата обращения 30.01.2025 г.

инициатор законопроекта, заместитель председателя Верховного суда РФ И.Л. Подносова, законопроект разработан в целях совершенствования (унификации) процедуры рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве) на основе анализа судебных споров с учетом результатов межведомственного обсуждения[162].

В середине 2024 года законопроект был одобрен и соответствующие поправки были внесены в законодательство.

Другим аналогичным примером является законопроект № 383208-7[163], сформированный на основе Постановления Верховного суда РФ «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В пояснительной записке к данному законопроекту отмечалось, что инициативы, реализованные Верховным судом РФ, направлены на совершенствование процессуального законодательства путем сближения подсистем судов общей юрисдикции и арбитражных судов посредством унификации процедур, применяемых при разрешении споров.

Законопроектом, помимо прочего, предусматривалась унификация правил рассмотрения приказного и упрощенного производств в соответствии с ГПК РФ и АПК РФ.

Закон был опубликован в конце 2018 года.

Процесс унификации законодательства посредством судебной практики является частью общего процесса совершенствования законодательства, в котором суды высших инстанций принимают непосредственное участие.

---

[162] «ВС РФ предложил упростить судопроизводство по делам о банкротстве». Издание Legal report. Электронный ресурс: [https://legal.report/vs-rf-predlozhil-uprostit-sudoproizvodstvo-po-delam-o-bankrotstve/].

[163] Официальный сайт Государственной Думы РФ. Электронный ресурс: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/383208-7]. Дата обращения 30.01.2025 г.

Важно отметить, что судебная практика сама по себе без анализа решений судов высших инстанций не может служить фактором унификации и совершенствования законодательства.

Суть механизма унификации законодательства посредством судебной практики заключается в том, что суды высших инстанций, опираясь на судебную практику нижестоящих инстанций, выявляют необходимость унификации определенных положений закона и разрабатывают конкретные проекты его изменений.

Например, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято Постановление от 25 июня 2024 года № 22 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»[164], в соответствии с которым были разработаны нормы ГПК РФ, направленные на унификацию порядка принятия апелляционных жалоб к производству.

Аналогичным образом были приняты иные постановления[165].

Соответственно, такая тенденция демонстрирует активную работу судебных и законодательных органов, результатом которой является унификация конкретных юридических процедур (норм) и совершенствование законодательства Российской Федерации.

Также отметим позицию Д.О. Кутафина [166] о значимости проведения унификации законодательства. Несмотря на то, что научные труды Д.О. Кутафина

---

[164] Официальный сайт Государственной Думы РФ. Электронный ресурс: [https://www.vsrf.ru/documents/own/33746/]. Дата обращения 22.04.2025 г.

[165] См. напр.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 46 - унификация норм уголовного и уголовно-процессуального закона; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 36 - унификация норм арбитражного процессуального кодекса РФ; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 года № 32 - унификации норм, направленных на социальную защиту граждан; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2021 года № 44 - унификация норм уголовно-процессуального кодекса РФ.

[166] Кутафин Д.О. Унификация и гармонизация норм права о залоге в международном частном праве: автореф. дис. … к.ю.н. М., 2007. С. 3.

посвящены преимущественно исследованию вопросов института залога в международном частном праве, сущность и эффективный характер такой унификации очевидны: она способствует разрешению многочисленных вопросов, связанных с реализацией норм права на практике. В частности, можно говорить о формировании единообразного подхода к регулированию договорных отношений, унифицированного взгляда на применение уголовных норм права, а также о частичном устранении существующих правовых противоречий и других проблем.

Важность унификации также подчеркивается и Л.Ю. Фоминой, которая отмечает, что унификация способна сформировать единую правовую терминологию, которая устранит двойственность понимания юридических дефиниций и позволит однообразно толковать и, соответственно, применять весь понятийный аппарат в нормах права[167]. Соответственно, унификация позволяет создать комплексную правовую систему, практическое применение которой будет характеризоваться единообразием и тождественностью.

Как указывает А.Г. Карапетов, «…исправление судебных ошибок и унификация судебной практики - основные функции высших судов. Последнее, по сути, есть ни что иное, как создание неких общих правил для нижестоящих судов. Подспорьем в осуществлении данных функций является система фильтрации дел, налаженная в большинстве государств…»[168]. На сегодняшний день для того, чтобы эффективно унифицировать судебную практику и, соответственно, законодательство, необходимо сформировать действенный механизм фильтрации дел, который в настоящее время отсутствует в российских судах. А.Г. Карапетов при исследовании вопроса об унификации судебной практики обращает внимание на опыт зарубежных стран в этом вопросе, что вполне оправдано. Если положительный опыт других государств демонстрирует

---

[167] Фомина Л.Ю. Унификация нормативной правовой терминологии: автореф. дис. … к.ю.н. Нижний Новгород, 2006. С. 4.

[168] А.Г. Карапетов: «Главная задача высших судов – разрешить спор справедливо. Но творить справедливость ad hoc не имеет смысла». Электронный ресурс: [http://www.civilista.ru/news.php?id=50]. Дата обращения 23.11.2024 г.

формирование действенного механизма унификации судебной практики, его можно адаптировать и внедрить в российскую правовую систему.

Унификация судебной практики имеет ключевое значение для унификации всего законодательства в целом, поскольку отдельные прецеденты не могут существенно повлиять на реформирование норм права. Однако исходя из общего понимания правоприменительной практики, можно констатировать, что практическая составляющая действительно способна создавать новые нормы или реформировать действующие таким образом, чтобы они полностью соответствовали требованиям и потребностям современного общества.

По мнению И. Н. Сенякина, унификация представляет собой «не только выработку общих предписаний по тем или иным сходным проблемам социального развития, но и грамотную технико-формализованную обработку уже принятых унифицированных положений, т.е. систематизацию»[169].

В качестве форм унификации законодательства Е.Г. Потапенко выделяет правотворческую, правоинтерпретационную и правоприменительную (в том числе судебную) деятельность.

Что касается методов унификации законодательства, то ученые делят их по уровням: на федеральные и региональные. На международном уровне выделяются имплементация и инкорпорация, а на внутригосударственном уровне - систематизация, которая включает инкорпорацию, кодификацию и консолидацию норм.

Методы унификации законодательства посредством судебной практики являются более узкими и специализированными.

Проведенный анализ деятельности судов высших инстанций позволяет выделить определенные теоретические методы унификации законодательства посредством судебной практики.

---

[169] Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики. Саратов, 1992. С. 102.

Метод прецедентной консолидации норм. Данный метод предполагает систематизацию судебных решений, которые служат основой для формирования единообразного подхода к разрешению схожих дел. Ключевыми элементами данного метода являются:

- систематизация судебных актов по определенным категориям дел;

- выявление схожего правового регулирования и выработка унифицированных правовых позиций;

- закрепление результатов в итоговых актах для дальнейшего направления в законодательный орган.

Метод критериального обоснования унификации норм. Суды формируют критерии для унификации правоприменения с учетом анализа норм и судебных решений. К таким критериям могут относиться: нарушение прав лиц, участвующих в деле (в том числе процессуальных); социальная значимость; качество правосудия; устойчивость судебных актов; процессуальная экономия и другие факторы.

Метод прогностического правоприменения. Суть данного метода заключается в том, что судебные органы формируют унифицированные позиции с учетом тенденции развития общественных отношений, что позволяет вносить изменения в законодательство «на опережение» и принимать превентивные меры.

Метод концептуальной унификации. Суды при анализе схожих норм вырабатывают общие концепции для дальнейшей разработки единой нормы с учетом всех противоречий и проблем.

Вышеизложенные методы являются условными, однако могут быть точечно использованы при разработке конкретных унифицированных положений законодательства.

Как отметил А.М. Шадже, процесс унификации законодательства не сводится лишь к выработке единообразных норм, рассчитанных на регулирование сходных правоотношений. Процесс унификации шире и сложнее, поэтому

необходимо рассматривать унификацию как своеобразную науку обобщения и единения структур механизма правовой регламентации[170].

Как уже было отмечено, процесс унификации имеет двуединую направленность: выработка общих правовых положений для различных сфер правового регулирования и технико-формализованная обработка выработанных унифицированных положений, то есть систематизация[171]. Специализация и унификация российского законодательства направлены на обеспечение его системности и качества, его эффективное соотношение с правовыми системами субъектов федерации. Они - отражение реальной жизни, ее сложности, динамичности и разнообразия[172].

Суть специализации законодательства заключается в выработке специального правового регулирования конкретных видов правоотношений.

По мнению А.М. Шадже, на сегодняшний день специализация охватывает весь правовой массив и воздействует как на форму, так и на содержание законодательства[173]. При этом автор выделяет также виды специализации: предметную (отраслевую), функциональную, региональную и смешанную[174].

В качестве форм специализации автор выделяет дифференциацию, конкретизацию и детализацию[175]. Аналогичной позиции придерживался также С.С. Алексеев[176].

С этим мнением не согласен Е.Г. Потапенко, который утверждает, что дифференциация и интеграция не представляют собой формы специализации права (законодательства). Таким образом, из упомянутых остаются две по

---

[170] Шадже А.Н. К вопросу о специализации и унификации современного российского законодательства. Общество и право. Майкоп, 2006. С. 72.
[171] Там же. С. 73.
[172] Матузов Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. – Саратов, 1987.
[173] Шадже А.Н. Указ. соч. С. 70.
[174] Там же. С. 71.
[175] Там же. С. 71.
[176] Алексеев С.С. Структура советского права… С. 53.

количеству, но одна по сути форма специализации права - конкретизация и детализация[177].

Е.Г. Потапенко отмечает, что «конкретизация является не формой, а методом специализации…конкретизация приводит к появлению в праве специальных правил, а соответственно, выступает основным методом специализации права»[178].

И.Н. Сенякин в качестве цели правовой специализации определяет необходимость наиболее полного охвата всех особенностей современных общественных процессов, возникающих в силу их постоянного развития и динамики [179].

Применительно к предмету настоящего исследования следует отметить, что правоприменительная деятельность судов рассматривается как форма конкретизации права.

С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров выделили две стадии (степени) конкретизации права в судебной деятельности: первая заключается в подведении правил под конкретные правоотношения по гипотезе, диспозиции и санкции, а вторая - в правильном и точном применении законов к конкретной ситуации, что, в свою очередь, приводит к выработке правовых положений [180].

Необходимо отметить, что конкретизация права в рамках первой стадии сводится лишь к классическому применению права с учетом особенностей конкретной области правоотношений. Суд не создает новое положение путем конкретизации нормы. Что нельзя сказать о второй стадии, где происходит создание положений своеобразного нормативного характера в процессе

---

[177] Потапенко Е.Г. Специализация и унификация цивилистического процессуального права: диссертация ... доктора юридических наук: 5.1.3. / Потапенко Евгений Георгиевич; [Место защиты: Саратовская государственная юридическая академия ; Диссовет Д 212.239.XX (24.2.390.01)]. - Саратов, 2023. С. 34.

[178] Там же. С. 37.

[179] Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 322.

[180] См.: Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М., 1975. С. 19.

толкования и правоприменения. Эти положения отличаются от подзаконных актов других государственных органов, уполномоченных на их издание, рядом существенных особенностей[181].

Нельзя не согласиться с выводом Е.Г. Потапенко, согласно которому специализация направлена на выработку специальных правил, применимых к более узкому кругу правоотношений (или регулирующих лишь отдельные части, этапы правоотношения), а объектом специализации являются правовые нормы (предписания).

Специализация права осуществляется в форме правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности [182].

Однако необходимо учитывать, что результатом специализации законодательства должно быть формирование правоприменительных позиций, которые не только разрешают конкретные споры, но и выявляют необходимость внесения изменений в действующее законодательство. Судебные акты высших судебных инстанций, в которых специализированы конкретные нормы, должны служить ориентиром для законодателя, указывая на необходимость проработки конкретных правовых положений.

Очевидно, что для выработки единых норм (правил) регулирования схожих правоотношений унификация и специализация должны осуществляться одновременно. Это связано с тем, что специализация норм чаще всего приводит к появлению правовых институтов, таких как институт обеспечительных мер, институт судебных расходов, институт приказного производства, институт упрощенного производства и т.д., которые в настоящее время закреплены в процессуальных кодексах (Гражданском процессуальном кодексе, Арбитражном процессуальном кодексе). Справедливым является вопрос: «Ведет ли специализация норм к появлению дифференцированных институтов?».

---

[181] Там же. С. 20.
[182] Потапенко Е.Г. Указ. соч. С. 39.

Для ответа на данный вопрос стоит обратиться к мнению С.С. Алексеева и М.К. Юкова, которые указали, что «специализация норм гражданского процессуального права в значительной степени предопределила зарождение и формирование дифференцированных институтов. Формирование дифференцированных институтов происходит путем расщепления основной нормы на вариантные предписания, которые, в свою очередь, обрастают детализирующими, исключительными и другими нормативными предписаниями, образуя ассоциации норм права. При дальнейшем развитии права ассоциации зачастую перерастают в правовые институты»[183].

Е.Г. Потапенко отметил, что «в ряде случаев специализация приводит лишь к появлению в строении права новых первичных элементов - специальных процессуальных норм. Такого рода развитие права ведет к разрастанию существующих институтов отрасли…»[184].

Среди особенностей влияния судебной практики на унификацию, специализацию российского законодательства можно выделить следующие: судебная практика позволяет «точечно» выявлять коллизионные, дублирующие и иные дефектные нормы; проверяет на практике оправданность правотворческих новелл, оправданность их внедрения; представляет собой одно из самых оперативных средств выявления коллизий между полномочиями государственных органов или отдельных должностных лиц; выступает в качестве препятствия для излишней дифференциации в процессе правового регулирования; позволяет согласовывать правовые позиции судебных органов с учетом процессов совершенствования действующего законодательства и т.д.

К элементам унификации законодательства посредством судебной практики относятся: толкование норм права на основе правовых позиций высших судов; устранение излишней дифференциации правового регулирования; обеспечение

---

[183] Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права… С. 129.
[184] Потапенко Е.Г. Указ. Соч. С. 105.

единообразия правоприменения и минимизация противоречивого толкования норм.

Результатом специализации законодательства должно быть формирование правоприменительных позиций, которые не только разрешают конкретные споры, но и выявляют необходимость внесения изменений в действующее законодательство. Судебные акты высших судебных инстанций, в которых специализированы конкретные нормы, должны служить ориентиром для законодателя, указывая на необходимость проработки конкретных правовых положений.

Соответственно, проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что исключительная специализация норм непременно ведет к появлению дублирующих институтов определенной отрасли, что можно наблюдать на основе анализа действующего законодательства. Однако, по нашему мнению, единый процесс унификации и специализации должен предотвращать излишнюю дифференциацию норм путем определения конкретной области унифицируемых положений с учетом специализации норм.

В данном контексте учет результатов судебной практики является одним из ключевых механизмов достижения целей унификации и специализации законодательства, направленных на качественное развитие права в целом, что обязательно должно учитываться в этом процессе.

1.3. Судебная практика как фактор систематизации нормативных правовых актов в российской правовой системе

Вопросам систематизации законодательства за последнее столетие в научной юридической литературе посвящено немало научных работ. Учеными-правоведами исследовалось само понятие систематизации законодательства, сущностные характеристики, методы, формы и виды систематизации, а также

иные теоретические и практические подходы к определению способов систематизации законодательства.

Однако недостаточно исследованным остается вопрос влияния судебной практики на систематизацию законодательства.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что этот вопрос обладает как практической, так и теоретической значимостью. Существует необходимость в более глубоком теоретическом обосновании явления систематизации законодательства через судебную практику, включая его виды, принципы, практические примеры, а также в разработке четкой модели такого влияния, утвержденной в нормативном правовом акте.

Стоит подчеркнуть, что систематизацию законодательства в контексте настоящего исследования мы будем рассматривать в рамках правотворческого процесса, и, соответственно, правообразования в целом. Как отметил Корнев А.В., правотворчество является составной частью более широкого процесса - правообразования [185].

Систематизацию законодательства справедливо можно называть правообразованием, поскольку правообразование может происходить и в правоприменительной деятельности, особенно при рассмотрении споров судами высших инстанций и формулировании практикообразующих ключевых позиций и разъяснений. Стоит также упомянуть позицию В. С. Нерсесянца, согласно которой «правообразование - это процесс фактического складывания и признания тех или иных общественных отношений и взаимосвязей людей и их объединений в качестве «нормальных» и «правильных», процесс социально-исторического формирования общих критериев, правил, образцов и стандартов этой «нормальности» и «правильности» и в конечном счете их кристаллизация в соответствующие нормы поведения»[186].

---

[185] Корнев А. В., Богмацера Э. В. К вопросу о понятии правообразования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. №2 (5). С. 5.

[186] Нерсесянц В. С. О понимании советского права: выступление // Советское государство и право. 1979. №7. С. 71.).

Как отметила Т.В. Гавашели, систематизация законодательства «дополняет правотворческую деятельность, осуществляясь либо параллельно (одновременно, в ходе), почти совпадая с правотворчеством, либо для развития или совершенствования правотворческих усилий, логично завершая правотворческий процесс» ... «систематизация законодательства направлена на особую цель - приведение объекта воздействия в непротиворечивое, согласованное, целостное состояние» [187].

А. С. Пиголкин в качестве ключевой цели систематизации называет «повышение эффективности правотворческой деятельности путем устранения пробелов, противоречий и коллизий, отмены устаревших, не применяющихся норм права»[188].

В настоящее время в научной юридической литературе сформулированы различные дефиниции систематизации законодательства, которые обладают рядом общих черт, отражающих сущностные признаки данного процесса. Например, систематизация законодательства определяется как деятельность, направленная на упорядочение нормативных правовых актов. Это подчеркивают А. С. Пиголкин [189] и В.К. Бабаев [190] , которые под систематизацией законодательства понимают деятельность по приведению нормативных актов в единую, упорядоченную систему.

Схожего подхода придерживается О.В. Михайлов, который акцентирует внимание на «упорядочении нормативных правовых актов, приведении их в непротиворечивую, согласованную систему»[191], тем самым указывая на важность устранения внутренних противоречий нормативных актов.

---

[187] Гавашели Т.В. Систематизация законодательства как завершающая стадия правообразования / Т. В. Гавашели // Закон и право. – 2023. – № 11. – С. 23-26.

[188] См.: Пиголкин А. С. Теория государства и права: учебник под ред. А. С. Пиголкина. - Москва: Юрайт, 2005. 516 с.

[189] Там же.

[190] См.: Бабаев В.К. Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2014. 715 с.

[191] Михайлов О. В. Совершенствование нормативных правовых актов в процессе их систематизации: проблемы методологии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.).

В свою очередь, на целенаправленный характер систематизации указывают А.В. Малько и Д.А. Липинский, определяя систематизацию законодательства как «деятельность уполномоченных на то государственных органов, направленную на уточнение, совершенствование и упорядочение тех или иных правовых норм»[192]. В приведенном определении особенно важно указание на то, что систематизация законодательства является деятельностью государственных органов. В контексте настоящего исследования в качестве таких государственных органов мы рассматриваем суды высших инстанций - Верховный и Конституционный Суды РФ.

Ключевыми признаками систематизации законодательства являются упорядоченность, направленность на устранение противоречий и согласованность нормативных актов, а также институциональная и целенаправленная деятельность, способствующая созданию более логичной и эффективной системы законодательства.

В свою очередь, другие авторы дают более развернутое определение: «систематизация законодательства - это целенаправленное упорядочение форм выражения права, осуществляемое с целью устранения несогласованностей между нормами права, очистки правовой системы от устаревших правовых норм и установления новых норм, соответствующих достигнутому уровню развития общества»[193].

По мнению В.Н. Протасова, систематизация законодательства представляет собой деятельность по упорядочиванию и совершенствованию нормативного материала путем его внешней и внутренней обработки с целью поддержания системности законодательства[194].

Похожее определение систематизации законодательства предлагают В.В. Лазарев и С.В. Липень: «под систематизацией законодательства следует

---

[192] Теория государства и права: учебник / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М.: Проспект, 2014. С. 191

[193] (Общая теория государства и права / Отв. ред. В. С. Петров, Л. С. Явич. Л., 1974. Т.2. С. 285.)

[194] См.: Протасов, В. Н. Теория государства и права: учебное пособие для вузов / В. Н. Протасов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 192 с.

понимать деятельность по упорядочению и совершенствованию законодательства, приведению его в определенную систему путем составления единых нормативных правовых актов и сборников»[195].

Обратимся также к определению рассматриваемого понятия, которое содержалось в п. 1.4.1. Инструкции о порядке ведения фондов правовой информации в системе Судебного департамента, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 января 2001 г. № 10 (документ утратил силу в связи с изданием приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 23 апреля 2021 г. № 90): «систематизация законодательства - это упорядочение нормативных правовых актов, приведение их в согласованную, взаимоувязанную систему по отраслям законодательства, позволяющую провести максимально полный учет нормативных актов в целях информирования заинтересованных лиц о действующих правовых нормах».

В приведенных дефинициях акцентируется внимание на основных характеристиках систематизации законодательства: это целенаправленный процесс упорядочивания и совершенствования правовых норм. Однако в них отсутствует четкое определение форм, субъектов и целей систематизации, что снижает ее практическую значимость. Для более глубокого понимания концепции систематизации законодательства важно учитывать как ее сущностные характеристики (упорядочивание и переработка норм), так и ключевые цели - приведение норм в соответствие с единством правового регулирования.

В качестве одной из целей систематизации законодательства А. С. Пиголкин указывает «повышение эффективности правотворческой деятельности путем устранения пробелов, противоречий и коллизий, отмены устаревших, не применяющихся норм права»[196].

Безусловно, как и в случае с унификацией законодательства, объектом систематизации законодательства является норма права.

---

[195] См.: Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 521 с.
[196] См.: Пиголкин А.С. Указ. соч. С. 244.

В научной литературе выделяются три основные формы систематизации законодательства: инкорпорация, консолидация и кодификация. Реже в качестве четвертой формы систематизации законодательства упоминается учет.

Инкорпорация - это форма систематизации законодательства, посредством которой, прежде всего, осуществляется объединение нормативных актов определенного уровня без внесения изменений в их содержание (за исключением внесенных законодателем изменений и дополнений) в определенном порядке (хронологическом, алфавитном, системно-предметном)[197].

Среди видов инкорпорации выделяют официальную и неофициальную[198].

При консолидации два или более нормативно-правовых акта, имеющих один предмет правового регулирования, объединяются в единый нормативный акт (без изменения их содержания)[199].

Такая форма систематизации, как учет, представляет собой процесс использования, структурирования и хранения нормативных актов в единой системе [200] . Ярким примером учета законодательства является создание справочно-правовых систем, в которых в определенном порядке сгруппированы и систематизированы нормативные акты различных уровней. Учет направлен на обеспечение полной и достоверной информации о нормативных правовых актах, действующих в определенной правовой системе. Его главной целью является фиксация, регистрация и упорядочение нормативных правовых актов без изменения их содержания, что упрощает их поиск, анализ и применение. Учет, в отличие от других форм систематизации, таких как кодификация или консолидация, не изменяет содержание нормативных актов, а лишь фиксирует их существование и правовой статус. Это процесс технического характера, который включает сбор, регистрацию и обновление информации о нормативных правовых

---

[197] См.: Теория государства и права: учеб. / А. В. Мелехин. - М. : Маркет ДС, 2007. - 640 с.
[198] См.: Там же.
[199] См.: Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Финансовый контроль, 2004 – 410 с.
[200] Абрамова А.И., Рахманина Т.Н. Классификатор правовых актов и вопросы упорядочения законодательства. // А.И. Абрамов. Журнал российского права, 2003. № 7. С. 62-71.

актах, в том числе данные о времени их принятия, вступлении в силу, изменении или утрате юридической силы.

Основным результатом учета является создание специальных учетных систем, таких как реестры, перечни или каталоги нормативных актов. Эти системы упрощают доступ к правовым документам, повышают прозрачность законодательства и облегчают правоприменение.

Самой масштабной формой систематизации законодательства является кодификация, то есть деятельность нормотворческих органов государственной власти, направленная на создание нового нормативно-правового акта, призванного регулировать определенные общественные отношения[201].

Еще Г.Ф. Гегель отмечал перспективы кодификации законодательства, указывая на «наличное содержание законов в его определенной общности»[202]. Н.М. Коркунов в своих лекциях по общей теории права обосновывал, что кодификация не ограничивается лишь изменением формы; она также обеспечивает систематическое объединение и содержание норм[203].

При кодификации нормы права могут быть видоизменены и консолидированы в единый кодифицированный акт. Среди видов кодификации в теории права выделяют всеобщую, отраслевую и специальную (комплексную).

В контексте настоящего исследования мы остановимся более подробно на изучении влияния судебной практики на систематизацию законодательства.

Понятие систематизации законодательства посредством судебной практики можно определить как *деятельность законодательных органов и судов высших инстанций, направленная на упорядочение, изменение и структурирование правовых норм путем их толкования и конкретизации.*

Данное понятие основывается на следующих признаках:

1) **деятельность государственных органов.** Систематизация законодательства является совместной деятельностью государственных органов

---

[201] См.: Там же.
[202] Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 248-249
[203] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб. 1893. – С. 305).

(законодательных органов и судов высших инстанций), результатом которой является формулирование предложений по систематизации законодательства как посредством законотворческой инициативы судов высших инстанций, так и путем самостоятельной аналитической деятельности законодательного органа;

2) **толкование и конкретизация норм.** Ключевым элементом систематизации законодательства является толкование правовых норм, отраженное в правоприменительных актах судебных органов. С его помощью возможно выявление и устранение неопределенности и противоречивости правовых норм;

3) **упорядочение и структурирование.** Систематизация законодательства направлена на устранение противоречий правовых норм в целях создания структурированного и согласованного нормативного акта;

4) **изменение содержания правовых норм.** Изменение содержания правовых норм происходит исключительно после принятия нового нормативного акта, устраняющего недостатки действующих правовых норм.

Вышеизложенные признаки отражают сущность и цель систематизации законодательства посредством судебной практики, подчеркивая ее роль в развитии и гармонизации правовой системы.

Следует отметить еще одну важную особенность: судебная практика закладывает основу для последующей кодификации и консолидации законодательства. Когда накапливается значительный опыт разрешения схожих дел, становится ясно, какие нормы работают согласованно, а какие противоречат друг другу. Обобщая этот опыт, законодатель получает целостное видение отрасли и может, например, объединить разрозненные нормы в единый кодифицированный акт, устранить дублирование или логические нестыковки. Суды фактически указывают, какие структурные изменения назрели в системе нормативных правовых актов. Наконец, анализ судебной практики позволяет прогнозировать направления развития законодательства (прогностическая функция). На основе судебной статистики выявляются новые типы правовых

конфликтов, возникающие, скажем, в сфере цифровых технологий, оборота криптовалют, генных исследований и т.п., где закон еще не успел отреагировать. Суды, применяя по аналогии общие принципы права, намечают вектор, в котором следует действовать законодателю. Таким образом, судебная практика не только корректирует действующие нормы, но и служит прообразом систематизации будущих законодательных изменений, подсвечивая законодательной власти наиболее актуальные проблемы и пути их решения.

Систематизация законодательства РФ является необходимым шагом в условиях перегруженности нормативной базы, которая характеризуется большим количеством нормативных актов, зачастую противоречивых и устаревших. В современном правовом поле РФ существует значительное количество нормативных актов, дублирующих регулирование одного и того же круга общественных отношений. Это порождает юридическую неопределенность, затрудняет правоприменение и снижает эффективность правового регулирования. Кроме того, большой объем законодательства усложняет его восприятие не только юристами, но и гражданами, что нарушает принцип доступности правосудия и право граждан на судебную защиту.

Как отметил В. Н. Синюков, законодательство является системой, однако без наличия стратегии даже кодифицированные нормативные правовые акты превращаются в механическую массу[204].

Опыт европейских стран подтверждает, что систематизация внутреннего законодательства является важным инструментом повышения качества правового регулирования. Например, в Германии систематизация законодательства основывается на глубокой систематизационной (кодификационной) традиции. Германский гражданский кодекс (Bürgerliches Gesetzbuch), принятый в 1900 году, остается примером успешной кодификации. Современная практика систематизации включает регулярное внесение изменений в действующее

[204] Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография /М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 413.

законодательство и замену устаревших норм на более прогрессивные. Этот подход позволяет обеспечить стабильность правового регулирования при одновременной адаптации к изменяющимся общественным отношениям.

В Италии активно проводится консолидация правовых актов с целью устранения их дублирования и повышения прозрачности законодательства. Примером может служить унификация актов в области налогового и трудового права. Аналогичный процесс наблюдается в Испании, где законодательная база обновляется посредством регулярного пересмотра кодифицированных актов.

В Скандинавских странах (Швеция, Норвегия) систематизация законодательства проводится преимущественно в отраслях, наиболее подверженных изменениям, таких как экологическое право и право социального обеспечения. Акцент делается на простоте и доступности законодательства для граждан.

В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет методика систематизации законодательства во Франции.

Во Франции систематизация законодательства также имеет долгую историю, начавшуюся с Наполеоновского гражданского кодекса в начале XIX века. Сегодня Франция активно применяет механизмы консолидации норм, в том числе через цифровизацию законодательства. Создание онлайн-платформ, таких как Légifrance, упрощает доступ к актуальным нормативным актам, что особенно важно для правоприменительной практики. Онлайн-платформа Légifrance (официальный интернет-ресурс французского законодательства) создана для обеспечения доступа к актуальным нормативным правовым актам, судебным решениям, а также международным соглашениям.

Légifrance предоставляет пользователям структурированную и централизованную базу данных, включающую кодифицированные нормативные акты (например, Гражданский кодекс, Торговый кодекс), а также некодифицированные законы и подзаконные акты. Это позволяет юристам,

представителям бизнеса и гражданам быстро находить необходимую информацию.

В рамках цифровой систематизации во Франции осуществляется постоянное обновление правовых текстов. Изменения вносятся в автоматизированном режиме сразу после их официального опубликования. Это позволяет избежать несоответствий между различными версиями одного и того же акта.

Все акты на платформе содержат ссылки на их исторические версии, что упрощает анализ изменений в правовом регулировании.

Вместе с тем Légifrance включает интеграцию судебных решений, которые оказывают значительное влияние на толкование и применение норм права. Например, решения Кассационного суда, Государственного совета (Conseil d'État) и Конституционного совета публикуются вместе с комментариями и ссылками на соответствующие нормативные акты.

На первый взгляд, российские правовые системы (такие как «Консультант Плюс», «Гарант», «Кодекс»), а также цифровые платформы «Case Book», «Case look» имеют тот же функционал, что и французская платформа Légifrance. Однако в контексте систематизации законодательства цифровые технологии Légifrance значительно опережают российские аналоги.

Так, платформа Légifrance способствует процессу консолидации и кодификации за счет объединения актов, регулирующих одну и ту же сферу, в структурированные разделы. Кодифицированные тексты на Légifrance оснащены удобной навигацией, что облегчает восприятие сложных нормативных массивов. В настоящее время в данную систему активно внедряются технологии искусственного интеллекта для анализа законодательства. Эти технологии помогают выявлять дублирующиеся или противоречивые нормы, предлагают решения для их устранения и способствуют созданию унифицированных и систематизированных правовых текстов.

Автоматизированные системы анализа данных позволяют прогнозировать возможные правовые коллизии и предлагают правоприменителям оптимальные подходы к их разрешению.

Основными преимуществами цифровой систематизации во Франции являются:

- повышение правовой определенности и устранение дублирования нормативных актов;

- сокращение временных и финансовых затрат на поиск актуальной правовой информации;

- усиление связи между законодательством и судебной практикой, что делает правовое регулирование более предсказуемым;

- обеспечение быстрой адаптации законодательства к изменениям в правовом и общественном контексте.

Таким образом, необходимость систематизации законодательства в РФ обусловлена не только количеством нормативных актов, но и необходимостью повышения их качества и доступности. Опыт европейских стран свидетельствует, что систематизация законодательства может осуществляться с использованием различных методов - от кодификации до цифровизации. Создание и применение данных подходов в правовой системе РФ позволит обеспечить более эффективное и стабильное законодательное регулирование, способное оперативно реагировать на вызовы современности.

На сегодняшний день в системе Верховного Суда РФ функционирует Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ. В рамках осуществления своей деятельности Управление, помимо прочего, принимает участие в подготовке предложений по

совершенствованию законодательства и разработке законопроектов, вносимых Верховным Судом в порядке законодательной инициативы[205].

Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ по вопросам своего ведения обладают правом законодательной инициативы в соответствии со статьей 104 Конституции РФ.

Анализ законотворческих инициатив Верховного Суда РФ, выразившихся в принятии соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ о внесении на рассмотрение в Государственную Думу РФ проекта закона, позволил выявить определенную последовательность в участии суда высшей инстанции в процессе систематизации законодательства.

Так, с 1998 г. Верховным Судом РФ в Государственную Думу РФ было направлено 160 постановлений Пленума Верховного Суда РФ о внесении на рассмотрение Государственной Думы РФ проектов законов.

Из них 89 прошли все стадии чтений и были реализованы посредством принятия соответствующих законов.

Для целей настоящего исследования необходимо разделить данные проекты законов на отдельные категории: материальные, процессуальные, структурно-организационные и иные.

В качестве материальных мы рассматриваем проекты законов, касающиеся внесения изменений в материальное право. Из 89 проектов законов 18 проектов относятся к этой категории.

Аналогичным образом мы рассматриваем процессуальные проекты законов: 38 из них касаются внесения изменений в процессуальное законодательство.

Структурно-организационные проекты законов касаются вопросов функционирования судебной системы в РФ. Всего таких проектов 24.

---

[205] Регламент Верховного Суда Российской Федерации. Утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 2.

И, наконец, иные проекты законов, направленные на установление дополнительных гарантий для федеральных и мировых судей. Их около 10.

Из общего количества проектов законов порядка 20 законопроектов были направлены на систематизацию российского законодательства.

На основе проведенного анализа можно выделить новые, ранее не упомянутые в научной литературе направления использования судебной практики для систематизации законодательства: прямое и косвенное использование. Данные категории позволяют более активно задействовать потенциал судебной практики для упорядочивания и оптимизации нормативной базы.

Прямое использование судебной практики для систематизации законодательства. Суть данного подхода заключается в непосредственном участии Верховного Суда Российской Федерации в процессе законодательной инициативы. Верховный Суд РФ, анализируя проблемные аспекты правоприменения и выявляя коллизии в правовых актах, вносит в Государственную Думу проекты законов, направленные на систематизацию законодательства. Правовой основой данной деятельности является статья 104 Конституции РФ, в соответствии с которой Верховному Суду РФ предоставлено право законодательной инициативы.

Прямое использование судебной практики отражает концепцию активного участия высшей судебной инстанции в совершенствовании законодательства. Верховный Суд РФ, обладая полномочиями по обобщению судебной практики, выявляет повторяющиеся правоприменительные проблемы, которые зачастую связаны с:

- пробелами в законодательстве, вызывающими сложности в толковании норм;

- коллизиями между нормативными актами;

- избыточным регулированием отдельных сфер общественных отношений.

Законодательные инициативы, основанные на анализе судебной практики, способствуют оперативному устранению указанных недостатков и формированию стабильной и внутренне согласованной системы права.

Примером может служить участие Верховного Суда в разработке проектов законов, касающихся процессуального права, где систематизация норм способствует упрощению и унификации судебных процедур.

Косвенное использование судебной практики для систематизации законодательства предполагает, что законодатель (Государственная Дума РФ) учитывает анализ судебной практики при разработке законопроектов, направленных на систематизацию законодательства. В этом случае судебная практика становится источником информации для выявления недостатков в правовом регулировании и создания новых нормативных актов.

Косвенное использование судебной практики для систематизации законодательства основывается на идее диалога между ветвями власти, при котором судебная власть предоставляет законодательному органу эмпирический материал для анализа. Судебная практика, отражая реальные правоприменительные проблемы, становится своего рода индикатором несовершенства законодательства. Государственная Дума, опираясь на эти данные, может:

- инициировать консолидацию нормативных актов, если судебная практика выявляет их избыточное количество;

- предложить кодификацию, если анализ судебных споров указывает на необходимость создания единого акта в конкретной сфере;

- уточнить или переработать формулировки норм, вызывающих неоднозначное толкование.

Законодательные акты, созданные с учетом анализа судебной практики, становятся более адаптированными к реалиям правоприменения.

Проекты законов, разработанные на основе судебной практики, способствуют снижению количества споров, возникающих из-за неопределенности норм.

Примером такого подхода может служить внесение изменений в АПК РФ и ГПК РФ.

Критерий	**Прямое использование**	**Косвенное использование**
Субъект законодательной инициативы	Верховный Суд РФ	Государственная Дума РФ
Способ систематизации	Прямое внесение законопроекта	Учет судебной практики
Результат	Конкретные законодательные инициативы	Формирование проектов законов, выносимых на обсуждение
Скорость реализации	Более оперативная	Зависит от законодателя

Оба направления, «прямое» и «косвенное», подчеркивают важность судебной практики как инструмента систематизации законодательства. Прямое использование позволяет активно вовлекать судебную власть в процесс законотворчества, обеспечивая оперативное реагирование на правовые проблемы. Косвенное использование способствует гармонизации законодательства с реальными потребностями общества, укрепляя его функциональность и внутреннюю согласованность.

Эти направления создают предпосылки для формирования более адаптивной и согласованной правовой базы, способной эффективно реагировать на вызовы современного общества.

Вместе с тем, данные направления систематизации законодательства основываются на ряде правовых принципов, которые обеспечивают их теоретическое и практическое обоснование, а также создают условия для их

эффективного применения. Каждый из принципов выполняет специфическую функцию и способствует гармонизации законодательного и правоприменительного процессов.

1. *Принцип законности.* Законодательные инициативы судов высших инстанций не должны противоречить действующим нормам, особенно конституционным.

2. *Принцип взаимосвязи законодательной и судебной власти.* Данный принцип предполагает, что законодательная и судебная ветви власти в процессе рассмотрения проектов законов действуют согласованно в рамках единой цели - совершенствования законодательства. Закрепленное Конституцией РФ право Верховного Суда на законодательную инициативу реализуется как инструмент взаимодействия между ветвями власти, что способствует гармонизации нормативной базы с реальными потребностями правоприменения.

3. *Принцип юридической определенности.* Данный принцип направлен на обеспечение ясности и предсказуемости норм права. Верховный Суд РФ, используя обобщение судебной практики, предлагает инициативы, которые устраняют правовые неопределенности и способствуют единообразию правоприменения. Прямое участие Верховного Суда РФ в разработке проектов законов позволяет создавать нормы, четко регламентирующие общественные отношения, что снижает вероятность возникновения правоприменительных ошибок.

4. *Принцип оперативности законотворчества.* Данный принцип подчеркивает важность быстрого реагирования на изменения в правоприменении и устранение законодательных пробелов. Верховный Суд, как субъект законодательной инициативы, обеспечивает оперативное внесение предложений по совершенствованию законодательства. Судебная практика позволяет оперативно выявлять проблемы в правовом регулировании, а право на законодательную инициативу обеспечивает их быстрое разрешение.

Эти принципы создают методологическую основу для использования судебной практики в качестве инструмента систематизации законодательства, делая правовую систему более адаптивной, устойчивой и способной отвечать вызовам современности.

Вместе с тем, в настоящее время теоретические исследования не содержат положений относительно существующих форм влияния судебной практики на развитие законодательства. В связи с этим, необходимо подробно рассмотреть данный вопрос в контексте настоящего исследования.

Формы влияния судебной практики на законодательство весьма разнообразны. Такие формы можно подразделить на официальные и неофициальные, в зависимости от того, осуществляется ли влияние через формально установленные механизмы и полномочия судов либо такое влияние носит характер экспертно-консультативного или коммуникационного воздействия. Далее в работе будут рассмотрены как конкретные проявления этих форм (научно-консультативные советы, обобщение судебной практики, запросы в Конституционный Суд РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, правовые позиции в судебных актах, публичные доклады и др.), так и авторская классификация, отражающая сущностные критерии их разграничения.

Официальными мы будем считать такие формы влияния, которые прямо вытекают из предусмотренных законом полномочий судебной власти или реализуются через ее институциональные органы. В российской правовой системе судебные органы наделены рядом инструментов, позволяющих им официально участвовать в законотворческом процессе. К официальным формам относятся следующие:

1. **Право законодательной инициативы судов.** Согласно Конституции РФ (ст. 104), Верховный Суд Российской Федерации обладает правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения. Это означает, что высший судебный орган может вносить в парламент проекты законов, затрагивающих судебную систему, процессуальное право и иные аспекты,

относящиеся к сфере судопроизводства. Данное полномочие не остается сугубо теоретическим, поскольку на практике Верховный Суд регулярно им пользуется. Так, при непосредственном участии Верховного Суда РФ был подготовлен и внесен в Государственную Думу проект федерального закона о внедрении электронного документооборота в делах об административных правонарушениях [206]. В докладе за 2024 год руководство Верховного Суда отметило, что целый ряд инициатив, подготовленных Верховным Судом (в частности, в русле гуманизации уголовного законодательства), были реализованы законодателем [207]. Таким образом, посредством реализации права законодательной инициативы судебная власть напрямую участвует в процессе совершенствования нормативной базы, предлагая изменения и дополнения в законы.

2. Нормативно-разъяснительная деятельность Верховного Суда (постановления Пленума Верховного Суда РФ). Пленум Верховного Суда РФ уполномочен официально разъяснять судам общие вопросы применения законодательства. Постановления Пленума не являются законами, однако обладают де-факто нормативным авторитетом, обязательны для нижестоящих судов и зачастую предопределяют единообразное толкование правовых норм. Эта руководящая судебная практика выполняет двойную функцию: с одной стороны, обеспечивает единообразие правоприменения, с другой - выявляет недостатки закона и побуждает законодателя к их устранению. Как отмечалось в литературе, разъяснения Пленума Верховного Суда в ряде случаев восполняют пробелы и преодолевают дефекты правовых норм, способствуя развитию правовой системы[208]. Например, пункт 7 Постановления Пленума ВС РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел,

[206] См.: «Ирина Подносова об итогах работы судебной власти за истекший год, планах и перспективах». Электронный ресурс [https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/vexisz7kr1-irina-podnosova-ob-itogah-raboti-sudebno#:~:text]. Дата обращения 02.09.2025 г.
[207] Там же.
[208] Гук П. А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex Russica. - 2016. - № 7 (116).

связанных со взысканием алиментов» разъяснил неопределенные положения Семейного кодекса - в частности, какие лица относятся к нетрудоспособным совершеннолетним, имеющим право на алименты, и что понимать под «недостойным поведением супруга». Подобные разъяснения фактически выполняют роль нормотворчества: заполняя пробелы законодательства, Верховный Суд задает ориентиры, которыми впоследствии нередко руководствуется и законодатель при внесении поправок. Не случайно в науке высказывается мнение, что правовые позиции, выработанные и официально закрепленные Верховным Судом, представляют собой особую форму его участия в законотворчестве.

3. Обобщение судебной практики и официальные отчеты судов. Еще одной официальной формой воздействия является деятельность судов (преимущественно Верховного Суда) по анализу и обобщению судебной практики. Результаты таких обобщений нередко оформляются в виде обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда и публикуемых для всеобщего сведения. В этих обзорах высший суд систематизирует типичные ошибки и проблемы применения законодательства, тем самым указывая законодателю на узкие места правового регулирования. Более того, Пленум Верховного Суда в рамках своих полномочий рассматривает материалы анализа судебной практики и на их основе принимает постановления с разъяснениями для судов. Официальные ежегодные доклады о работе судебной системы также относятся к этой форме. Например, в выступлении Председателя Верховного Суда РФ на заседании Совета судей было подчеркнуто, что работа по совершенствованию законодательства - одно из приоритетных направлений деятельности, и указано на конкретные подготовленные Судом законопроекты в процессуальной сфере. Подобные публичные отчеты и обзоры, хотя напрямую не

изменяют нормы права, официально фиксируют позицию судебной власти относительно необходимых реформ, становясь ориентиром для законодателя[209].

4. Обращения судов в Конституционный Суд РФ. Важным конституционным механизмом влияния является право судов инициировать абстрактный нормоконтроль. Согласно ч.4 ст.125 Конституции РФ, любой суд общей юрисдикции или арбитражный суд, усмотрев противоречие между применимым в деле законом и Конституцией, вправе приостановить производство по делу и направить запрос в Конституционный Суд о проверке конституционности данной нормы. Если Конституционный Суд по итогам рассмотрения признает закон противоречащим Конституции, соответствующее положение утрачивает силу - а это прямо побуждает законодателя устранить выявленную несоразмерность или пробел. Можно привести показательный пример: Постановлением Конституционного Суда РФ от 12.03.2024 г. № 10-П был выявлен конституционно значимый пробел в законе о финансовом уполномоченном, касающийся судьбы уплаченной заявителем платы при прекращении рассмотрения обращения по формальным основаниям. Конституционный Суд признал отсутствие соответствующих норм неконституционным и обязал федерального законодателя внести изменения в закон не позднее определенного срока (1 марта 2025 года)[210]. По сути, судебная практика в лице Конституционного Суда исправила недостаток закона, а парламент получил императивное указание скорректировать законодательство. Данный случай демонстрирует прямое официальное влияние судебной власти на содержание нормативных актов.

---

[209] См. Доклад Председателя Верховного Суда РФ Ирины Подносовой о работе за 2024 год. Электронный ресурс [https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/vexisz7kr1-irina-podnosova-ob-itogah-raboti-sudebno#:~:text]. Дата обращения 02.09.2025 г.

[210] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2024 N 10-П "По делу о проверке конституционности частей 4 и 5 статьи 9, части 6 статьи 16, частей 1 и 4 статьи 18, частей 1, 2 и 11 статьи 20 Федерального закона "Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг" в связи с жалобой гражданки Ю.Д. Бронниковой" // «Собрание законодательства РФ», 18.03.2024, N 12, ст. 1670.

5. Научно-консультативные советы при судах. При судебных органах действуют научно-консультативные советы (НКС) - совещательные органы, призванные объединить практический опыт судей и научную экспертизу для совершенствования правовой системы.

Так, Федеральный Конституционный Закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ» устанавливает, что при Верховном Суде в качестве совещательного органа действует НКС, а его состав утверждается Пленумом Верховного Суда. Организация и порядок работы этого совета определяются Положением, утверждаемым Пленумом Верховного Суда. В развитие данного закона Пленум Верховного Суда РФ 7 августа 2014 г. принял Постановление № 8, утвердившее «Положение о Научно-консультативном совете при Верховном Суде РФ», в котором детально расписаны задачи, структура и компетенция данного органа. В частности, Положение подтверждает, что НКС действует на основе упомянутого федерального конституционного закона и Регламента Верховного Суда РФ, а основная его задача - подготовка научно обоснованных рекомендаций по ключевым вопросам судебной практики, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства (статья 2). Тем самым законодательно закреплена роль НКС как механизма экспертного сопровождения правосудия и правотворчества.

Аналогичные нормы существуют и для других высших судебных органов. Конституционный Суд РФ также наделен правом создавать при себе научно-консультативный совет. Еще Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» 1991 года предусматривал образование НКС из числа ученых и практикующих юристов, с утверждением его состава и положения самим Конституционным Судом. В действующей редакции Регламента Конституционного Суда РФ сохранено это положение: при Конституционном Суде действует научно-консультативный совет, включающий авторитетных специалистов, основная задача которого - обсуждение сложных проблем, возникающих в деятельности КС, и выработка рекомендаций по ним; состав, функции и порядок деятельности

этого совета утверждаются решением самого Конституционного Суда. Таким образом, Конституционный Суд самостоятельно определяет регламент НКС, исходя из потребностей конституционного правосудия.

Отдельно следует отметить арбитражные суды. До объединения высших судебных инстанций в 2014 году действовал Высший Арбитражный Суд РФ (ВАС), при котором также существовал НКС на основании прямого указания закона. В Федеральном конституционном законе от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ» содержалась норма, что для подготовки научно обоснованных рекомендаций по вопросам практики применения законов и разработки предложений по их совершенствованию при ВАС РФ действует научно-консультативный совет. Состав этого совета и Положение о нем утверждались Председателем ВАС РФ. После упразднения ВАС его функции перешли к Верховному Суду, и ныне НКС ВС курирует вопросы различных отраслей права (в структуре НКС ВС имеются секции по гражданскому, уголовному, административному праву и т.д.).

Кроме высших судебных органов, научно-консультативные советы могут создаваться и при других судах. Региональные суды - например, верховные суды республик, краевые и областные суды, арбитражные суды округов и субъектов РФ также вправе формировать собственные НКС. Верховный Суд РФ оказывает им методическую помощь в организации этой работы. Практика показывает, что во многих крупных судах такие советы действуют на постоянной основе.

Их состав формируется из наиболее опытных судей соответствующего суда и приглашенных известных ученых-правоведов по профилю.

Нормативной основой деятельности таких советов на уровне субъектов обычно служат распоряжения председателя соответствующего суда или решения президиума суда, утверждающие положение о НКС и его персональный состав. Таким образом, к настоящему времени сложилась разветвленная система НКС при судах различных уровней, действующих на основании как федеральных нормативных актов, так и внутренних регламентов судов.

Научно-консультативный совет при Верховном Суде РФ, в состав которого входят судьи, ученые-юристы, представители правоприменительных органов, занимается подготовкой научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики[211].

Эти рекомендации используются, в частности, при разработке проектов постановлений Пленума Верховного Суда и обобщении судебной практики. Кроме того, одной из задач НКС является выработка предложений по совершенствованию законодательства: данный орган вносит предложения по изменению законов на основании выявленных проблем правоприменения. Несмотря на то, что заключения НКС не имеют обязательной силы, они рассматриваются Пленумом ВС РФ и могут трансформироваться в официальные инициативы. Таким образом, научно-консультативные советы обеспечивают связь между судебной практикой, юридической наукой и законотворчеством.

Перечисленные официальные формы свидетельствуют о многообразии каналов, через которые судебная практика институционально взаимодействует с законодательной властью. Благодаря им судебная система не только применяет закон, но и активно участвует в его развитии: либо прямо - через инициативы и решения, обязательные для исполнения, либо косвенно - через разъяснения, рекомендации и аналитику.

Под неофициальными формами влияния подразумеваются такие способы воздействия судебной практики на законодательство, которые не закреплены прямым нормативным предписанием, а основаны на авторитете судебной власти, ее коммуникационной роли и способности формировать правопонимание. Если официальные формы - это своего рода «формальные каналы» влияния, то неофициальные - это «каналы неформального воздействия», проявляющиеся в правовых позициях судов, профессиональном диалоге и общественном обсуждении. Рассмотрим основные из них.

---

[211] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 8 (ред. от 03.10.2017) «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 10, 2014.

1. Правовые позиции в судебных актах. Каждое судебное решение высшей судебной инстанции содержит определенную интерпретацию закона - правовую позицию, которая выходит за рамки конкретного дела и может иметь общее значение. Такие правовые позиции, выработанные, например, в постановлениях Пленума ВС или в решениях Конституционного Суда, нередко подсвечивают несовершенства законодательства. Если определенная правовая позиция последовательно повторяется в актах высших судов, она формирует устойчивую линию толкования, которую законодатель не может игнорировать. В долгосрочной перспективе такие позиции способны подтолкнуть законодателя к изменению нормы либо к ее более четкому формулированию. В юридической науке отмечается, что правовые позиции Верховного Суда, отраженные в его актах, выполняют ориентирующую функцию для правотворчества, и некоторые авторы даже предлагают их кодифицировать как особую форму участия суда в нормотворчестве[212].

2. Экспертно-консультативное участие судей в законотворчестве (вне рамок официальной инициативы). Судьи, особенно судьи высших судов, обладают высокой квалификацией и практическим опытом применения законов. Это позволяет им выступать в роли экспертов при подготовке новых законопроектов или поправок. Неформально это влияние реализуется через участие представителей судебной системы в рабочих группах при законодательных органах и министерствах, через дачу экспертных заключений на проекты законов, обсуждение законодательных новаций на научно-практических конференциях. Например, члены Научно-консультативного совета или действующие судьи могут привлекаться к работе над проектами законов, и хотя их вклад не оформлен как официальная инициатива суда, он существенно влияет на окончательную редакцию законопроекта. Подобная деятельность носит

---

[212] См.: Баранов В. М. Кодификация правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации: сущность, необходимость, перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 13–15, 19. DOI: 10.36511/2078-5356-2023-1-12-27. URL: https://namvd.editorum.ru/ru/nauka/article/58389/view (дата обращения: 20.03.2024).

коммуникационный характер: судейское сообщество доносит до законодателя информацию о практических последствиях тех или иных норм, делясь профессиональным видением необходимых реформ. Такая коммуникация может происходить как в рамках официальных мероприятий (круглых столов, парламентских слушаний), так и через публикации в юридической прессе. В результате законодатель получает от судебной практики обратную связь, что позволяет корректировать законопроекты еще на стадии их разработки. Неофициальность данной формы влияния состоит в том, что она опирается не на юридическую обязанность законодателя советоваться с судами, а на понимание ценности такого совета.

3. Публичные обращения и доклады представителей судебной власти. Руководители судебной системы (Председатель Верховного Суда, Председатель Конституционного Суда, председатели судов субъектов федерации) нередко используют публичные выступления для транслирования сигналов законодателю и обществу о назревших проблемах правового регулирования. Такие выступления, будь то ежегодный доклад о деятельности судебной системы, отчет на съезде судей или интервью, позволяют донести до широкой аудитории (включая законодательные органы) позицию судейского сообщества относительно необходимых изменений в законодательстве. Примером может служить уже упомянутое выступление Председателя Верховного Суда РФ на пленуме Совета судей, где прямо указывается на приоритеты совершенствования процессуального законодательства и приводятся примеры законодательных инициатив Верховного Суда. Хотя подобные заявления не имеют статуса правового акта, они обладают значительной авторитетностью. Общественная огласка проблем судопроизводства побуждает законодателя реагировать быстрее: нередко после резонансных заявлений главы Верховного Суда профильные комитеты Государственной Думы активизируют работу над соответствующими законопроектами. Публичный дискурс, таким образом, служит катализатором

законодательных реформ, а судебная власть играет в нем роль авторитетного источника информации и инициатив.

Неофициальные формы влияния трудно поддаются количественной оценке, но их значение трудно переоценить. Они обеспечивают живую связь между судом и законодателем там, где не действуют жесткие институты. Через правовые позиции, экспертный диалог и общественную коммуникацию судебная практика формирует правовую среду, в которой зреют и реализуются законодательные решения.

Многообразие форм влияния судебной практики на законодательство требует их осмысления через призму определенных критериев. Предлагается следующая классификация, учитывающая характер и механизм влияния:

1. Прямое и опосредованное влияние. Данный критерий отражает степень непосредственности воздействия судебной практики на законодательный акт. Прямые формы - это те, которые ведут к изменению нормы права напрямую, почти сразу после соответствующего судебного акта или действия. К ним относятся, например, вынесение Конституционным Судом решения о неконституционности нормы (что влечет исключение этой нормы из правовой системы) либо официальное внесение Верховным Судом законопроекта в парламент. Здесь очевидным является механизм взаимодействия ветвей власти. Опосредованные формы - такие, при которых судебная практика воздействует на законодательство постепенно, через изменение правоприменительной практики, правосознания, накопление авторитета судебных позиций. Сюда можно отнести правовые позиции судов, которые со временем побуждают законодателя к реформам, или обсуждения на научно-консультативных советах, результаты которых перерастают в законодательные инициативы лишь спустя определенный период. Опосредованное влияние часто нелинейно: оно может включать стадию общественного резонанса (например, широкое обсуждение судебного дела, выявившего пробел в законе) и лишь затем воплощаться в виде проекта закона.

Тем не менее, оно играет системообразующую роль, создавая интеллектуальную и социальную базу для законодательных изменений.

2. Институциональные и коммуникационные формы. Ключевым является способ взаимодействия - через формальные институты или через информационно-коммуникативные каналы. Институциональные формы - это влияние, осуществляемое через специальные органы и процедуры. К ним относятся, прежде всего, постановления Пленума Верховного Суда (как институт разъяснения закона), запросы судов в Конституционный Суд, законодательная инициатива Верховного Суда, деятельность научно-консультативных советов при судах. Каждая из этих форм опирается на определенную институциональную структуру и регламент: например, Пленум Верховного Суда РФ действует в рамках своих полномочий в соответствии с законом, НКС функционирует по Положению, утвержденному Пленумом Верховного Суда РФ, запрос в Конституционный Суд РФ описан в законе о Конституционном Суде РФ и т.д. Институциональные формы характеризуются большей формальной легитимностью и предсказуемостью воздействия. Коммуникационные формы, напротив, реализуются через обмен информацией, идеями и позициями, без обязательной привязки к строгой процедуре. Это выступления судей, публикации, неформальные консультации, пресс-релизы и доклады, адресованные обществу и законодателю. Коммуникативное влияние может быть менее официальным, но зато более гибким и оперативным. Например, комментарий председателя суда о назревшей проблеме может немедленно привлечь внимание законодателя, тогда как ожидание институционального заключения заняло бы месяцы. Коммуникационные каналы позволяют судебной власти заявлять о проблемах законодательства напрямую общественности и другим ветвям власти.

3. Формальное и неформальное. В рамках данной классификации ключевым является юридическая сила (обязанность) адресата принять во внимание предложенные идеи. Формальные формы влияния - те, которые порождают юридически значимые последствия ex lege. Например, решение

Конституционного Суда РФ об утрате силы нормой обязывает законодателя устранить выявленное противоречие; постановление Пленума Верховного Суда РФ, хотя непосредственно не «меняет» текст закона, но обязательно для судов и фактически изменяет практику его применения, что приравнивается к нормативному воздействию. Неформальные формы - те, чье влияние носит рекомендательный или информационный характер. К ним относятся рекомендации научно-консультативных советов, открытые письма судейского сообщества, правовые позиции, не закрепленные официально в виде разъяснения, и т.п. Их сила зависит от убежденности и доверия: законодатель не обязан им следовать, но игнорировать их зачастую невозможно ввиду убедительности и общественной поддержки. Например, если все высшие суды в своих решениях указывают на определенный пробел, то формально это лишь мнение судебной власти, но фактически оно обладает impera ex conscientia - «императивом совести» для законодателя, который стремится сохранить согласованность правовой системы.

Важно подчеркнуть, что все рассмотренные формы, будь то официальные или неофициальные, прямые или опосредованные, преследуют единую цель: обеспечение эффективности, справедливости и своевременности правового регулирования. Судебная практика служит индикатором качества закона. Через официальные механизмы и неформальные каналы она сигнализирует о необходимости перемен, а порой самостоятельно временно компенсирует несовершенство норм до вмешательства законодателя.

Таким образом, теория права подтверждает: влияние судебной практики на совершенствование законодательства является объективной реальностью. Оно выражается в разных формах - от прямых законодательных инициатив до подразумеваемых правовых положений и в совокупности ведет к развитию правовой системы в соответствии с потребностями общества и принципами правосудия.

Официальная государственная политика Российской Федерации также ориентирована на структурирование и изменение действующих правовых актов посредством их систематизации. В соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 1 июля 2022 года № 202-рп было поручено создать межведомственную комиссию по реализации государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней[213]. В состав рабочей группы, в том числе, входят должностные лица, ответственные за направление систематизации законодательства в государственных органах (заместитель Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, исполняющий обязанности директора Департамента систематизации законодательства Минюста России (ответственный секретарь межведомственной рабочей группы)).

В 2023 году в рамках Петербургского международного юридического форума на сессии «Апробация подходов к систематизации правовых актов в современных условиях» были обсуждены технические и правовые вопросы систематизации законодательства[214]. Как отметил Д.С. Жуйков, в РФ назрела необходимость создания единой системы организации и учета правовых актов, в том числе, на уровне субъектов РФ. Была озвучена идея внедрения единого механизма планирования и реализации работы по упорядочению правовых норм, обеспечению терминологического единства и актуализации правового регулирования с учетом цифровых технологий.

С точки зрения теоретического обоснования существует необходимость разработки новой формы систематизации законодательства: «цифровизация». Данная форма систематизации предполагает использование цифровых

---

[213] Распоряжение Президента Российской Федерации от 01.07.2022 № 202-рп «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней». // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, дата обращения 05.01.2025 г.

[214] «В рамках ПМЮФ-2023 обсудили вопросы систематизации российского законодательства». Издательство «Адвокатская газета». Электронный ресурс: [https://www.advgazeta.ru/obiavleniya/poleznaya-informatciya/v-ramkakh-pmyuf-2023-obsudili-voprosy-sistematizatsii-rossiyskogo-zakonodatelstva/]. Дата обращения 11.01.2024.

технологий и искусственного интеллекта для анализа, упорядочивания и совершенствования нормативной базы с учетом актуальной судебной практики.

Важность внедрения искусственного интеллекта рассматривал А.Г. Борисов, по мнению которого одним из способов повышения качества правосудия является снижение судебной нагрузки посредством внедрения передовых технологий, в том числе искусственного интеллекта[215]. Конечно, внедрение технологии искусственного интеллекта имеет ряд особенностей, однако с учетом всех рисков, наряду со снижением нагрузки на аппарат суда при рассмотрении и разрешении дел, искусственный интеллект через системный алгоритм анализа большого массива информации способен выявлять недостатки правового регулирования, а в некоторых случаях предлагать решения для преодоления таких недостатков.

Создание и функционирование единой цифровой платформы для систематизации законодательства в Российской Федерации станут важным этапом в модернизации правовой системы. Такая платформа должна быть интегрирована с существующими государственными базами данных нормативных правовых актов, а также системами обобщения и систематизации судебной практики и нацелена на выполнение ключевых задач систематизации. Центральным элементом этой платформы станет искусственный интеллект, способный самостоятельно анализировать действующее законодательство и судебную практику, выявлять пробелы, противоречия и дублирующие нормы, а также предлагать способы их устранения.

Данная цифровая платформа должна обладать широкими аналитическими и систематизирующими функциями. Искусственный интеллект будет проводить комплексный анализ нормативных актов, учитывая не только их текстовую составляющую, но и контекст применения с учетом позиций судов высших инстанций и судебной практики.

---

[215] Борисов Г. А. Единообразие судебной практики: теоретические проблемы и институты их разрешения. Сиб. юрид. журн. 2017. № 4. С. 87.

Основные направления ее работы должны включать: анализ и выявление правовых коллизий; поиск правовых пробелов; формулирование предложений по консолидации и инкорпорации норм права; автоматизацию и актуализацию правовой базы; прогнозирование последствий изменений законодательства. Рассмотрим каждое из этих направлений.

Анализ и выявление правовых коллизий. Противоречия между нормами права различного уровня или их несоответствие общеправовым принципам станут объектом автоматической идентификации. Искусственный интеллект должен предлагать рекомендации для устранения выявленных проблем, которые могут быть использованы органами законодательной власти.

Поиск правовых пробелов. Платформа должна выявлять области правового регулирования, в которых отсутствуют необходимые нормы, а также предлагать рекомендации по их разработке.

Формулирование предложений по консолидации и инкорпорации норм права. Искусственный интеллект должен определять группы нормативных актов, регулирующих сходные правоотношения, и предлагать варианты их объединения или переработки с целью упрощения законодательства.

Автоматизация и актуализация правовой базы. Система должна отслеживать изменения в законодательстве и автоматически интегрировать их в базу данных, обеспечивая своевременное обновление и согласованность нормативных актов.

Прогнозирование последствий изменений законодательства. Искусственный интеллект сможет моделировать потенциальные последствия предлагаемых изменений, что позволит оценить их влияние на правоприменение и общественные отношения.

Относительно перспектив такой формы систематизации законодательства необходимо отметить, что цифровизация законодательства обладает значительным юридическим потенциалом.

Во-первых, она способствует повышению правовой определенности, устраняя правовые коллизии и дублирование норм.

Во-вторых, использование искусственного интеллекта позволяет существенно ускорить процесс систематизации, освобождая государственные органы от необходимости анализировать массивы нормативных актов, а также судебную практику.

В-третьих, платформа должна стать важным инструментом для обеспечения доступности законодательства, предоставляя пользователям структурированную и актуальную правовую информацию.

Кроме того, автоматизация систематизации законодательства укрепляет верховенство права. Искусственный интеллект будет действовать на основе четких алгоритмов и стандартов, исключающих субъективный подход или политическое влияние. Это особенно важно для обеспечения объективности и независимости процесса систематизации.

Создание и внедрение такой платформы требуют разработки нормативной базы, регулирующей ее функционирование. В первую очередь, необходимо законодательно закрепить ее правовой статус, определить порядок взаимодействия с органами государственной власти, а также установить правила использования результатов анализа, предложенных платформой. Не менее важно разработать этические принципы, исключающие дискриминацию или необоснованное искажение данных.

Теоретической основой цифровизации законодательства становится синтез подходов к систематизации законодательства и принципов цифровизации правовой сферы. Это сочетание традиционных юридических категорий и новейших технологий позволит создать новую модель управления нормативной базой, способную адаптироваться к вызовам современности.

Несмотря на очевидные преимущества, процесс цифровизации сталкивается с рядом вызовов. Одной из ключевых проблем является сложность программирования искусственного интеллекта для учета всех особенностей

правового регулирования и исключений из общих правил. Не менее важными являются вопросы защиты данных и предотвращения несанкционированного доступа к работе платформы. Также следует учитывать возможное сопротивление нововведениям со стороны части юридического сообщества, обусловленное необходимостью изменения устоявшихся подходов.

Цифровизация как новая форма систематизации законодательства открывает широкие перспективы для улучшения качества нормативной базы. Она позволяет значительно ускорить процессы анализа и упорядочения законодательства, делает правовую систему более прозрачной, согласованной и доступной. Реализация проекта по созданию цифровой платформы с использованием искусственного интеллекта станет важным шагом на пути модернизации правовой системы Российской Федерации, соответствуя требованиям времени и вызовам современной эпохи.

Нельзя не затронуть вопрос соотношения цифровизации и учета судебной практики. В юридической доктрине учет рассматривается как один из основных видов систематизации законодательства, представляющий собой регистрацию и консолидацию всех действующих нормативных актов без их юридико-технической обработки или изменения. Суть учета заключается в упорядочении правовых норм с целью обеспечения их доступности и удобства использования, однако он не затрагивает содержательный аспект законодательства, не анализирует коллизии и пробелы, а также не выявляет логические противоречия между нормами права. Учет сводится к информационной систематизации, при которой акты классифицируются, группируются и фиксируются в единой базе данных [216] . Однако данная форма систематизации не имеет механизмов правотворческой коррекции и не предполагает создания новых норм права.

В отличие от учета, цифровизация законодательства представляет собой принципиально новую форму систематизации, основанную на применении искусственного интеллекта для обработки, анализа и преобразования

[216] Тихомиров Ю.А. Юридическая систематизация в России, М.: Норма, 2020. С. 45–49

нормативного материала. В отличие от пассивного учета, который фиксирует нормативные правовые акты в неизменном виде, цифровизация носит активный, преобразующий характер, поскольку предполагает не просто регистрацию, но и автоматизированный анализ действующих правовых норм, выявление их несоответствий, пробелов и дублирующих положений.

Ключевым отличием цифровизации от учета является ее творческая функция, заключающаяся в возможности формирования новых нормативных решений. Искусственный интеллект, анализируя действующее законодательство, не только может выявлять его несогласованность, но и формировать обоснованные предложения по устранению выявленных недостатков. Это означает, что цифровизация выходит за рамки простой информационной классификации и переходит в сферу автоматизированного правотворчества, поскольку на основе алгоритмической обработки данных могут формироваться проекты законов, направленные на устранение пробелов и коллизий.

Суть цифровизации заключается в том, что искусственный интеллект проводит глубокий анализ правовой системы в реальном времени. Алгоритмы машинного обучения выявляют:

- нестыковки между различными нормативными актами, включая противоречия между кодифицированными актами;

- устаревшие положения, которые либо противоречат современной правоприменительной практике, либо утратили свою актуальность;

- пробелы и коллизии в законодательстве, где законодательство не регулирует определенные общественные отношения или создает неопределенность в правоприменении;

- избыточное дублирование норм, возникающее вследствие хаотичного внесения поправок в законодательство.

На основе выявленных недостатков искусственный интеллект сможет не только фиксировать проблемы, но и предлагать варианты их решения, формируя

проекты нормативных правовых актов с учетом анализа правоприменительной практики и международного опыта.

Таким образом, цифровизация законодательства принципиально отличается от учета не только методами обработки правовой информации, но и своими конечными целями. Если учет представляет собой пассивное накопление правового материала без изменений, то цифровизация выступает как активный механизм законодательного совершенствования, способствуя оперативной адаптации правовой системы к новым вызовам. Это качественно новый уровень систематизации законодательства, отвечающий требованиям цифровой эпохи.

За последние несколько лет развития цифрового права особую актуальность приобрело машиночитаемое право.

Машиночитаемое право - это формальное представление правовых норм на языке, понятном как человеку, так и машине, что позволяет автоматизировать процессы правоприменения и повысить эффективность юридической деятельности.

В 2021 году Правительственная комиссия по цифровому развитию утвердила Концепцию развития технологий машиночитаемого права, в которой машиночитаемое право определяется как один из эффективных способов непротиворечивого изложения правовых норм с целью повышения удобства правоприменения для государственных органов и иных участников правоотношений.

Согласно Концепции развития технологий машиночитаемого права, утвержденной Правительственной комиссией по цифровому развитию, машиночитаемое право определяется как основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке, включая языки программирования и разметки, а также технологии, обеспечивающие применение таких норм посредством соответствующих информационных систем и программного обеспечения.

Машиночитаемое право представляет собой изложение правовых норм на формальном языке, понятном как человеку, так и машине, что позволяет автоматизировать процессы правоприменения и повысить эффективность юридической деятельности. В условиях стремительной цифровизации различных сфер общества актуальность машиночитаемого права в России значительно возросла.

Актуальность внедрения машиночитаемого права обусловлена несколькими факторами:

1) рост объема нормативных актов. Увеличение количества правовых норм усложняет их применение и контроль за их соблюдением, что требует новых подходов к систематизации и анализу законодательства;

2) необходимость повышения эффективности правоприменения. Автоматизация процессов позволит снизить затраты времени и ресурсов на интерпретацию и применение норм права;

3) снижение риска ошибок и противоречий. Формализация правовых норм способствует выявлению и устранению коллизий и пробелов в законодательстве.

В этом контексте цифровизация законодательства, основанная на использовании искусственного интеллекта для систематизации и анализа правовых норм, вписывается в общую тенденцию развития машиночитаемого права в России. Применение технологий искусственного интеллекта позволяет не только консолидировать нормативные акты, но и проводить их интеллектуальную обработку, выявлять пробелы и противоречия, а также разрабатывать проекты новых законов, направленных на совершенствование правовой системы[217].

Машиночитаемое право активно развивается в рамках реализации Концепции развития технологий машиночитаемого права, которая определяет ключевые направления его внедрения.

---

[217] Концепция развития машиночитаемого права. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. Электронный ресурс: [https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf?utm_source=chatgpt.com]. Дата обращения 17.02.2025 г.

Цифровизация правового сектора уже получила широкое распространение, что подтверждается использованием аналитических платформ. В частности, российская компания «Megaputer Intelligence» разработала и внедрила аналитическую систему PolyAnalist, которая функционирует в формате no-code и предназначена для автоматизированного анализа данных и разметки документов.

Еще одним примером является роботизированный юридический помощник, созданный специалистами ПАО «СберБанк». Данный алгоритм успешно интегрирован в систему банка и выполняет проверку информации, подаваемой в правовой департамент, автоматически извлекает ключевые сведения из документов, а также составляет юридические заключения на основе заложенной базы правовых норм. По официальным данным, в течение последних девяти месяцев робот подготовил более 2,5 миллионов юридических заключений.

Компания «Мегафон» разработала инновационный сервис «Цифровой юрист», базирующийся на нейронных сетях и технологии распознавания символов. Одним из направлений его применения стало взаимодействие с различными цифровыми платформами, включая «Судебную платформу», которая автоматически формирует стандартные ответы на официальные запросы государственных структур.

Международная практика демонстрирует стремительное развитие технологий машиночитаемого права. Так, во Франции создана система OpenFisca, имеющая открытый исходный код и предназначенная для преобразования налогового законодательства и системы социальных льгот в машиночитаемый формат. Кроме того, французское правительство стимулирует цифровизацию налоговых норм, что позволило разработать специализированные симуляторы, помогающие гражданам разъяснять порядок налогообложения и принципы социальной защиты.

Перспективы машиночитаемого права в России включают автоматизацию процессов оформления сделок и внедрение технологий в административное судопроизводство. Один из важных шагов в этом направлении - разработка и

использование машиночитаемых доверенностей, регулируемых приказом ФНС России от 30 апреля 2021 г. № ЕД-7-26/445. Данный нормативный правовой акт устанавливает формат электронной доверенности, которая подтверждает полномочия представителя налогоплательщика и передается по телекоммуникационным каналам связи. Это открывает возможности для дальнейшей цифровизации документооборота и автоматизации юридически значимых действий.

Такая тенденция однозначно указывает на необходимость внедрения технологий искусственного интеллекта для систематизации российского законодательства. Цифровизация законодательства посредством искусственного интеллекта является важным этапом на пути к созданию машиночитаемого права в России, способствуя повышению эффективности и прозрачности правоприменительной практики.

Несмотря на различия в целях и методах, систематизация и унификация законодательства тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Оба процесса направлены на устранение хаотичности в правовой системе, создание непротиворечивой нормативной базы и обеспечение предсказуемости правоприменения. Судебная практика в этом контексте играет ключевую роль, выполняя одновременно функцию систематизации (за счет выявления правовых пробелов и коллизий) и функцию унификации (путем формирования единообразного подхода к толкованию и применению норм права).

Систематизация законодательства РФ с помощью судебной практики является необходимым шагом в условиях перегруженности нормативной правовой базы, которая характеризуется большим количеством актов.

Унификация, специализация и систематизация законодательства с использованием судебной практики позволят определить круг вопросов, решаемых посредством законодательной инициативы; судебные органы смогут предлагать дополнительные критерии для унификации или специализации законодательства с учетом изменений в судебной практике, появления новых

правовых отношений, изменения правового статуса участников правовых отношений; судебная практика позволяет конкретизировать, структурировать нормы права, определять объем общих и специальных юридических норм, используемых в механизме правового регулирования и т.д.

Систематизация, унификация и специализация законодательства через судебную практику представляют собой взаимосвязанные направления единого процесса, направленного на обеспечение предсказуемости правоприменения. Судебные решения позволяют выявлять недостатки законодательства, а правовые позиции высших судов способствуют обеспечению единообразного правоприменения. В условиях динамичного развития правовой системы этот механизм играет ключевую роль в поддержании стабильности и предсказуемости правоприменения.

1.4. Направления воздействия судебной практики на процесс совершенствования российского законодательства

Совершенствование законодательства и юридических процедур является одним из ключевых направлений развития правовой системы, направленным на обеспечение правовой определенности, доступности правосудия и эффективности правоприменения. В данном контексте судебная практика выступает не только как механизм разрешения конкретных правовых споров, но и как инструмент выявления недостатков, пробелов и коллизий в процессуальном законодательстве, способствующий его модернизации.

Анализ судебной практики позволяет сформировать единые подходы к правоприменению, устраняя правовую неопределенность и обеспечивая соблюдение принципов справедливости, равенства и законности. Решения судов, особенно постановления Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, оказывают прямое влияние на развитие процессуального законодательства, формируя стандарты доказывания, определяя допустимость и порядок

использования доказательств, уточняя правовые последствия процессуальных нарушений.

В условиях динамичного развития общественных отношений и усложнения правового регулирования судебная практика становится важным фактором совершенствования уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессов. Особое значение приобретают тенденции к цифровизации судопроизводства, обеспечению процессуальной экономии и доступности правосудия, что требует пересмотра традиционных юридических процедур с учетом новых вызовов.

Исследование особенностей использования судебной практики для совершенствования юридических процедур позволяет выявить ключевые направления правовой реформы, определить механизмы унификации процессуальных норм и обеспечить эффективное взаимодействие судебной власти с законодателем в целях развития правоприменительной системы.

В рамках настоящего исследования был проведен анализ использования судебной практики для совершенствования российского законодательства в конкретных отраслях за последние 3-5 лет.

Рассмотрим каждую из них.

1. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

1.1. Постановление Пленума ВС РФ от 20.09.2018 № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Верховный Суд РФ прямо указал судам, что сам факт размещения лицом в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на страницах других пользователей материала, созданного им самим или другим лицом, включая информацию, ранее признанную судом экстремистским материалом, не является преступлением -

нужно доказывать умысел на возбуждение ненависти или вражды либо унижение достоинства человека и т.д.

В результате Федеральным законом от 27.12.2018 № 519-ФЗ статья 282 УК РФ была частично декриминализована. За первое нарушение следует административная ответственность, а уголовная ответственность теперь наступает только за повторное нарушение в течение года.

1.2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»:

- **суду** по каждому поступившему ходатайству следователя, дознавателя о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частями 1-4 статьи 159, статьями 159.1 - 159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ, являющегося индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, следует проверять, приведены ли в постановлении о возбуждении ходатайства и содержатся ли в приложенных к постановлению материалах конкретные сведения, подтверждающие вывод о том, что инкриминируемое ему преступление совершено не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности «…». При отсутствии указанных сведений такое ходатайство удовлетворению не подлежит;

- решая вопрос об избрании меры пресечения и о продлении срока ее действия, суд обязан в каждом случае обсудить возможность применения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления любой категории иной, более мягкой, чем заключение под стражу, меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также от стадии производства по уголовному делу;

- сама по себе необходимость дальнейшего производства следственных действий не может выступать в качестве единственного и достаточного основания для продления срока содержания обвиняемого под стражей.

Федеральным законом от 13.06.2023 № 217-ФЗ внесены изменения в статьи 108 и 109 УПК РФ, согласно которым теперь:

- в постановлении о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (обобщенно), и в приложенных к данному постановлению материалах должны содержаться конкретные сведения, подтверждающие такие обстоятельства;

- в случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, указанных в части 1 статьи 108 УПК РФ, в обязательном порядке рассматривается возможность избрания такой меры пресечения, которая позволит продолжить осуществление предпринимательской деятельности

- необходимость дальнейшего производства следственных действий не может являться единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей.

1.3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко»[218].

Конституционный Суд РФ признал статью 401.6 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 48 и 53, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она не ограничивает период с момента вступления в силу

[218] Толдиев, Х. М. Б. Влияние судебной практики на унификацию российского законодательства / Х. М. Б. Толдиев // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 3(190). – С. 86-89.

судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи, в течение которого может быть принято решение суда кассационной инстанции о пересмотре этого акта, влекущее поворот его исполнения и возврат присужденных реабилитированному сумм.

Итог: принятие Федерального закона от 7 октября 2022 г. № 384-ФЗ «О внесении изменений в статью 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

1.4. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских».

Суд признал, что ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ не соответствует Конституции, так как при определении разумного срока уголовного судопроизводства для потерпевшего в тех случаях, когда производство по делу прекращено из-за смерти подозреваемого, указанная норма позволяет не учитывать период со дня подачи заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела.

Итог: принятие Федерального закона от 5 декабря 2022 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

1.5. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск».

Конституционный Суд РФ признал ч. 2 ст. 313 УПК неконституционной, поскольку она не закрепляет конкретные меры по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, а также не определяет субъектов, на которых может быть возложена обязанность по принятию таких мер, и источники их финансирования. «Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений, если осужденным самостоятельно не

приняты гражданско-правовые меры по охране своего жилого помещения и будет установлено отсутствие у него возможности в их самостоятельном принятии, суд полномочен принять меры по охране остающегося без присмотра жилого помещения такого гражданина и возложить их исполнение на конкретных субъектов», - отмечается в постановлении. Конституционный Суд РФ также перечислил те меры, которые могут быть приняты в таких случаях.

Итог: принятие Федерального закона от 10 июля 2023 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

1.6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова».

Конституционный Суд РФ признал положения статей 82 и 240 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17, 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1), 49, 75.1 и 123 (части 1 и 3), в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им судебным толкованием в системе действующего правового регулирования, служат основанием для уничтожения предметов (образцов), являющихся вещественными доказательствами по двум или более уголовным делам, после вступления в законную силу приговора суда по одному из этих уголовных дел, притом что по другому (другим) приговор в законную силу не вступил и сохранение данных предметов (образцов) возможно исходя из их свойств.

Итог: принятие Федерального закона от 31 июля 2023 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в статьи 81 и 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

2. Гражданское и гражданско процессуальное законодательство РФ.

2.1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25

«О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Как указано в п. 65, если иное не установлено законом или договором и не следует из обычая или практики, установившейся во взаимоотношениях сторон, юридически значимое сообщение может быть направлено, в том числе посредством электронной почты, факсимильной и другой связи, осуществляться в иной форме, соответствующей характеру сообщения и отношений, информация о которых содержится в таком сообщении, когда можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано (например, в форме размещения на сайте хозяйственного общества в сети "Интернет" информации для участников этого общества, в форме размещения на специальном стенде информации об общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме и т.п.).

Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ внесены изменения в пункт 1 статьи 160 ГК РФ: теперь письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

2.2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

В целях реализации права лица на судебную защиту исковое заявление (заявление) не может быть оставлено без движения и впоследствии возвращено на том лишь основании, что в исковом заявлении отсутствует хотя бы один из предусмотренных пунктом 3 части 2 статьи 125 АПК РФ идентификаторов

ответчика-гражданина, дата и место его рождения при условии указания на отсутствие данных сведений у истца и на невозможность их получения в установленном законом порядке. В случае если истцу неизвестны дата и место рождения ответчика, ни один из его идентификаторов и на это указано в исковом заявлении, суд делает запрос в компетентные органы (например, органы Пенсионного фонда Российской Федерации, налоговые органы, органы внутренних дел) о предоставлении соответствующей информации.

Федеральным законом от 21.12.2021 № 417-ФЗ внесены изменения в пункт 3 части 2 статьи 125 АПК РФ и пункт 3 части 1 статьи 131 ГПК РФ: теперь в случае, если гражданину неизвестны дата и место рождения ответчика, один из его идентификаторов, об этом указывается в исковом заявлении и такая информация по запросу суда предоставляется органами Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, и (или) налоговыми органами, и (или) органами внутренних дел.

2.3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2023 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 440 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статей 42 и 45 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина Р.Р. Гафарова».

Конституционный Суд РФ признал статью 440 ГПК Российской Федерации, статьи 42 и 45 Федерального закона «Об исполнительном производстве» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой они, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, не устанавливают предельного срока на возобновление исполнительного производства после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его приостановления, по заявлению его участников, из числа которых неоправданно исключен должник, и не определяют правовых последствий пропуска такого срока.

Итог: принятие Федерального закона от 6 апреля 2024 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2.4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Шеставина».

19 мая 2023 г. Конституционный Суд РФ вынес Постановление № 23-П/2023, которым признал п. 1 ст. 250 ГК РФ не соответствующим Конституции в той мере, в какой содержащиеся в нем положения являются неопределенными в части возможности и порядка реализации гражданами - участниками долевой собственности преимущественного права покупки доли в праве собственности на жилое помещение и земельный участок в случае ее продажи постороннему лицу с публичных торгов в рамках процедуры банкротства гражданина.

Итог: принятие Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации».

2.5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2024 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 2, абзаца первого пункта 5, абзаца первого пункта 6, абзаца первого пункта 7 части 20 статьи 30 Федерального закона от 8 мая 2010 года №83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» в связи с жалобами граждан И.В. Гусевой и С.Н. Тихомирова».

Конституционный Суд РФ признал статью 208 ГПК Российской Федерации, пункты 1 и 2 статьи 242.1, пункт 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской

Федерации, пункты 1 и 2, абзац первый пункта 5, абзац первый пункта 6 и абзац первый пункта 7 части 20 статьи 30 Федерального закона от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» в их взаимосвязи не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1), 55 (часть 3) и 118, в той мере, в какой:

- неопределенность их нормативного содержания в системе действующего правового регулирования порождает неоднозначное решение вопроса о дне, начиная с которого должен исчисляться срок индексации присужденных судом денежных сумм при обращении взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и бюджетных учреждений;

- они позволяют при решении вопроса о дне, начиная с которого должен исчисляться срок индексации присужденных судом денежных сумм, не учитывать ошибочное направление судом по просьбе взыскателя документов для взыскания не тому органу, которому они должны быть адресованы в силу закона.

Итог: принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2.6. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2020 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Лысьва-теплоэнерго».

12 мая 2020 г. Конституционный Суд РФ вынес Постановление № 23-П/2020, в котором указал на недопустимость отсутствия возможности привлечь к субсидиарной ответственности собственника имущества (учредителя) ликвидированного муниципального бюджетного учреждения по его обязательствам, вытекающим из публичного договора.

Тем самым Суд признал п. 5 ст. 123.22 ГК РФ не соответствующим Конституции, поскольку данная норма исключает вышеуказанную возможность. Конституционный Суд РФ указал, что федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование корреспондирующие изменения. Также Суд отметил необходимость пересмотра решений по делу ООО «Лысьва-теплоэнерго».

Итог: принятие Федерального закона от 11 марта 2024 г. № 48-ФЗ «О внесении изменений в статью 123.22 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

3. Арбитражно-процессуальное законодательство РФ.

3.1. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2023 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации».

Постановление № 34-П/2023 вынесено по делу о проверке конституционности положений ст. 183 АПК РФ, п. 1 и 2 ст. 242.1 и п. 6 ст. 242.2 БК РФ. Суд признал оспариваемые положения не соответствующими Конституции в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность их нормативного содержания порождает неоднозначное решение вопроса о дне, начиная с которого должен исчисляться срок индексации присужденных судом денежных сумм при обращении взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ. Суд обязал законодателя незамедлительно принять меры по устранению неопределенности нормативного содержания данных положений.

Итог: принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2021 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В.В. Сторублевцева».

Требование Конституционного Суда РФ предусмотреть законом соответствующий порядок индексации наконец было выполнено. В частности, установлено, что для индексации используется официальная статистическая информация об ИПЦ (тарифов) на товары и услуги в РФ, размещаемая на сайте Росстата.

Итог: принятие Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 177-ФЗ «О внесении изменения в статью 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

Закон об исполнительном производстве, СК РФ, иные кодифицированные законы

3.3. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2020 г. № 50-П «По делу о проверке конституционности статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статей 17 и 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и пунктов 139-143 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в связи с жалобой гражданина Е.В. Парамонова».

Итог: принятие Федерального закона от 22 июня 2024 г. № 153-ФЗ «О внесении изменения в статью 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

3.4. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21, пункта 2 статьи 22 и пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре

Российской Федерации», абзаца второго части 6 статьи 28.3 и предложения второго части 1 статьи 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пункта 1 части 3 статьи 16.5 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» в связи с жалобой гражданина П.Н. Лакина».

Постановлением № 15-П/2023 Конституционный Суд РФ признал п. 1 ч. 3 ст. 16.5 КоАП Москвы не соответствующим Конституции РФ ввиду отсутствия определения должностных лиц, которые могут возбуждать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 3.13 «Нарушение тишины и покоя граждан» КоАП Москвы.

Суд постановил, что до внесения поправок протоколы о нарушении общественного порядка и безопасности в столице уполномочены составлять должностные лица Объединения административно-технических инспекций Москвы. При этом должностные лица ОВД обязаны в рамках полномочий, возложенных на них КоАП РФ и Законом о полиции, оказывать содействие в привлечении к административной ответственности виновных в совершении указанных правонарушений и при отсутствии соответствующего соглашения между МВД России и Правительством Москвы.

Итог: принятие Закона г. Москвы от 31 мая 2023 г. № 14 «О внесении изменений в Закон города Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях».

3.5. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2023 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго части первой статьи 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Б. Сергеева».

Исходя из Постановления № 16-П/2023, ч. 1 ст. 236 ТК РФ не соответствует Конституции в той мере, в какой в контексте судебной практики не обеспечивает взыскания с работодателя процентов (денежной компенсации), когда

полагающиеся работнику выплаты не были начислены своевременно, а решением суда было признано право работника на их получение, с исчислением размера таких процентов (денежной компенсации) из фактически не выплаченных денежных сумм со дня, следующего за днем, когда в соответствии с действующим правовым регулированием эти выплаты должны были быть выплачены при своевременном их начислении.

В связи с этим федеральный законодатель должен внести корректировки в действующее регулирование. До внесения указанных изменений предусмотренные ч. 1 ст. 236 ТК РФ проценты взыскиваются с работодателя и в том случае, когда причитающиеся работнику выплаты не были начислены и выплачены своевременно, а решением суда было признано право работника на их получение. При этом размер такой компенсации исчисляется из фактически не выплаченных денежных сумм со дня, следующего за днем, когда в соответствии с действующим правовым регулированием эти выплаты должны были быть выплачены при своевременном их начислении, по день фактического расчета включительно.

Итог: принятие Федерального закона от 30 января 2024 г. № 3-ФЗ «О внесении изменения в статью 236 Трудового кодекса Российской Федерации».

3.6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 152 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго Постановления Правительства Российской Федерации «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А. Иваниченко».

Суд указал законодателю на необходимость пересмотра оплаты труда работникам, трудящимся в ночное время. Конституционный Суд РФ признал положения ч. 1 ст. 152 ТК РФ не соответствующими Конституции, поскольку они допускают оплату сверхурочной работы исходя из одной лишь составляющей части зарплаты работника, а именно из тарифной ставки или оклада

(должностного оклада), без начисления компенсационных и стимулирующих выплат.

Федеральному законодателю надлежало внести в действующее правовое регулирование изменения, в частности предусмотреть конкретный порядок определения размера повышенной оплаты за сверхурочную работу, с тем чтобы в соответствии с конституционными положениями о праве работника на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации обеспечить такую оплату в большем размере по сравнению с оплатой за аналогичную работу, выполняемую в пределах установленной продолжительности рабочего времени, учитывая, что она представляет собой не только оплату фактически затраченного работником труда, но и компенсацию утраченного им времени отдыха. Суд отметил, что до внесения изменений оплата сверхурочной работы должна обеспечивать повышенную оплату труда работника по сравнению с оплатой за аналогичную работу в пределах установленной продолжительности рабочего времени.

Итог: принятие Федерального закона от 22 апреля 2024 г. № 91-ФЗ «О внесении изменения в статью 152 Трудового кодекса Российской Федерации».

3.7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (в редакции от 17 декабря 2024 г.).

В пункте 24 Постановления был закреплен механизм обжалования судебных актов в делах о банкротстве по правилам пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Данный механизм на протяжении многих лет являлся одним из ключевых инструментов защиты прав независимых кредиторов посредством пересмотра судебных актов, с помощью которого заинтересованные по отношению к должнику кредиторы получали право на заявление своих требований для включения в реестр требований кредиторов.

С принятием Федерального закона от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» статья 16 Закона о банкротстве была дополнена абзацем 12, в котором данный механизм экстраординарного обжалования был закреплен.

3.8. Постановление Пленума ВС РФ от 27.04.2021 № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 5.35.1 КоАП РФ».

Суд указал, что лицо, обязанное уплачивать алименты, подлежит привлечению к административной ответственности и в том случае, если установлен факт умышленной неполной оплаты им средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, то есть уплаты алиментов в размере меньшем, чем это предусмотрено судебным актом или соглашением об уплате алиментов, поскольку данное обстоятельство является их нарушением (пункт 13).
Федеральными законами от 30.12.2021 № 479-ФЗ и от 30.12.2021 № 499-ФЗ были внесены изменения в ст. 5.35.1 КоАП РФ и ст. 157 УК РФ. Теперь в законах прямо прописано, что ответственность наступает при неуплате «в размере, установленном в соответствии с решением суда или нотариально удостоверенным соглашением».

Рассмотренные примеры демонстрируют, что недостатки законодательства, выявленные судебной практикой, могут быть преодолены посредством последующего изменения нормативных актов. Вместе с тем, использование результатов правоприменительной деятельности судебных органов требует установления порядка их изучения и рассмотрения заинтересованными органами государственной власти.

В российской правовой системе необходимо внедрение цифровых технологий и искусственного интеллекта для анализа, упорядочения и совершенствования нормативного материала с учетом судебной практики.

Цифровые технологии позволят выявлять пробелы, коллизии и дублирующие правовые нормы и т.д. Внедрение новых методов детерминированного (функционального) и стохастического (корреляционного) анализа судебной практики позволит исследовать влияние различных факторов на формирование и изменение деятельности судов как в условиях функциональной зависимости, так и в условиях статистической взаимосвязи.

Для совершенствования использования судебной практики в правотворческом процессе предлагается следующее: формирование механизмов оперативного ознакомления субъектов правотворчества с правовыми позициями судебных органов; более активное участие представителей судейского сообщества в процессе общественного обсуждения законопроектов; создание справочников, словарей юридических терминов, терминов технических средств с учетом обобщений судебной практики; проведение научных семинаров с участием представителей судейского сообщества не только среди ученых-правоведов, но и среди представителей других гуманитарных, а также технических и естественных наук, чья деятельность связана с разработкой и внедрением различного рода инноваций, цифровых технологий, робототехники, технологий искусственного интеллекта и т. д.

Формирование механизмов оперативного ознакомления субъектов правотворчества с правовыми позициями судебных органов предполагает тематическую систематизацию позиций, выявляющих пробелы и противоречия в законодательстве, и электронное уведомление заинтересованных органов об их опубликовании. Соответствующими положениями целесообразно дополнить Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», определив содержание направляемых материалов, сроки их обновления и порядок доступа к первоисточникам.

Более активное участие представителей судейского сообщества в обсуждении законопроектов требует дополнения статьи 4 Федерального закона от

14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» задачей участия в подготовке предложений по совершенствованию законодательства. В статье 112 Регламента Государственной Думы предлагается закрепить порядок приглашения этих представителей к обсуждению проектов по вопросам судебной системы, судопроизводства и устранения недостатков, выявленных судебной практикой, а также рассмотрения представленных ими замечаний.

Создание справочников и словарей юридических терминов, терминов, обозначающих технические средства и технологии, с учетом обобщений судебной практики позволит уточнять содержание используемых понятий и устранять расхождения в их применении. Порядок подготовки, обновления и использования таких материалов в ведомственном правотворчестве предлагается закрепить в Правилах подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009.

Проведение научных семинаров с участием представителей судейского сообщества целесообразно организовать с привлечением ученых-правоведов, представителей других гуманитарных, технических и естественных наук, чья деятельность связана с разработкой и внедрением инноваций, цифровых технологий, робототехники и искусственного интеллекта. Предметом обсуждения должны стать конкретные проблемы правового регулирования, выявленные судебной практикой. Порядок организации семинаров, подготовки итоговых предложений и их направления правотворческим органам предлагается закрепить в регламентах Совета судей Российской Федерации и советов судей субъектов Российской Федерации.

Анализ практических примеров использования судебной практики для совершенствования российского законодательства подтверждает ее значимость как инструмента выявления пробелов, устранения коллизий и унификации

правоприменения. Решения высших судебных инстанций не только формируют единообразные подходы к толкованию и применению норм права, но и служат основанием для законодательных реформ, обеспечивая адаптацию нормативных правовых актов к меняющимся социально-экономическим и политическим условиям.

Вместе с тем, несмотря на очевидную роль судебной практики в развитии законодательства РФ, существующие теоретические исследования не в полной мере раскрывают ее сущность и потенциал как правотворческого инструмента. В юридической науке до сих пор не сформировался единый подход к определению правового статуса судебной практики в системе источников права, а также механизмов ее системного использования законодателем в процессе нормотворчества. В результате практика правового регулирования зачастую основывается на формальных законодательных механизмах, не в полной мере учитывающих правовые позиции высших судебных инстанций, что снижает эффективность законотворческой деятельности.

Проведенный аналитический и теоретический анализ имеет как теоретическую, так и практическую значимость. С научной точки зрения он дополняет правовую доктрину, обосновывая роль судебной практики в процессе законодательного регулирования и раскрывая механизмы ее влияния на правовую систему. С практической точки зрения исследование позволяет выявить ключевые направления для совершенствования законодательства с учетом судебных решений, что может быть применено в процессе нормотворчества, правоприменения и правовой реформы.

Таким образом, дальнейшая интеграция судебной практики в процесс совершенствования российского законодательства требует не только законодательного признания ее нормативной значимости, но и разработки системных механизмов взаимодействия судебной и законодательной власти в целях повышения эффективности правового регулирования.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование позволило прийти к выводу о том, что судебная практика отражает не только результаты правоприменения. Являясь ориентиром для законодателя и главным инструментом выявления коллизий и пробелов законодательства, судебная практика занимает отдельное место среди факторов, направленных на совершенствование российского законодательства.

Результаты подробного исследования исторической ретроспективы влияния судебной практики на процесс совершенствования российского законодательства в различные эпохи формирования правовой системы России демонстрируют, что именно с принятием Конституции РФ в 1993 г. судебная практика начала оказывать непосредственное влияние на законотворческий процесс, хотя и в дореволюционный и советский периоды определенное внимание судебной практике также уделялось. Однако системное и регламентированное взаимодействие правоприменительных и правотворческих органов не разработано до настоящего времени.

Проведен анализ законодательств стран, относящихся к англосаксонской и романо-германской правовым семьям. Выявлено, что судебная практика с определенными особенностями влияет на развитие законодательства во многих странах и взаимодействие судебных и законодательных органов налажено в определенной системе.

В диссертации однозначно сделан вывод о том, что в теоретических исследованиях в настоящее время существуют неоднозначные подходы к определению роли и значения судебной практики, отличаются правовые дефиниции. Исследование теоретических подходов позволило разработать собственный понятийный аппарат, обосновать необходимость пересмотра действующих научных подходов.

В диссертации исследованы функции судебной практики как фактора совершенствования российского законодательства. Разработаны положения,

касающиеся раскрытия функций и их значения в процессе правотворческой деятельности.

Диссертационное исследование также выявило роль судебной практики в процессе унификации, систематизации и специализации законодательства. Результаты рассмотрения и разрешения конкретных споров позволяют точечно определить, какие нормы необходимо унифицировать, какие положения законодательства требуют переработки и специализации, а какие категории норм не могут существовать без определенной систематизации. В диссертации продемонстрированы конкретные примеры такого подхода.

Результаты исследования цифровизации законодательства посредством судебной практики и внедрения технологий искусственного интеллекта заслуживают отдельного внимания. Значительное количество судебных актов могут быть проанализированы автоматизированной системой на основе технологий искусственного интеллекта, которые позволят выявить пробелы, коллизии и противоречия действующих норм права. Разработаны базовые принципы и методы работы с технологиями искусственного интеллекта, которые нуждаются в официальном закреплении и регламентации.

Автором предложены изменения действующего нормативного регулирования и деятельности судебных и законодательных органов, разработаны конкретные положения, посредством которых могут быть налажены системная работа и взаимодействие в целях совершенствования российского законодательства.

Разработанные теоретические и практические положения могут быть использованы в дальнейших теоретических и отраслевых исследованиях роли и значения судебной практики в процессе совершенствования российского законодательства, а также при подготовке проектов нормативных актов, проведении постоянного и оперативного мониторинга законодательства, разработке аналитических справок и регламентации взаимодействия судебных и правотворческих органов.

Список использованных источников и литературы

Нормативные правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012020070400 (дата опубликования: 04.07.2020).

2. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета. № 28, 09.02.2007.

3. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета. № 27, 07.02.2014.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. № 137.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон Российской Федерации от 26 января 1996 № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. № 23-25, 27.

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. № 113-114, 115, 118.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

9. Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 384-ФЗ «О внесении изменений в статью 401.6 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 10.10.2022, N 41, ст. 6946.

10. Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17.07.2023, N 29, ст. 5338.

11. Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации //Собрание законодательства РФ. 08.04.2024, N 15, ст. 1967.

12. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 31.07.2023, N 31 (Часть III), ст. 5777.

13. Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 48-ФЗ «О внесении изменений в статью 123.22 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 18.03.2024, N 12, ст. 1572.

14. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ". 12.08.2024, N 33 (Часть I), ст. 4951.

15. Федеральный закон от 11 июня 2022 Г. № 177-ФЗ «О внесении изменения в статью 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 13.06.2022, N 24, ст. 3937.

16. Федеральный закон от 22 июня 2024 г. № 153-ФЗ «О внесении изменения в статью 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 24.06.2024, N 26, ст. 3555.

17. Федеральный закон от 30 января 2024 г. № 3-ФЗ «О внесении изменения в статью 236 Трудового кодекса Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ. 05.02.2024, N 6, ст. 766.

18. Федеральный закон от 22 апреля 2024 г. № 91-ФЗ «О внесении изменения в статью 152 Трудового кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 29.04.2024, N 18, ст. 2404.

19. Закон г. Москвы от 31 мая 2023 г. № 14 «О внесении изменений в Закон города Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» //Ведомости Московской городской Думы.18.07.2023, № 6, ст. 56.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко» //Собрание законодательства РФ. 04.10.2021, N 40, ст. 6943.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск» //Собрание законодательства РФ. 20.07.2020, N 29, ст. 4735.

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2023 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 440 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статей 42 и 45 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина Р.Р. Гафарова //Собрание законодательства РФ. 08.05.2023, N 19, ст. 3518.

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Шеставина // Собрание законодательства РФ. 22.05.2023, N 21, ст. 3793.

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2024 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 2, абзаца первого пункта 5, абзаца первого пункта 6, абзаца первого пункта 7 части 20 статьи 30 Федерального закона от 8 мая 2010 года №83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» в связи с жалобами граждан И.В. Гусевой и С.Н. Тихомирова //Собрание законодательства РФ. 05.02.2024, N 6, ст. 898.

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2020 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Лысьва-теплоэнерго» //Собрание законодательства РФ. 18.05.2020, N 20, ст. 3227.

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2023 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 03.07.2023, N 27, ст. 5139.

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2021 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В.В. Сторублевцева» //Собрание законодательства РФ. 02.08.2021, N 31, ст. 5989.

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2020 г. № 50-П «По делу о проверке конституционности статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статей 17 и 18 Федерального

закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и пунктов 139-143 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в связи с жалобой гражданина Е.В. Парамонова //Собрание законодательства РФ. 04.01.2021, N 1 (часть II), ст. 290.

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21, пункта 2 статьи 22 и пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», абзаца второго части 6 статьи 28.3 и предложения второго части 1 статьи 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пункта 1 части 3 статьи 16.5 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» в связи с жалобой гражданина П.Н. Лакина» //Собрание законодательства РФ. 17.04.2023, N 16, ст. 2989.

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2023 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго части первой статьи 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Б. Сергеева //Собрание законодательства РФ. 24.04.2023, N 17, ст. 3210.

31. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 152 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго Постановления Правительства Российской Федерации «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А. Иваниченко //Собрание законодательства РФ. 03.07.2023, N 27, ст. 5140.

32. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением

дел о банкротстве» (в редакции от 17 декабря 2024 г.) //Вестник ВАС РФ. № 8, август, 2012 г.

33. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 года № 3 О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. Электронный ресурс: [https://www.vsrf.ru/documents/own/34431/?ysclid=mbnxe4q4yn246757560]. Дата обращения 29.05.2025.

34. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 46 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс». Электронный ресурс: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=792607#iT2EYnUh2ngvdXpD]. Дата обращения 11.12.2024 г.

35. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 36 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс». Электронный ресурс: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=736834#9dUEYnU2V0rdp6pp]. Дата обращения 14.03.2024 г.

36. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 года № 32 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». Электронный ресурс: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=736835#950FYnU553Ei7Tm4]. Дата обращения 19.04.2024 г.

37. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2021 года № 44 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». Электронный ресурс: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=736835#950FYnU553Ei7Tm4]. Дата обращения 23.01.2024 г.

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 N 2 (ред. от 12.09.2019) «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» //Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10, 2014.

39. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 15.11.2023 // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, февраль, 2024.

40. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 1, январь, 2019.

41. Распоряжение Президента Российской Федерации от 01.07.2022 № 202-рп «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней». // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, дата обращения 05.01.2025 г.

42. Решение Апелляционного суда Англии и Уэльса по делу Regina v Offen от
09 ноября 2000 г. URL: https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff71060d03e7f57ea7047 (дата обращения: 24 мая 2024 г.).

43. Решение Палаты Лордов по делу Regina v. R от 23 октября 1991 г. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1991/12.html (дата обращения: 28 мая 2024 г.).

44. Решение Палаты Лордов по делу A and Others v UK - Belmarsh Case 2004 г. URL:https://www.lawteacher.net/cases/a-and-others-v-uk.php (дата обращения: 28 мая 2024 г.).

45. Решение Верховного суда США по делу McCulloch v. Maryland 1819 г. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/mcculloch-v-maryland (дата обращения: 29 мая 2024 г.).

46. Решение Верховного суда США по делу Reynolds v. United States 1879 г. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/98/145/ (дата обращения: 29 мая 2024 г.).

47. Решение Верховного суда США по делу Gideon v. Wainwright от 18 марта 1963 г. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/372/335/ (дата обращения: 29 мая 2024 г.).

48. Решение Конституционного Совета Франции 83-164 DC от 29 декабря 1983 г. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1983/83164DC.htm (дата обращения 02 апреля 2024 г.).

49. Решение Конституционного Совета Франции 84-184 DC от 29 декабря 1984 г. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1984/84184DC.htm (дата обращения 05 апреля 2024 г.).

50. Решение Конституционного Совета Франции 83-164 DC от 29 декабря 1983 г. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1983/83164DC.htm (дата обращения 02 апреля 2024 г.).

51. Решение Федерального Конституционного Суда Германии BVerfGE 125, 175 от 09 февраля 2010 г. URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv125175.html (дата обращения: 25.03.2024 г.).

52. Решение Федерального Конституционного Суда Германии BVerfGE 125, 175 от 9 февраля 2010 г. URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv125175.html (дата обращения: 25.03.2024 г.).

53. Решение Конституционного суда Италии 144/1983 от 12 июня 1986 г. URL: https://giurcost.org/decisioni/1983/0144s-83.html (дата обращения: 07 апреля 2024 г.).

54. Решение Конституционного суда Италии от 27 сентября 2019 г. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/comunicatistampa/CC_CS_20190926122152.pdf (дата обращения 26 марта 2024 г.).

55. Решение по делу 105/14 от 8 сентября 2015 г. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62014CA0105 (дата обращения 28 марта 2024 г.).

Монографии, учебная литература, сборники статей

1. Абдулаев, М. И. Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений / М. И. Абдулаев. – 2-е изд., доп. – Москва : Финансовый контроль, 2004. – 410 с.

2. Алексеев, С. С. Собрание сочинений : в 10 т. и справочном томе. Т. 5 : Линия права. Отдельные проблемы концепции / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 549 с.

3. Башлаков-Николаев, И. В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства : научно-практический комментарий / И. В. Башлаков-Николаев, С. В. Максимов. – Москва : Проспект, 2022. – 184 с.

4. Безина, А. К. Судебная практика и трудовое право / А. К. Безина, В. И. Никитинский // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. – Москва : Юридическая литература, 1975. – С. 142–172.

5. Безина, А. К. Судебная практика по трудовым делам : учебное пособие для магистров права / А. К. Безина ; Казанский государственный университет, юридический факультет. – Казань : Казанский государственный университет, 2004. – 273 с.

6. Братусь, С. Н. Понятие, содержание и формы судебной практики / С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. – Москва : Юридическая литература, 1975. – С. 8–73.

7. В. И. Ленин, КПСС о социалистической законности и правопорядке : сборник. – 2-е изд., доп. – Москва : Политиздат, 1986. – 636 с.

8. Вильнянский, С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 1 / С. И. Вильнянский ; отв. ред. А. И. Рогожин. – Харьков : Издательство Харьковского университета, 1958. – 339 с.

9. Гегель, Г. В. Ф. Философия права : перевод с немецкого / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524, [2] с.

10. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 352 с.

11. Кругликов, Л. Л. Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Смирнова. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 310 с.

12. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 521 с.

13. Малышев, К. И. Курс общего гражданского права России. Т. 1 / К. И. Малышев. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1878. – [2], VIII, 356 с.

14. Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. – Москва : ТК Велби : Проспект, 2005. – 760 с.

15. Марченко, М. Н. Судебное правотворчество и судейское право / М. Н. Марченко. – Москва : ТК Велби : Проспект, 2007. – 512 с.

16. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. – 293 с.

17. Мелехин, А. В. Теория государства и права : учебник / А. В. Мелехин. – Москва : Маркет ДС, 2007. – 640 с.

18. Наумов, А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации : комментарий судебной практики и доктринальное толкование (постатейный) / А. В. Наумов ; под ред. Г. М. Резника. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 1024 с.

19. Общая теория права : учебник для юридических вузов / Ю. А. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. – Москва : Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1996. – 384 с.

20. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1997. – 944 с.

21. Пахман, С. В. О современном движении в науке права : речь, произнесенная в годовом собрании Юридического общества, состоящего при Санкт-Петербургском университете, 14 февраля 1882 г. / С. В. Пахман. – Санкт-Петербург : Типография Правительствующего сената, 1882. – [2], 68 с.

22. Пашенцев, Д. А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации / Д. А. Пашенцев // Образование и право. – 2021. – № 9. – С. 72–75.

23. Пашенцев, Д. А. Правовые традиции России в условиях глобализации : монография / Д. А. Пашенцев. – Москва : Юркомпани, 2016. – 107 с.

24. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1 / Л. И. Петражицкий. – Санкт-Петербург : Типография Санкт-Петербургского акционерного общества «Слово», 1907. – 308 с.

25. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий ; отв. ред. И. Ю. Козлихин, Ю. А. Сандулов. – Санкт-Петербург : Лань, 2000. – 608 с.

26. Протасов, В. Н. Теория государства и права : учебник для вузов / В. Н. Протасов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 192 с.

27. Сенякин, И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства / И. Н. Сенякин. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2007. – 502 с.

28. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию : монография / В. Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 672 с.

29. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся ; Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. – Москва : Юридическая литература, 1975. – 327 с.

30. Судебная практика в современной правовой системе России : монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 432 с.

31. Судебная практика и развитие законодательства о труде и социальном обеспечении : научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, С. В. Каменская, Т. Ю. Коршунова [и др.] ; отв. ред. Т. Ю. Коршунова ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Юридическая фирма «Контракт», 2024. – 248 с.

32. Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2014. – 715 с.

33. Теория государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. – Москва : Проспект, 2014. – 400 с.

34. Теория государства и права : учебник / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев, А. Х. Саидов ; под ред. А. С. Пиголкина. – Москва : Юрайт : Юрайт-Издат, 2005. – 613 с.

35. Трубецкой, Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – Москва : Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1908. – 224 с.

36. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва : Дом Славянской книги, 2008. – 959 с.

37. Шершеневич, Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права / Г. Ф. Шершеневич ; вступительное слово, составление П. В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2016. – 752 с.

38. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права : учебное пособие : по изданию 1910–1912 гг. : в 2 т. Т. 2, вып. 2–4 / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Юридический колледж МГУ, 1995. – 362 с.

39. Явич, Л. С. Сущность права : социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л. С. Явич. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1985. – 207 с.

Статьи в научных журналах и сборниках

1. Абрамова, А. И. Классификатор правовых актов и вопросы упорядочения законодательства / А. И. Абрамова, Т. Н. Рахманина // Журнал российского права. – 2003. – № 7. – С. 62–71.

2. Бару, М. И. Унификация и дифференциация норм трудового права / М. И. Бару // Советское государство и право. – 1971. – № 10. – С. 45–50.

3. Босхамджиева, Н. А. Факторный анализ обеспечения национальной безопасности / Н. А. Босхамджиева // Российский следователь. – 2008. – № 3. – С. 22–26.

4. Бредихин, А. Л. Судебная практика как источник российского права / А. Л. Бредихин // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 1 (21). – С. 102–106.

5. Витрянский, В. В. Реформа части первой Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Витрянский // Арбитражные споры. – 2016. – № 1 (73). – С. 70–83.

6. Волков, Р. Н. Понятие унификации гражданского законодательства / Р. Н. Волков // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 1 (73). – С. 25–28.

7. Гавашели, Т. В. Систематизация законодательства как завершающая стадия правообразования / Т. В. Гавашели // Закон и право. – 2023. – № 11. – С. 23–26.

8. Головинская, И. В. Факторы, обусловившие воссоздание мировой юстиции в современный период / И. В. Головинская // Мировой судья. – 2007. – № 11. – С. 56.

9. Голубева, Л. А. Судебная практика как источник и форма права / Л. А. Голубева, А. Э. Черноков // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 3. – С. 51–55.

10. Грибкова, К. В. Судебная практика как источник права в России / К. В. Грибкова // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 127–132.

11. Доронина, Н. Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции / Н. Г. Доронина // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 53–67.

12. Жуйков, В. М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве / В. М. Жуйков // Журнал российского права. – 2017. – № 8. – С. 136–151.

13. Залесский, В. В. Фактор времени в гражданских правоотношениях / В. В. Залесский // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 114–121.

14. Земляков, М. В. Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII века / М. В. Земляков // Средние века. – 2014. – Т. 75, № 1–2. – С. 262–272.

15. Кельзен, Г. Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция. Часть 2. Окончание) / Г. Кельзен // Право и политика. – 2006. – № 9. – С. 5–18.

16. Кодан, С. В. М. М. Сперанский и формирование теоретических основ юридической техники систематизации законодательства в России (1820–1830-е гг.) / С. В. Кодан // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 223–233.

17. Корнев, А. В. К вопросу о понятии правообразования / А. В. Корнев, Э. В. Богмацера // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2008. – № 2 (5). – С. 5–9.

18. Корнев, А. В. Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики как специфический источник советского права / А. В. Корнев // История государства и права. – 2015. – № 5. – С. 42–46.

19. Лебедев, В. М. Судебная практика и развитие законодательства / В. М. Лебедев // Законодательство России в XXI веке : по материалам научно-практической конференции, Москва, 17 октября 2000 г. – Москва : Городец-издат, 2002. – С. 42–51.

20. Марченко, М. Н. Правовые системы современного мира / М. Н. Марченко. – Москва : Зерцало-М, 2009. С. 240–250.

21. Мешкова, О. Е. Теория систем в правовых явлениях / О. Е. Мешкова // Вестник Омского университета. – 1997. – Вып. 2. – С. 86–89.

22. Михеева, И. В. Российское правотворчество: традиционные акценты истории / И. В. Михеева // Журнал российского права. – 2010. – № 10. – С. 98–105.

23. Нерсесянц, В. С. О понимании советского права : выступление / В. С. Нерсесянц // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 70–72.

24. Нуриев, А. Г. Комментарий к отдельным главам (X–XIII) Устава судопроизводства в коммерческих судах / А. Г. Нуриев // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 4. – С. 112–115.

25. Рарог, А. И. Уголовно-правовые позиции российского законодателя / А. И. Рарог // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 5. – С. 10–15.

26. Рожнов, А. П. Нетрадиционные источники права в правовой системе / А. П. Рожнов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2001. – Вып. 4. – С. 49.

27. Садиков, О. Н. Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства / О. Н. Садиков // Правоведение. – 1972. – № 6. – С. 91–102.

28. Сенякин, И. Н. Специализация и унификация российского законодательства : проблемы теории и практики / И. Н. Сенякин ; под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1993. – 194 с.

29. Суханов, Е. А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения / Е. А. Суханов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 2. – С. 126–144.

30. Тихомиров, Ю. А. Юридическая систематизация в России / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Норма, 2020. С. 45-49.

31. Толдиев, Х. М. Б. Влияние судебной практики на унификацию российского законодательства / Х. М. Б. Толдиев // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 3(190). – С. 86-89.

32. Толдиев, Х. М. Б. Судебная практика как фактор систематизации нормативных правовых актов в Российской правовой системе / Х. М. Б. Толдиев // Образование и право. – 2025. – № 9. – С. 384-390.

33. Шадже, А. Н. К вопросу о специализации и унификации современного российского законодательства / А. Н. Шадже // Общество и право. – 2006. – № 4 (14). – С. 69–74.

34. Юков, М. К. Специализация норм гражданского процессуального права / М. К. Юков // Проблемы совершенствования советского законодательства : труды ВНИИСЗ. – Москва : ВНИИСЗ, 1986. – Вып. 34. – С. 114–127.

35. Ярков, В. В. Идеи профессора С. С. Алексеева и наука гражданского процессуального права / В. В. Ярков // Вестник гражданского процесса. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 47–65.

Авторефераты диссертаций и диссертации

1. Венгеров, А. Б. Роль судебной практики в развитии советского права : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Б. Венгеров. – Москва, 1966. – 18 с.

2. Гук, П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России : общетеоретический анализ : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / П. А. Гук. – Москва, 2012. – 409 с.

3. Кутафин, Д. О. Унификация и гармонизация норм права о залоге в международном частном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. О. Кутафин. – Москва, 2007. – 27 с.

4. Михайлов, О. В. Совершенствование нормативных правовых актов в процессе их систематизации : проблемы методологии : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. В. Михайлов. – Москва, 2003. – 168 с.

5. Паулов, П. А. Факторный анализ современного российского законодательства : методологический и практический аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / П. А. Паулов. – Краснодар, 2010. – 21 с.

6. Потапенко, Е. Г. Специализация и унификация цивилистического процессуального права : дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.3 / Е. Г. Потапенко. – Саратов, 2023. – 576 с.

7. Реутов, В. П. Юридическая практика и развитие законодательства : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. П. Реутов. – Свердловск, 1968. – 21 с.

8. Сулипов, Р. С. Правовые традиции России : теоретико-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Р. С. Сулипов. – Челябинск, 2013. – 27 с.

9. Удодова, М. А. Механизм воздействия судебной практики на законодательство : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. А. Удодова. – Москва, 2018. – 26 с.

10. Фомина, Л. Ю. Унификация нормативной правовой терминологии : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л. Ю. Фомина. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с.

11. Цихоцкий, А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Цихоцкий. – Новосибирск, 1998. – 612 с.

12. Юков, М. К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М. К. Юков. – Свердловск, 1982. – 344 с.

Зарубежная литература

1. Bergougnous, G. Le Conseil constitutionnel et le législateur / G. Bergougnous // Les Nouveaux Cahiers du Conseil constitutionnel. – 2013. – № 38. – P. 5–21.

2. Driedger, E. A. The Construction of Statutes / E. A. Driedger. – 2nd ed. – Toronto : Butterworths, 1983. – XVI, 385 p.

3. Garrigou-Lagrange, J.-M. Les partenaires du Conseil constitutionnel ou De la fonction interpellatrice des juges / J.-M. Garrigou-Lagrange // Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger. – 1986. – T. 102, № 3. – P. 647–694.

4. Hogg, P. W. The Law-Making Role of the Supreme Court of Canada : Rapporteur's Synthesis / P. W. Hogg // Canadian Bar Review. – 2001. – Vol. 80, № 1–2. – P. 171–180.

5. Maitland, F. W. English Law (History of) / F. W. Maitland // Encyclopaedia Britannica. – 10th ed. – London ; Edinburgh : Adam and Charles Black ; London : The Times, 1902. – Vol. 28. – P. 246–253.

6. Mouchette, J. The French Constitutional Council as a Law-Maker : From Dialogue with the Legislator to the Rewriting of the Law / J. Mouchette // Judicial Law-Making in European Constitutional Courts / ed. by M. Florczak-Wątor. – Abingdon ; New York : Routledge, 2020. – P. 9–27.

7. Stolleis, M. Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 4 : Staats- und Verwaltungsrechtswissenschaft in West und Ost 1945–1990 / M. Stolleis. – München : C. H. Beck, 2012. – 720 S. – ISBN 978-3-406-63203-7.

8. The Anglo-Saxon Chronicle : A Collaborative Edition. Vol. 5 : MS C / ed. by K. O'Brien O'Keeffe. – Cambridge : D. S. Brewer, 2000. – 272 p.

9. Weber, R. Law-Making Activity of the German Federal Constitutional Court : A Case-Law Study / R. Weber // Judicial Law-Making in European Constitutional Courts / ed. by M. Florczak-Wątor. – Abingdon ; New York : Routledge, 2020. – P. 28–45.

Интернет - ресурсы

1. The Cappato Trial Step by Step [Электронный ресурс] // Associazione Luca Coscioni : официальный сайт. – URL: https://www.associazionelucacoscioni.it/the-cappato-trial-step-by-step (дата обращения: 28.03.2024).

2. Русский викисловарь [Электронный ресурс] // Викисловарь. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/фактор (дата обращения: 23.02.2025).

3. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 06.04.2024).

4. Устав гражданского судопроизводства : с законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов [Электронный ресурс] / сост. И. М. Тютрюмов. – 3-е изд., испр. и значительно доп. – Санкт-Петербург : Юридический книжный магазин И. И. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1912. – XVI, 1984 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003753838/ (дата обращения: 06.04.2024).

5. Карапетов, А. Г. Главная задача высших судов – разрешить спор справедливо. Но творить справедливость ad hoc не имеет смысла : интервью [Электронный ресурс] / А. Г. Карапетов // Цивилистика.РФ. – 2014. – 27 октября. – URL: http://www.civilista.ru/news.php?id=50 (дата обращения: 10.04.2024).

6. Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/34415/ (дата обращения: 31.05.2025).

7. History of the Court [Электронный ресурс] // UK Supreme Court : официальный сайт. – URL: https://supremecourt.uk/about-the-court/history (дата обращения: 25.05.2024).

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : проект федерального закона № 516699-8 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/516699-8 (дата обращения: 30.01.2025).

9. ВС РФ предложил упростить судопроизводство по делам о банкротстве [Электронный ресурс] // Legal.Report. – URL: https://legal.report/vs-rf-predlozhil-uprostit-sudoproizvodstvo-po-delam-o-bankrotstve/ (дата обращения: 02.05.2025).

10. В рамках ПМЮФ-2023 обсудили вопросы систематизации российского законодательства [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – URL: https://www.advgazeta.ru/obiavleniya/poleznaya-informatciya/v-ramkakh-pmyuf-2023-obsudili-voprosy-sistematizatsii-rossiyskogo-zakonodatelstva/ (дата обращения: 11.01.2024).

11. Концепция развития технологий машиночитаемого права [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 17.02.2025).